

А. Некрасов · Приключения капитана Врунгеля

А. Некрасов

Приключения
капитана
Врунгеля

Издательство «Детская литература»

А. НОКРАСОВ

приключения
Капитана
Врунгеля

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1980

Больше сорока лет назад я, тогда еще в рукописи, прочитал повесть Андрея Некрасова «Приключения капитана Врунгеля». Так я узнал, что отважный капитан со своими неунывающими спутниками Ломом и Фуксом на парусной яхте «Беда» отправился в кругосветное плавание.

С тех пор многое изменилось в мире. Иной стала карта нашей планеты, человек вышел в космос, атомные корабли проложили дороги в непроходимых прежде льдах... Новые радости пришли к людям и новые заботы. Множество новых книг появилось за это время.

А маленькая яхта «Беда» до сих пор не затерялась в огромном океане детской литературы. Оставив за кормой многие литературные суденышки, капитан Врунгель, по-прежнему не сбиваясь с курса, уверенно находит дорогу к сердцам своих читателей.

Для миллионов мальчишек и девчонок капитан Врунгель стал признанным героем, таким, как хвастливый Мюнхгаузен, отважный Робинзон или озорной Том Сойер.

Многие из первых читателей «Приключений капитана Врунгеля» сегодня — дедушки и бабушки. Первые издания этой книги стали библиографической редкостью. А сам капитан Врунгель не собирается еще на пенсию. Он и сегодня делает свою очень важную и нужную работу: дарит веселые минуты читателям и учит их с улыбкой переносить невзгоды и трудности.

Тем, кто впервые открывает эту книжку, я немножко завидую: они узнают много интересного, наверное, полюбят море и во всяком случае посмеются от души.

*Сергей Михалков,
Герой Социалистического труда,
лауреат Ленинской премии*

Некрасов А. С.

Н48 Приключения капитана Врунгеля: Избранные произведения./ Оформление К. Ротова. — Переизд. — М.: Дет. лит., 1980. — 352 с., ил.

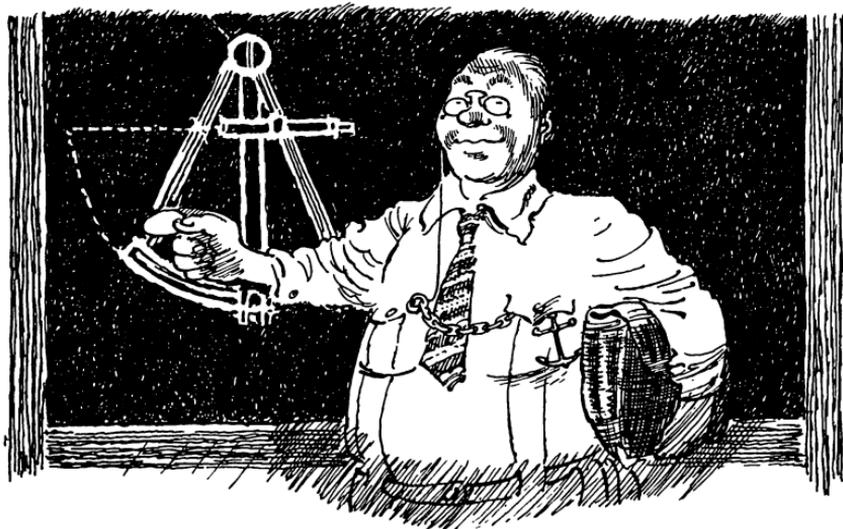
В пер.: 80 коп.

В книгу входят: «Приключения капитана Врунгеля» — юмористическая повесть о фантастическом кругосветном походе бесстрашного капитана и его спутников Лома и Фука, а также написанные в разные годы рассказы — «Морские сапоги», «Рассказы старого боцмана».

70802—553
Н М101(03)80 185—80

© Состав.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1980 г.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА ВРУНГЕЛЯ

Повесть

Глава I,

*в которой автор знакомит читателя с героем и в которой
нет ничего необычайного*

Навигацию у нас в мореходном училище преподавал Христофор Бонифатьевич Врунгель.

— Навигация,— сказал он на первом уроке,— это наука, которая учит нас избирать наиболее безопасные и выгодные морские пути, прокладывать эти пути на картах и водить по ним корабли... Навигация,— добавил он напоследок,— наука не точная. Для того чтобы вполне овладеть ею,

необходим личный опыт продолжительного практического плавания...

Вот это ничем не замечательное вступление послужило для нас причиной жестоких споров и всех слушателей училища разбило на два лагеря. Одни полагали, и не без основания, что Врунгель — не иначе, как старый морской волк на покое. Навигацию он знал блестяще, преподавал интересно, с огоньком, и опыта у него, видимо, хватало. Похоже было, что Христофор Бонифатьевич и в самом деле избородил все моря и океаны.

Но люди, как известно, бывают разные. Одни доверчивы сверх всякой меры, другие, напротив, склонны к критике и сомнению. Нашлись и среди нас такие, которые утверждали, что наш профессор, в отличие от прочих навигаторов, сам никогда не выходил в море.

В доказательство этого вздорного утверждения они приводили внешность Христофора Бонифатьевича. А внешность его действительно как-то не вязалась с нашим представлением о бравом моряке.

Христофор Бонифатьевич Врунгель ходил в серой толстовке, подпоясанной вышитым пояском, волосы гладко зачесывал с затылка на лоб, носил пенсне на черном шнурке без оправы, чисто брился, был тучным и низкорослым, голос имел сдержанный и приятный, часто улыбался, потирал ручки, нюхал табак и всем своим видом больше походил на отставного аптекаря, чем на капитана дальнего плавания.

И вот, чтобы решить спор, мы как-то попросили Врунгеля рассказать нам о своих былых походах.

— Ну, что вы! Не время сейчас,— возразил он с улыбкой и вместо очередной лекции устроил внеочередную контрольную по навигации.

Когда же после звонка он вышел с пачкой тетрадок под мышкой, наши споры прекратились. С тех пор никто уже не сомневался, что, в отличие от прочих навигаторов, Христофор Бонифатьевич Врунгель приобрел свой опыт домашним порядком, не пускаясь в дальнейшее плавание.

Так бы мы и остались при этом ошибочном мнении, если бы мне весьма скоро, но совершенно неожиданно не посчастливилось услышать от самого Врунгеля рассказ о его кругосветном путешествии, полном опасностей и приключений.

Вышло это случайно. В тот раз после контрольной Христофор Бонифатьевич пропал. Дня через три мы узнали, что по дороге домой он потерял в трамвае калоши, промочил ноги, простудился и слег в постель. А время стояло горячее: весна, зачеты, экзамены... Тетради нужны были нам каждый день... И вот меня как старосту курса командировали к Врунгелю на квартиру.

Я отправился. Без труда нашел квартиру, постучал. И тут, пока я стоял перед дверью, мне совершенно ясно представился Врунгель, обложенный подушками и укутанный одеялами, из-под которых торчит покрасневший от простуды нос.

Я постучал снова, погромче. Мне никто не ответил. Тогда я нажал дверную ручку, распахнул дверь и... остолбенел от неожиданности.

Вместо скромного отставного аптекаря за столом, углубившись в чтение какой-то древней книги, сидел грозный капитан в полной парадной форме, с золотыми нашивками на рукавах. Он свирепо грыз огромную прокуренную трубку, о пенсне и помину не было, а седые, растрепанные волосы клочьями торчали во все стороны. Даже нос, хотя он и действительно покраснел, стал у Врунгеля как-то солиднее и всеми своими движениями выражал решительность и отвагу.

На столе перед Врунгелем в специальной сточке стояла модель яхты с высокими мачтами, с белоснежными парусами, украшенная разноцветными флагами. Рядом лежал секстант. Небрежно брошенный сверток карт наполовину закрывал сушеный акулий плавник. На полу вместо ковра распласталась моржовая шкура с головой и с клыками, в углу валялся адмиралтейский якорь с двумя смычками ржавой цепи, на стене висел кривой меч, а рядом с ним — зверобойный гарпун. Было еще что-то, но я не успел рассмотреть.

Дверь скрипнула. Врунгель поднял голову, заложил книжку небольшим кинжалом, поднялся и, шатаясь как в шторм, шагнул мне навстречу.

— Очень приятно познакомиться. Капитан дальнего плавания Врунгель Христофор Бонифатьевич, — произнес он громовым басом, про-

тягивая мне руку.— Чему обязан вашим посещением?

Я, признаться, немножко струсил.

— Да вот, Христофор Бонифатьевич, насчет тетрадок... ребята прислали...— начал было я.

— Виноват,— перебил он меня,— виноват, не узнал. Болезнь проклятая всю память отшибла. Стар стал, ничего не поделаешь... Да... так, говорите, за тетрадами? — переспросил Врунгель и, склонившись, стал рыться под столом.

Наконец он достал оттуда пачку тетрадей и хлопнул по ним своей широкой волосатой рукой, да так хлопнул, что пыль полетела во все стороны.

— Вот, извольте,— сказал он, предварительно громко, со вкусом, чихнув,— у всех «отлично»... Да-с, «отлично»! Поздравляю! С полным знанием науки кораблеводства пойдете бороздить морские просторы под сенью торгового флага... Похвально, к тому же, знаете, и занимательно. Ах, молодой человек, сколько непередаваемых картин, сколько неизгладимых впечатлений ждет вас впереди! Тропики, полюса, плаванье по дуге большого круга...— прибавил он мечтательно.— Я, знаете, всем этим бредил, пока сам не поплавал.

— А вы разве плавали? — не подумав, воскликнул я.

— А как же! — обиделся Врунгель.— Я-то? Я плавал. Я, батенька, плавал. Очень даже плавал. В некотором роде единственный в мире кругосветный поход на двухместной парусной яхте. Сто сорок тысяч миль. Масса заходов, масса приключений... Конечно, теперь времена не те. И нравы изменились, и положение,— добавил он, помолчав.— Многое, так сказать, предстает теперь в ином свете, но все же, знаете, оглянись вот так назад, в глубину прошлого, и приходится признать: много было и занятого и поучительного

в том походе. Есть что вспомнить, есть что порассказать!.. Да вы присядьте..

С этими словами Христофор Бонифатьевич пододвинул мне китовый позвонок. Я уселся на него, как на кресло, а Врунгель стал рассказывать.

Глава II,

в которой капитан Врунгель рассказывает о том, как его старший помощник Лом изучал английский язык, и о некоторых частных случаях практики судовождения

Сидел я вот так в своей конуре, и, знаете, надоело. Решил тряхнуть стариной — и тряхнул. Так тряхнул, что по всему миру пыль пошла!.. Да-с. Вам, простите, спешить сейчас некуда? Вот и отлично. Тогда и начнем по порядку.

Я в ту пору, конечно, был помоложе, но не так, чтобы вовсе мальчишка. Нет. И опыт был за плечами, и годы. Стреляный, так сказать, воровей, на хорошем счету, с положением, и, скажу вам не хвастаясь, по заслугам. При таких обстоятельствах я бы мог получить в командование самый большой пароход. Это тоже довольно интересно. Но в то время самый большой пароход был как раз в плавании, а я ждать не привык, плюнул и решил: пойду на яхте. Это тоже, знаете, не шутка — пойти в кругосветное плавание на двухместной парусной посудинке.

Ну, стал искать судно, подходящее для выполнения задуманного плана, и, представьте, нашел. Как раз то, что нужно. Точно для меня строили.

Яхта, правда, требовала небольшого ремонта, но под личным моим наблюдением ее в два счета привели в порядок: покрасили, поставили новые паруса, мачты, сменили обшивку, укоротили киль на два фута, надставили борта... Словом, пришлось повозиться. Но зато вышла не яхта — игру-

щечка! Сорок футов по палубе. Как говорится: «Скорлупка во власти моря».

Я не люблю преждевременных разговоров. Судно поставил у бережка, закрыл брезентом, а сам пока занялся подготовкой к походу.

Успех подобного предприятия, как вы знаете, во многом зависит от личного состава экспедиции. Поэтому я особенно тщательно выбирал своего спутника — единственного помощника и товарища в этом долгом и трудном пути. И, должен признаться, мне повезло: мой старший помощник Лом оказался человеком изумительных душевных качеств. Вот, судите сами: рост семь футов шесть дюймов, голос — как у парохода, необыкновенная физическая сила, выносливость. При всем том отличное знание дела, поразительная скромность — словом, все, что требуется первоклассному моряку. Но был и недостаток у Лома. Единственный, но серьезный: полное незнание иностранных языков. Это, конечно, важный порок, но это не остановило меня. Я взвесил положение, подумал, прикинул и приказал Лому в срочном порядке овладеть английской разговорной речью. И, знаете, Лом овладел. Не без трудностей, но овладел за три недели.

Для этой цели я избрал особый, дотоле неизвестный метод преподавания: я пригласил для моего старшего помощника двух преподавателей. При этом один обучал его с начала, с азбуки, а другой с конца. И, представьте, с азбукой-то у Лома и не заладилось, особенно с произношением. Дни и ночи напролет мой старший помощник Лом разучивал трудные английские буквы. И, знаете, не обошлось без неприятностей. Вот так однажды он сидел за столом, изучая девятую букву английского алфавита — «ай».

— Ай... ай... ай... — твердил он на все лады, все громче и громче.

Соседка услышала, заглянула, видит: здоровый детина сидит, кричит «ай!». Ну, решила, что бедняге плохо, вызвала «скорую помощь». Приехали. Накинули на парня смирительную рубашку, и я с трудом на другой день вызволил его из лечебницы. Впрочем, кончилось все благополучно: ровно через три недели мой старший помощник Лом донес мне рапортом, что оба преподавателя доучили его до середины, и, таким образом, задача выполнена. В тот же день я назначил отход. Мы и без того задержались.

И вот наконец долгожданный момент настал. Сейчас, возможно, событие это прошло бы и незамеченным. Но в то время такие походы были в диковинку. Сенсация, так сказать. И не мудрено, что с утра в тот день толпы любопытных запрудили берег. Тут, знаете, флаги, музыка, общее ликование... Я встал в руль и скомандовал:

— Поднять паруса, отдать носовой, руль на правую!

Паруса взвились, распустились, как белые крылья, взяли ветер, а яхта, понимаете, стоит. Отдали кормовой конец — все равно стоит. Ну, вижу — нужно принимать решительные меры. А тут как раз буксир шел мимо. Я схватил рупор, кричу:

— Эй, на буксире! Прими конец, черт побирай!

Буксир потянул, пыхтит, мылит воду за кормой, только что на дыбы не встает, а яхта — ни с места... Что за притча?

Вдруг что-то ухнуло, яхта накренилась, я на мгновение потерял сознание, а когда очнулся, смотрю — конфигурация берегов резко изменилась, толпы рассеялись, вода кишит головными уборами, тут же плавает будка с мороженым, верхом на ней сидит молодой человек с киноаппаратом и крутит ручку.

А под бортом у нас целый зеленый остров.

Я посмотрел — и все понял: плотники недоглядели, поставили свежий лес. И, представьте, за лето яхта всем бортом пустила корни и приросла. А я еще удивлялся: откуда такие красивые кусты на берегу? Да. А яхта построена крепко, буксир добрый, канат прочный. Как дернули, так полберега и отнесло вместе с кустами. Недаром, знаете, свежий лес не рекомендуется употреблять при судостроении... Неприятная история, что и говорить, но, к счастью, все кончилось благополучно, без жертв.

В мои планы задержка не входила, понятно, но тут ничего не поделаешь. Это, как говорится, «форсмажор» — непредвиденное обстоятельство. Пришлось встать на якорь и очистить борта. А то, понимаете, неудобно: рыбаков не встретишь — рыбы засмеют. Не годится со своей усадьбой плавать.

Я и мой старший помощник Лом весь день провозились с этой работой. Намучились, признаться, изрядно, вымокли, замерзли... И вот уже ночь спустилась над морем, звезды высыпали на небе, на судах бьют полночную склянку. Я отпустил Лома спать, а сам остался на вахте. Стою, размышляю о трудностях и прелестях предстоящего похода. И так это, знаете, размечтался, не заметил, как и ночь прошла.

А утром меня ждал страшный сюрприз: я не только сутки хода потерял с этой аварией — я потерял название корабля!

Вы, может быть, думаете, что название роли не играет? Ошибаетесь, молодой человек! Имя для корабля — то же, что фамилия для человека. Да вот, недалеко ходить за примером: Врунгель, скажем, звучная, красивая фамилия. А будь я какой-нибудь Забодай-Бодайло, или вот ученик у меня был — Суслик... Разве я мог бы рассчитывать на то уважение и доверие, которым пользуюсь сей-

час? Вы только представьте себе: капитан дальнего плавания Суслик... Смешно-с!

Вот так же и судно. Назовите судно «Геркулес» или «Богатырь» — перед ним льды расступятся сами, а попробуйте назвать свое судно «Корыто» — оно и плавать будет, как корыто, и непременно перевернется где-нибудь при самой тихой погоде.

Вот поэтому я перебрал и взвесил десятки имен, прежде чем остановил свой выбор на том, которое должна была носить моя красавица яхта. Я назвал яхту «Победа». Вот славное имя для славного корабля! Вот имя, которое не стыдно пронести по всем океанам! Я заказал медные литые буквы и сам укрепил их на срезе кормы. Начищенные до блеска, они огнем горели. За полмили можно было прочесть: «Победа».

И вот в тот злополучный день, под утро, я стою один на палубе. На море штиль, порт еще не проснулся, после бессонной ночи клонит ко сну... Вдруг вижу: пыхтит портовый катерок-работяга, подходит прямо ко мне и — хлоп на палубу пачку газет! Честолюбие, конечно, в известной мере порок. Но все мы люди, все человеки, как говорится, и каждому приятно, когда в газете пишут про него. Да-с. И вот я разворачиваю газету. Читаю:

«Вчерашняя авария на старте кругосветного похода как нельзя лучше оправдала оригинальное имя, которое капитан Врунгель дал своему судну...»

Я несколько смутился, но, признаться, толком не понял, о чем разговор. Хватаю другую газету, третью... Тут в одной из них мне бросается в глаза фотография: в левом углу я, в правом мой старший помощник Лом, а посередине наша красавица яхта и подпись: «Капитан Врунгель и яхта «Беда», на которой он отправляется...»

Тогда я все понял. Я бросился на корму, посмотрел. Так и есть: сбило две буквы — «П» и «О».

Скандал! Непоправимый скандал! Но сделать уже ничего невозможно: у газетчиков длинные языки. Врунгеля, капитана «Победы», никто не знает, зато весь мир узнал уже о моей «Беде».

Но долго горевать не пришлось. С берега потянул ветерок, паруса зашевелились, я разбудил Лома и стал поднимать якорь.

И пока мы шли морским каналом, нам со всех кораблей, как назло, кричали:

— Эй, на «Беде», счастливого плавания!

Жалко было красивого имени, но ничего не поделаешь. Так на «Беде» и пошли.

Вышли в море. Я еще не успел оправиться от огорчения. И все-таки должен сказать: хорошо в море! Недаром, знаете, еще древние греки говорили, что море все невзгоды смывает с души человека.

Идем. Тишина, только волны шелестят вдоль бортов, мачта поскрипывает, а берег уходит, тает за кормой. Погода свежеет, белячки пошли по волнам, откуда-то прилетели буревестники, ветерок стал крепчать. Работает, свистит в снастях настоящий морской, соленый ветер. Вот и последний маяк остался позади, берегов как не бывало, только море кругом; куда ни взглянешь — везде море.

Я проложил курс, сдал командование Лому, постоял еще минутку на палубе и пошел вниз, в каюту — вздремнуть часок-другой перед вахтой. Недаром у нас, у моряков, говорится: «Не выспаться всегда успеешь».

Спустился, выпил на сон грядущий рюмочку рому, лег на койку и заснул как убитый.

А через два часа, бодрый и свежий, поднимаюсь на палубу. Осмотрелся кругом, глянул вперед... и в глазах у меня потемнело.

На первый взгляд — ничего, конечно, особенного: то же море кругом, те же чайки, и Лом в полном порядке, держит штурвал, но впереди, прямо перед носом «Беды», — едва заметная, как серая ниточка, встает над горизонтом полоска берега.

А вы знаете, что это значит, когда берегу полагается быть слева за тридцать миль, а он у вас прямо по носу? Это полный скандал. Безобразие. Стыд и позор для вас! Я был потрясен, возмущен и напуган. Что делать? Поверите ли, я решил положить судно на обратный курс и

с позором вернуться к причалу, пока не поздно. А то ведь с таким помощником плавать — так заедешь, что и не выберешься, особенно ночью.

Я уже собрался отдать соответствующую команду, уже и воздух в грудь набрал, чтобы повнушительнее это вышло, но тут, к счастью, все объяснилось. Лома выдал нос. Мой старший помощник все время сворачивал нос налево, жадно вытягивал воздух и сам тянулся туда же.

Ну, тогда я все понял: в моей каюте, по левому борту, осталась незакупоренная бутылка прекрасного рому. А у Лома редкий нюх на спиртное, и, понятно, его тянуло к бутылке. Это бывает.

А раз так — значит, дело поправимое. В некотором роде частный случай практики кораблевождения. Бывают такие случаи, не предусмотренные наукой. Я не стал даже раздумывать, спустился в каюту и незаметно перенес бутылку на правый борт. Нос у Лома потянулся, как компас за магнитом, судно послушно покатилося туда же, а два часа спустя «Беда» легла на прежний курс. Тогда я поставил бутылку впереди, у мачты, и Лом больше не сбивался с курса. Он вел «Беду», как по ниточке, и только один раз особенно жадно вытянул воздух и спросил:

— А что, Христофор Бонифатьевич, не прибавить ли нам парусов?

Это было дельное предложение. Я согласился. «Беда» и до того шла неплохо, а тут полетела стрелой.

Вот таким образом и началось наше дальнейшее плавание.

Глава III

О том, как техника и находчивость могут возместить недостаток храбрости, и о том, как в плавании надо использовать все обстоятельства, вплоть до личного недомогания

Дальнее плавание... Слова-то какие! Вы задумайтесь, молодой человек, прислушайтесь к музыке этих слов.

Дальнее... даль... простор необъятный... пространство. Не правда ли?

А «плавание»? Плавание — это стремление вперед, движение, иными словами.

Значит так: движение в пространстве.

Тут, знаете, астрономией пахнет. Чувствуешь себя в некотором роде звездой, планетой, спутником, на худой конец.

Вот поэтому и тянет таких людей, как я или, скажем, мой тезка Колумб, в дальнее плавание, в открытый океан, на славные морские подвиги.

И все же не в этом главная сила, которая заставляет нас покидать родные берега.

И если хотите знать, я вам открою секрет и поясню, в чем тут дело.

Удовольствия дальнего плавания неоценимы, что говорить. Но есть большее удовольствие: рассказать в кругу близких друзей и случайных знакомых о явлениях прекрасных и необычайных, свидетелями которых вы становитесь в дальнем плавании, поведать о тех положениях, порой забавных, порой трагических, в которые то и дело ставит вас превратная судьба мореплавателя.

Но в море, на большой океанской дороге, что вы можете встретить? Воду и ветер главным образом.

А что вы можете пережить? Штормы, штиль, блуждания в туманах, вынужденные простои на мелях... Бывают, конечно, и в открытом море различные необычайные происшествия, и в нашем походе их было немало, но в основном про воду, про ветер, про туманы и мели много не расскажешь.

Рассказать-то, положим, можно бы. Рассказать есть что: бывают, допустим, смерчи, тайфуны, жемчужные отмели — мало ли что! Все это поразительно интересно. Ну, рыбы там, корабли, спруты — тоже и об этом можно рассказать. Да вот беда: столько уж об этом порассказано, что

не успеете вы рот раскрыть — все ваши слушатели сразу разбегутся, как караси от акулы.

Другое дело — заходы, новые берега, так сказать. Там, знаете, есть на что посмотреть, есть чему удивиться. Да-с. Недаром говорят: «Что город, то норов».

Вот поэтому такой моряк, как я, любознательный и не связанный коммерческими интересами, старается всячески разнообразить свое плавание заходами в чужие страны. И в этом отношении плавание на маленькой яхте представляет бесчисленные преимущества.

А как же, знаете! Встали вы, допустим, на вахту, склонились над картой. Вот ваш курс, справа некое царство, слева некое государство, как в сказке. А ведь там тоже люди живут. А как живут? Интересно ведь посмотреть хоть одним глазком! Интересно? Извольте, полюбопытствуйте, кто же вам не велит? Руль на борт... и вот уже входной маяк на горизонте! Вот так-то!

Да-с. Мы шли с попутным ветром, туман лежал над морем, и «Беда» бесшумно, как призрак, мило за милей глотала пространство. Не успели мы оглянуться, прошли Зунд, Каттегат, Скагеррак... Я не мог нарадоваться на ходовые качества яхты. И вот на пятые сутки, на рассвете, туман рассеялся, и по правому борту у нас открылись берега Норвегии.

Можно бы пройти мимо, но куда торопиться? Я скомандовал:

— Право на борт!

Мой старший помощник Лом положил руль круто направо, и три часа спустя цепь нашего якоря загрохотала в красивом и тихом фиорде.

Вы не бывали в фиордах, молодой человек? Напрасно! Непременно побывайте при случае.

Фиорды, или шхеры, другими словами, — это, знаете, такие узкие заливы и бухточки, запутан-

ные, как куриный след, а кругом скалы, изрытые трещинами, обросшие мохом, высокие и неприступные. В воздухе стоит торжественное спокойствие и нерушимая тишина. Красота необычайная!

— А что, Лом,— предложил я,— не сойти ли нам погулять до обеда?

— Есть погулять до обеда! — гаркнул Лом, да так, что птицы целой тучей поднялись со скал, а эхо (я сосчитал) тридцать два раза повторило: «Бéда... бéда... бéда...»

Скалы как бы приветствовали приход нашего судна. Хотя, конечно, на иностранный манер, ударе не там, но всё же, знаете, приятно и удивительно. Впрочем, по правде сказать, особенно и поражаться нечему. Там изумительное эхо в фиордах... Да одно ли эхо! Там, батенька, сказочные места и сказочные бывают происшествия. Вы послушайте, что дальше случилось.

Я закрепил руль и пошел переодеться в каюту. Лом тоже спустился. И вот, знаете, я уже совсем готов, шнурую ботинки — вдруг чувствую: судно получило резкий наклон на нос. Встревоженный, вскакиваю, пулей вылетаю на палубу, и глазам моим представляется печальная картина: нос яхты целиком в воде и продолжает быстро погружаться, корма же, напротив, вздымается кверху.

Я понял, что сам виноват: не учел особенностей грунта, а главное — прилив прозевал. Якорь зацепился, держится, как влитой, а вода подпирает. И цепь потравить невозможно: весь нос в воде, поди-ка ныряй к брашпилью. Куда там!

Едва мы успели задраить наглухо вход в каюту, как «Беда» заняла совершенно вертикальную позицию, наподобие рыболовного поплавка. Ну и пришлось смириться перед стихией. Ничего не поделаешь. Спаслись на корме. Так там и пересидели до вечера, пока вода начала спадать. Вот так.

А вечером, умудренный опытом, я ввел судно в узкий пролив и причалил к берегу. Так-то, думаю, будет вернее.

Да-с. Приготовили скромный ужин, произвели уборку, зажгли огни, как положено, и улеглись спать, уверенные, что не повторится история с якорем. А утром, чуть свет, Лом будит меня и рапортует:

— Разрешите доложить, капитан: полный штиль, барометр показывает ясно, температура наружного воздуха двенадцать градусов по Цельсию, произвести измерение глубины и температуры воды не представилось возможным за отсутствием таковой.

Я спросонья не сразу и понял, о чем он говорит.

— То есть как это «за отсутствием»? — спрашиваю. — Куда же она девалась?

— Ушла с отливом, — рапортует Лом. — Судно заклинило между скалами и пребывает в состоянии устойчивого равновесия.

Вышел я, вижу — та же песня, да на новый лад. То прилив нас попутал, теперь отлив шутки шутит. То, что принял я за проливчик, оказалось ущельем. К утру вода сошла, и мы встали на твердый грунт, как в сухом доке. Под килем — пропасть в сорок футов, выбраться нет никакой возможности. Куда там выбраться! Одно остается — сидеть, ждать погоды, прилива, вернее сказать.

Но я не привык тратить время по-пустому. Осмотрел яхту со всех сторон, бросил за борт шторм-трап, взял топор, рубанок, кисть. Заподлицо обтесал борта в тех местах, где остались сучья, покрасил. А когда вода пошла на прибыль, Лом закинул с кормы удочку и наловил рыбы на уху. Так что, видите, даже такое неприятное обстоятельство, если с умом взяться, можно обернуть на пользу делу, так сказать.

После всех этих событий благоразумие подсказывало покинуть этот предательский фиорд. Кто же его знает, какие он еще готовит сюрпризы? Но я человек, как вы знаете, смелый, настойчивый, даже несколько упрямый, если хотите, и не привык отказываться от принятых решений.

Так и в тот раз: решил гулять — значит, гулять. И как только «Беда» встала на воду, я перевел ее на новое, безопасное место. Вытравил цепь подлиннее, и мы отправились.

Идем между скалами по тропинке, и чем дальше идем, тем поразительнее окружающая приро-

да. На деревьях белки, птички какие-то: «чик-чирик», а под ногами сухие сучья трещат, и кажется: сейчас выйдет медведь и заревет... Тут же ягоды, земляника. Я, знаете, нигде не видел такой земляники. Крупная, с орех! Ну, мы увлеклись, углубились в лес, забыли совсем про обед, а когда спохватились, смотрим — поздно. Уже солнце склонилось, тянет прохладой. И куда идти, неизвестно. Кругом лес. Куда ни помотришь, везде ягоды, ягоды, одни ягоды...

Спустились вниз, к фиорду, видим — не тот фиорд. А время уже к ночи. Делать нечего, развели костер, ночь кое-как прошла, а утром полезли на гору. Может быть, думаем, оттуда, сверху, увидим «Беду».

Лезем в гору, нелегко при моей комплекции, но лезем, подкрепляемся земляничкой. Вдруг слышим сзади какой-то шум. Не то ветер, не то водопад, трещит что-то все громче, и как будто попахивает дымком.

Я обернулся, гляжу — так и есть: огонь! Обступает со всех сторон, стеной идет за нами. Тут уж, знаете, не до ягод.

Белки побросали гнезда, прыгают с ветки на ветку, всё выше по склону. Птицы поднялись, кричат. Шум, паника...

Я не привык бегать от опасности, но тут, делать нечего, надо спастись. И полным ходом за белками, на вершину скалы, — больше некуда.

Вылезли, отдышались, осмотрелись кругом. Положение, доложу вам, безвыходное: с трех сторон огонь, с четвертой — крутая скала... Я посмотрел вниз — высоко, даже дух захватило. Картинка, в общем, безрадостная, и единственное отрадное пятно на этом мрачном горизонте — наша «Беда»-красавица. Стоит как раз под нами, чуть качается на волне и мачтой, как пальчиком, манит к себе на палубу.

А огонь все ближе. Белок кругом видимо-невидимо. Осмелели. У других, знаете, хвосты в огне пообгорели, так те особенно храбрые, нахальные, проще сказать: лезут прямо на нас, толкаются, нажимают, того и гляди, спихнут в огонь. Вот оно как костры-то разводить!

Лом в отчаянии. Белки тоже в отчаянии. Признаться, и мне не сладко, но я не подаю виду, креплюсь — капитан не должен поддаваться унынию. А как же!

Вдруг смотрю — одна белка нацелилась, хвост распушила и прыг прямо на «Беду», на палубу. За ней другая, третья и, гляжу,— как горох, посыпались. В пять минут у нас на скале стало чисто.

А мы что, хуже белок, что ли? Я решил тоже прыгать. Ну, искупаемся в крайнем случае. Подумаешь, велика важность! Это даже полезно перед завтраком — искупаться. А у меня так: решено — значит, сделано.

— Старший помощник, за белками — полный вперед! — скомандовал я.

Лом шагнул, занес уже ногу над пропастью, но вдруг извернулся, как кошка, и назад.

— Не могу,— говорит,— Христофор Бонифатьевич, увольте! Не буду прыгать, я лучше сгорю...

И я вижу: действительно сгорит человек, а прыгать не станет. Естественная боязнь высоты, болезнь своего рода... Ну что тут делать! Не бросать же беднягу Лома!

Другой бы растерялся на моем месте, но я не таков. Я нашел выход.

У меня с собой оказался бинокль. Прекрасный морской бинокль с двенадцатикратным приближением. Я приказал Лому поставить бинокль по глазам, подвел его к краю скалы и строгим голосом спрашиваю:

— Старший помощник, сколько белок у вас на палубе?

Лом принялся считать:

— Одна, две, три, четыре, пять...

— Отставить! — крикнул я. — Без счета принять, загнать в трюм!

Тут чувство служебного долга взяло верх над сознанием опасности, да и бинокль, как ни говорите, помог: приблизил палубу. Лом спокойно шагнул в пропасть...

Я глянул вслед — только брызги поднялись столбом. А минуту спустя мой старший помощник Лом уже вскарабкался на борт и принялся загонять белок.

Тогда и я последовал тем же путем. Но мне, знаете, легче: я человек бывалый, могу без бинокля.

А вы, молодой человек, учтите этот урок, при случае пригодится: соберетесь, к примеру, с парашютом прыгать, непременно возьмите бинокль, хоть плохонький, какой-никакой, а все-таки, знаете, как-то легче, не так высоко.

Ну, спрыгнул. Вынырнул. Забрался и я на палубу. Хотел Лому помочь, да он парень расторопный, один справился. Не успел я отдышаться, а он уже захлопнул люк, встал во фронт и рапортует:

— Принято без счета полный груз белок живьем! Какие последуют распоряжения?

Вот тут, знаете, подумаешь, какие распоряжения.

На первое время ясно, поднимать якорь, ставить паруса да уходить подобру-поздорову от этой горячей горы. Ну его к дьяволу, этот фиорд. Смотреть тут нечего больше, да и жарко стало к тому же... Так что по этому вопросу у меня сомнений не возникло. А вот что с белками делать? Тут, знаете, похуже положение. Черт их знает, что с ними делать? Хорошо, еще вовремя в трюм загнали, а то, знаете, проголодались негодные зверюшки, принялись грызть снасти. Еще бы чуть — и ставь заново весь такелаж.

Ну конечно, можно бы ободрать с белок шкурки и сдать в любом порту. мех ценный, добротный. Не без выгоды можно бы провести операцию. Но это как-то нехорошо: они нас спасли, во всяком случае указали путь к спасению, а мы с них последние шкурки! Не в моих это правилах. А с другой стороны, везти с собой всю эту компанию вокруг света — тоже удовольствие не из приятных. Ведь это значит кормить, поить, ухаживать. А как же — это закон: принял пассажи-

ров — создай условия. Тут, знаете, хлопот не оберешься.

Ну, я решил так: дома разберемся. А у нас, у моряков, где дом? В море. Макаров, адмирал, помните, как говорил: «В море — значит дома». Вот и я так. Ладно, думаю, выйдем в море, а там подумаем. Запросим в крайнем случае инструкции в порту отправления. Да-с.

Вот и пошли. Идем. Встречаемся с рыбаками, с пароходами. Хорошо! А к вечеру ветерок закрепчал, начался настоящий шторм — баллов десять. Море бушует. Как поднимет нашу «Беду», как швырнет вниз!.. Снасти стонут, мачта скрипит. Белки в трюме укачались с непривычки, а я радуюсь: «Беда» моя держится молодцом, на пять с плюсом сдает штормовой экзамен. И Лом — героем: надел зюйдвестку, стоит, как влитой, у руля и твердой рукой держит штурвал. Ну, я постоял еще, посмотрел, полюбовался на разбушевавшуюся стихию и пошел к себе в каюту. Сел к столу, включил приемник, надел наушники и слушаю, что там в эфире творится.

Чудесная это штука — радио. Нажмешь кнопку, повернешь рукоятку — и на-ка, все к твоим услугам: музыка, погода на завтра, последние новости. Другие, знаете, болеют насчет футбола — так тоже, извольте: «Удар! Еще удар!.. И вратарь вынимает мяч из сетки...» Словом, не мне вам рассказывать: радио — великая вещь! Но я в тот раз как-то неудачно попал. Поймал Москву, настроился, слышу: «Иван... Роман... Константин... Ульяна... Татьяна... Семен... Кирилл...» — точно в гости пришел и знакомишься. Прямо хоть не слушай. А у меня еще зуб был с дуплом, разболелся что-то... должно быть, после купанья, — так разболелся, хоть плачь.

Ну, я решил прилечь, отдохнуть. Совсем было снял наушники, вдруг слышу: никак, SOS?

Прислушался: «Т-Т-Т... Та, Та, Та, Т-Т-Т...» Так и есть: сигнал бедствия. Судно гибнет, и здесь где-то, близко. Я замер, ловлю каждый звук, хочу узнать поподробнее: где? что? В это время накатила волна, да так поддала «Беду», что она, бедняжка, совсем легла на борт. Белки взвыли. Но это бы еще ничего. Тут гораздо хуже получилось: приемник прыг со стола, сорвался, знаете, хлоп о переборку и разлетелся в куски. И вижу: не соберешь. Передачу, конечно, как ножом отрезало. И такое тяжелое чувство: рядом кто-то терпит бедствие, а где, кто — неизвестно.

Надо идти выручать, а куда идти — кто его знает? И зуб еще хуже разболелся.

И вот представьте: он-то меня и выручил! Я недолго думая хватаю конец антенны — и прямо в зуб, в дупло. Боль адская, искры из глаз посыпались, но зато прием опять налачился. Музыка, правда, не слышно, да мне, признаться, тут музыка и ни к чему. Какая там музыка! А морзе зато — лучше и не придумаешь: точка — кольнет незаметно, как булавочкой, а уж тире — точно кто шуруп туда закручивает. И никакого усилителя не нужно, и никакой настройки — больной зуб с дуплом и без того обладает высокой чувствительностью. Терпеть трудно, конечно, но что поделаешь: в таком положении приходится жертвовать собой.

И, поверите ли, так всю передачу до конца на зуб и принял.

Записал, разобрал, перевел. Оказывается, почти рядом с нами норвежский парусник потерпел аварию: сел на мель на Доггербанке, получил пробоину, вот-вот пойдет ко дну.

Тут думать некогда, надо идти выручать. Я забыл про зубную боль и сам стал распоряжаться спасением. Поднялся на палубу, стал к штурвалу.

Идем. Ночь кругом, холодное море, волны хлещут, ветер свистит...

Ну, с полчаса прошли, отыскали норвежцев, осветили ракетами. Я вижу — дело дрянь. Вплотную, борт о борт, не станешь — разобьет. Шлюпки у них все снесло, а на концах перетаскивать людей в такую погоду тоже рискованно: перетопишь, чего доброго.

Зашел с одной стороны, зашел с другой — ничего не выходит. А шторм разыгрался пуще прежнего. Как накатит на это суднишко волна, так его и не видно совсем. Перекачивает через

палубу, одни мачты торчат... Стоп, думаю, это нам на руку.

Я решил рискнуть. Зашел на ветер, повернул оверштаг и вместе с волной на всех парусах пошел фордевинд полным ходом.

Расчет тут был самый простой: у «Беды» осадка небольшая, а волны — как горы. Удержимся на гребне — как раз и проскочим над палубой.

Ну, знаете, норвежцы уже отчаялись, а я тут как тут. Стою в руле, правлю так, чтобы не зацепить за мачты, а Лом ловит потерпевших прямо за шиворот, сразу по двое. Восемь раз так прошли и вытащили всех — шестнадцать человек во главе с капитаном.

Капитан немножко обиделся: ему последнему полагается покидать судно, а Лом в спешке да в темноте не разобрал, подцепил его первым. Не красиво получилось, конечно, ну да ничего, бывает... И только сняли последнюю пару, смотрю: катит девятый вал. Налетел, ухнул — только щепки полетели от несчастного суднишка.

Норвежцы сняли шапки, стоят дрожат на палубе. Ну, и мы посмотрели... Потом развернулись, легли на курс и пошли полным ходом назад, в Норвегию.

На палубе теснота — не повернешься, но норвежцы ничего, довольны даже. Да и понятно: конечно, и тесно и холодно, а все лучше, чем купаться в такую погоду.

Да... Выручил, спас норвежцев. Вот тебе и «Беда»! Для кого беда, а для кого чудесное, так сказать, избавление от гибели.

А все находчивость! В дальнем плавании, молодой человек, если хотите быть хорошим капитаном, никогда не теряйте ни одной возможности, используйте все для пользы дела, даже личное недомогание, если к тому представится случай. Вот так-то!

*О нравах скандинавских народов, о неправильном произношении
некоторых географических названий и о применении
белок в морском деле*

Пришли назад в Норвегию, в город Ставангер. Эти моряки оказались благородными людьми и приняли нас великолепно.

Меня и Лома поместили в лучшей гостинице, яхту за свой счет покрасили самой дорогой краской. Да что там яхту,— белок и тех не забыли: выписали на них документы, оформили как груз, а потом приходят и спрашивают:

— Чем прикажете кормить ваших милых животных?

А чем их кормить? Я в этом деле ничего не понимаю, никогда белок не разводил. Спросил у Лома, тот говорит:

— Точно не скажу, но, помнится, орехами и сосновыми шишками.

И вот, представляете, какая случайность: я свободно объясняюсь по-норвежски, а вот эти два слова забыл. Вертятся на языке, а вспомнить не могу. Как отшибло. Думал, думал: как быть? Ну и придумал: послал Лома вместе с норвежцами в бакалейную лавочку.

— Посмотрите,— говорю,— может быть, и найдете что подходящее.

Пошел он. Потом вернулся, доложил, что все в порядке: нашел, мол, и орехи и шишки. Меня, признаться, несколько удивило, что в лавке торгуют шишками, но, знаете, в чужой стране чего не бывает! Может, думаю, для самоваров или, там, елки украшать, мало ли для чего?

А вечером прихожу на «Беду» — посмотреть, как идет окраска, заглянул в трюм к белкам — и что бы вы думали! Лом ошибся, но до чего же удачно ошибся!

Гляжу: сидят мои белки, как на именинах, и за обе щеки уплетают ореховую халву. Халва в банках, и на каждой, на крышке, нарисован орех. А с шишками еще лучше: вместо шишек привезли ананасы. Ну и действительно, кто не знает, легко может спутать. Ананасы, правда, размером побольше, а в остальном похожи, и запах тот же. Лом там, в лавочке, как увидел, ткнул пальцем туда-сюда,— вот оно так и получилось.

Ну, стали нас водить по театрам, по музеям, показывать различные достопримечательности. Показали, между прочим, живую лошадь. Это у них большая редкость. Ездят там на автомобилях, еще больше ходят пешком. Пахали в то время своими силами, вручную, так что лошади были им ни к чему. Каких помоложе — повывезли, постарше — так передохли, а которые остались, так те стоят в зоопарках, жуют сено и мечтают.

И если выведут лошадь на прогулку, сейчас же собирается толпа, все смотрят, кричат, нарушают уличное движение. Все равно как у нас пошел бы жираф по улице, так тоже, я думаю, старшина не знал бы, какой свет на светофоре зажигать.

Ну, а нам лошадь не в диковинку. Я даже решил удивить норвежцев: схватил ее за холку, вскочил, пришпорил каблуками.

Норвежцы ахнули, а на другое утро все газеты поместили статью о моей храбрости и фотографию: мчится лошадь вскачь и я на ней. Без седла, китель расстегнулся, трепещет на ветру, фуражка сбилась, ноги болтаются, а у лошади хвост трубой...

После я понял: неважная фотография, недостойная моряка, но тогда сгоряча не обратил внимания и был даже доволен.

И норвежцы остались довольны.

Вообще нужно сказать, приятная эта страна.

И народ там хороший, такой, знаете, тихий народ, приветливый, добродушный.

Я там, в Норвегии, не раз, конечно, и прежде бывал, и смолоду, помню, такой у меня вышел случай.

Высадились мы в одном порту, а оттуда мой путь лежал по железной дороге.

Ну-с, прихожу на станцию. Поезд не скоро. С чемоданами гулять, прямо скажем, — затруднительно и неудобно.

Разыскал я начальника станции, спрашиваю:
— Где тут у вас камера хранения?

А начальник, славный такой старичок, развел руками.

— Извините, — говорит, — специального помещения для хранения ручной клади у нас не предусмотрено. Но это ничего, вы, — говорит, — не стесняйтесь, оставьте тут ваши чемоданчики, они никому не помешают, уверяю вас...

Вот так-то. А недавно дружок мой оттуда пришел. У него, представьте, в поезде из купе увели чемодан. Да что там говорить: многое изменилось и в нравах и в обхождении. Ну как же, знаете: в войну немцы там побывали — новый порядок наводили. И сейчас посещают страну разные просветители, поднимают образ жизни на должную высоту. Ну, и конечно, пообтерся народ, стал порасторопнее. Теперь уж и там понимают, что где плохо лежит. Культура!

Ну, а в то время жили там еще по старинке. Тихо жили. Но не все. Были и тогда в Норвегии люди, так сказать, передовые, вкусившие от древа познания добра и зла. Вот, допустим, владельцы крупных магазинов, заведений, фабрик. Эти и тогда понимали, где что плохо лежит.

И меня это тоже коснулось самым, так сказать, непосредственным образом. Есть там фирма одна — производит телефоны, радиоприемники... Так вот, пронюхали эти фабриканты про мой зуб и забеспокоились. Да и понятно: ведь если все станут на зуб принимать, никто и приемников покупать не будет. Урон-то какой! Тут забеспокоишься. Ну, и решили недолго думая завладеть моим изобретением, да и моим зубом заодно. Сначала, знаете, так это, по-хорошему, прислали деловое письмо с предложением продать мой дефектный зуб. А я рассудил, думаю: «С какой же стати?» Зуб еще ничего, кусать можно, а что с дуплом, так это уж, извините, мое дело. У меня вот один знакомый есть, так он даже любит, когда зубы болят.

— Конечно, — говорит, — когда болят, действительно и больно и неприятно, но зато, когда пройдут, уж больно хорошо!

Да. Ну, я ответил, что не продаю зуб, и все тут...

Так, думаете, они успокоились? Как бы не так! Решили выкрасть мой зуб. Появились какие-то негодяи, ходят по пятам за мной, заглядывают в рот, шепчутся... Ну и стало мне не по себе: хорошо, как один зуб, так уж и быть, а ну как для верности заберут совсем, с головой? Куда я без головы пойду плавать?

Вот я и решил уйти от греха. Запросил в порту отправления инструкции по вопросу о белках, а сам, чтобы защититься от злоумышленников, принял особые меры: взял дубовую сходню, один конец засунул под ворота пакгауза, другой под дверь кубрика и приказал Лому грузить «Беду» балластом.

Яхта осела до фальшборта, сходня согнулась, как пружина, одним только краешком держится под дверью. Я перед сном осмотрел, проверил готовность этого сооружения и спокойно улегся спать. Даже вахту не выставил: незачем. И вот, знаете, под утро пришли. Я слышу осторожные шаги, скрип двери, потом вдруг — трах! — сходня выскочила из-под двери, разогнулась...

Я выхожу — и вижу: подействовала моя катапульты, да еще как! Тут на берегу была радиостанция, так этих негодяев забросило на самую верхушку, на мачту. Они там зацепились штанами, висят и орут на весь город.

Как уж их снимали, не могу вам сказать — не видел.

Тут как раз пришел и ответ из порта с предписанием сдать белок в Гамбург. Был там знаменитый зоопарк Гаденбека, так он скупал различных зверей.

Я вам уже имел случай докладывать о

некоторых преимуществах спортивного плавания. В спортивном плавании сам себе хозяин: куда хочешь, туда и идешь. А уж если связался с грузом, тогда все равно как извозчик: вожжи в руках, а везешь — куда прикажут.

Вот, допустим, Гамбург. Да разве я пошел бы туда по своей охоте! Чего я там не видел? Шуцманов, что ли? Ну, и опять же, знаете, усложняется плавание, появляется всяческая коммерческая переписка, соображения сохранности груза, таможенные формальности, тем более в Гамбурге... Народ там, не в пример норвежцам, тертый, невежливый — того и гляди, обдерут, как липку.

Кстати, знаете, никак не пойму, почему это у нас твердо так произносится: «Гамбург»? Неправильно это, тамошние жители называют свой город «Хамбург». Оно и звучит помягче, а главное, больше соответствует действительности.

Да, но раз приказано, надо подчиняться. Привел в Гамбург «Беду», поставил у стенки, сам оделся почище и пошел разыскивать Гаденбека. Прихожу в зверинец. Там, знаете, и слоны, и тигры, и крокодил, и птица марабу, и белка эта самая висит тут же в клетке. Да какая еще белка, не моим чета! Мои, бездельницы, сидят в трюме, объедаются халвой, а у этой сделана вертушка, и она там все время, как заводная, как белка в колесе, так и прыгает, так и вертится. Заглядишься!

Ну-с, разыскал я самого Гаденбека, представился и объяснил, что имею на борту полный груз белок, живьем, по сходной цене.

Гаденбек посмотрел в потолок, сложил руки на животе, покрутил пальцами.

— Белки, — говорит, — это такие с хвостиками и с ушками? Как же, знаю. Так у вас белки? Ну что же, я возьму. Только, знаете, у нас очень

строго с контрабандой. Документы на них в порядке?

Тут я с благодарностью вспомнил норвежцев и выложил на стол документы.

Гаденбек достал очки, взял платочек, не спеша стал протирать стекла. Вдруг, откуда ни возьмись, хамелеон. Прыг на стол, высунул свой язычище, слизнул бумагу и был таков. Я за ним. Да где там!

А Гаденбек сложил свои очки, развел руками.

— Без документов,— говорит,— не могу. Рад бы, да не могу. У нас насчет этого очень строго.

Я расстроился, начал было спорить. Ну, вижу, делать нечего, ушел. Подхожу к пристани, смотрю — на «Беде» что-то неладно. Толпа зевак кругом, на борту шуцманы, таможенники, портовые чиновники... Наседают на Лома, а тот стоит в середине и кое-как отругивается.

Я протолкался, успокоил их и разузнал, в чем дело. А дело приняло самый неожиданный и неприятный оборот. Гаденбек, оказывается, уже позвонил в таможеню, а там подобрали статью, обвинили меня в незаконном ввозе скота и грозят отобрать судно вместе с грузом...

А мне и возразить нечего: действительно, документы утрачены, специального разрешения на ввоз белок я не получал. Если правду сказать, кто же поверит? Доказательств нет никаких, а смолчать — еще хуже.

Словом, вижу: дело дрянь.

«Эх, — думаю, — куда ни шло! Вы так, и я так!»

Одернул китель, выпрямился во весь рост и самому главному чиновнику заявляю:

— Требования ваши, господа чиновники, необоснованны, поскольку в международных морских законах прямо предусмотрен пункт, согласно которому непременные принадлежности судна, как-то: якоря, шлюпки, разгрузочные и спасательные приспособления, средства связи, сигнальные устройства, топливо и ходовые машины в количестве, необходимом для безопасного плавания, никакими портовыми сборами не облагаются и специальному оформлению не подлежат.

— Совершенно с вами согласен, — отвечает тот, — но не откажитесь объяснить, капитан, к какой именно категории названных предметов относите вы своих животных?

Я было стал в тупик, но, вижу, отступать уже поздно.

— К последней, господин чиновник: к катего-

рии ходовых машин, — ответил я и повернулся на каблуках.

Чиновники сначала опешили, потом пошептались между собой, и опять главный выступил вперед.

— Мы, — говорит, — охотно откажемся от наших законных претензий, если вы сумеете доказать, что имеющийся на борту вашего судна скот действительно служит вам ходовой машиной.

Вы сами понимаете: доказать такую вещь нелегко. Где там доказывать — время оттянуть бы!

— Видите ли, — говорю я, — ответственные части двигателя находятся на берегу, в ремонте, а завтра, извольте, представлю вам доказательства.

Ну, ушли они. Но тут же, рядом с «Бедой», смотрю, поставили полицейский катер под парами, чтобы я не удрал под шумок.

А я, понимаете, забился в каюту, вспомнил ту белку, что у Гаденбека, взял бумагу, циркуль, линейку и стал чертить.

Через час мы вместе с Ломом пошли к кузнецу и заказали ему два колеса, как у парохода, а третье вроде мельничного. Только у мельничного ступеньки снаружи, а мы сделали внутри и с двух сторон натянули сетку. Кузнец попался расторопный, понятливый. Сделал все к сроку.

На другой день, с утра, привезли все это хозяйство на «Беду». Пароходные колеса пристроили по бортам, мельничное посередине, соединили все три колеса общим валом и запустили бенок.

Грызуны, знаете, ошалели от света, от свежего воздуха, понеслись как бешеные одна за одной по ступенькам внутри колеса. Вся наша машина закрутилась, и «Беда» без парусов пошла так, что полицейские на своем катере насилу за нами угнались.

Со всех кораблей на нас смотрят в бинокли, на

берегу толпы народа, а мы идем, только волны разбегаются в стороны.

Потом развернулись, встали назад, к причалу. Этот самый чиновник пришел, расстроился совсем. Бранится, кричит, а сделать ничего не может.

А вечером на автомобиле прикатил сам Гаденбек. Вылез из машины, встал, посмотрел, сложил руки на животе, покрутил пальцами.

— Капитан Врунгель, — говорит, — это у вас белки? Как же, помню. Во сколько вы их оцениваете?

— Так, видите ли, — говорю я, — не в цене дело. Вы же знаете, документы на них утрачены.

— Э, полно, — возражает он, — не тревожьтесь, капитан, вы не мальчик, должны понимать — у нас с этим делом просто. Вы цену скажите...

Ну, я назвал хорошую цену; он поморщился, но, не торгуясь, тут же расплатился, забрал белок вместе с колесами, а напоследок спрашивает:

— Чем вы их кормите?

— Халвой и ананасами, — ответил я и распрощался.

Не понравился мне этот Гаденбек. Да и Гамбург вообще не понравился.

Глава V

О селедках и о каргах

В Голландию я совсем не хотел заходить. Страна эта незначительная и большого интереса для путешественника не представляет. Там только и есть три замечательные вещи: голландская сажа, голландский сыр и голландские селедки.

Меня как моряка, понятно, заинтересовало это последнее, и я решил завернуть в Роттердам, познакомиться с селедочным делом.

У них там оно поставлено на широкую ногу. Там селедок ловят, солят, маринуют, и свежую селедку морозят, и живую селедку можете купить и посадить в аквариум.

И вот что в этом деле особенно поразительно: голландцы, видимо, знают какой-то секрет. Иначе как же вы объясните такую несправедливость: вот шотландцы, например, пробовали ловить. Закинули сети, подняли — полно селедок. Ну, и обрадовались, понятно, но, когда разобрались хорошенько, разглядели, распробовали, обнаружилось, что селедки-то попались все, как есть, шотландские.

Норвежцы тоже пытались. Норвежцы — прославленные, первоклассные рыбаки, но на этот раз и у них ничего не вышло. Также забросили сети, подняли, посмотрели — есть селедка, да только все сплошь норвежская.

А голландцы ловят и ловят уж который год, и им все попадается голландская селедка различных сортов. Ну, и, конечно, они этим пользуются: продают свои селедки направо и налево — и в Южную Африку и в Северную Америку...

Я углубился в изучение этого вопроса, и тут мне совершенно неожиданно удалось сделать одно важное открытие, которое коренным образом изменило первоначальный план моего похода. После ряда наблюдений я установил с исключительной точностью, что каждая селедка — рыба, но не каждая рыба — селедка.

А ведь это что значит?

Это значит, что незачем тратить огромные средства, незачем набивать селедок в бочки, грузить на корабли и выгружать снова, где это понадобится. Не проще ли согнать селедок в табун или в стадо — как хотите назовите — и гнать живьем до места назначения?

Раз каждая селедка — рыба, значит, утонуть она не может. Ведь рыбам свойственно плавать,

не так ли? А с другой стороны, если прибьется какая посторонняя рыбина, так ведь не каждая рыба — селедка. Ее, значит, ничего не стоит обнаружить, отличить, отогнать, уничтожить, наконец.

И там, где при старом способе перевозки нужен был огромный грузовой пароход с большой командой, со сложными механизмами, при новой системе может справиться любое суденышко не больше моей «Беды».

Это теория, так сказать. Но теория заманчивая, и я решил на практике проверить свои соображения. А тут как раз и случай представился: в Северную Африку, в Александрию, отправляли партию селедок. Их уже поймали, собирались солить, но я приостановил это дело. Селедок выпустили, согнали в табун, мы с Ломом подняли паруса и пошли. Лом встал в руль, а я уселся на самый нос, на бушприт, взял длинный хлыст, и, как только замечу какую постороннюю рыбину, я ее по губам, по губам!

И, знаете, прекрасно получилось: идут наши селедки, не тонут, резво идут. Мы за ними едва поспеваем. И посторонняя рыба не лезет. День так прошли — ничего. А к ночи я чувствую — тяжело: следить устаешь, глаз не хватает, а главное, спать некогда. Один с селедками занят, другой в руле только успевай поворачивайся. Ну хорошо бы день, два, уж как-нибудь постарались бы, а то путь далекий, впереди океан, тропические широты... Словом, чувствую, не справимся, все дело провалим.

Ну, я рассудил и решил взять на судно еще одного человека — матроса. И как раз, знаете, место удобное: в то время мы уже вошли в Английский канал, тут Франция под боком, порт Кале, а в Кале всегда полно безработных моряков. Можно выбрать кого хотите: и плотника, и боцмана, и рулевого первого класса. Я недолго думая подо-

шел поближе к берегу, «Беду» положил в дрейф, вызвал лоцманский катер и откомандировал Лома на берег за матросом.

Тут, конечно, я допустил ошибку: набор команды — дело серьезное, ответственное. Лом, конечно, парень старательный, но молод, опыта нет. Нужно бы самому этим заняться, но, с другой стороны, и тут, на борту, тоже, знаете, ушами хлопать некогда. Ведь как-никак перегонка селедок живьем — дело новое. И, как во всяком новом деле, есть тут свои трудности. Нужен глаз да глаз. Уйдешь, недоглядишь, а тут весь табун разбежится. А тогда с убытками не считаешься, опозоришься на весь мир, а главное, загубишь это прекрасное и полезное начинание.

Ведь знаете, как это бывает: не выйдет с первого раза, а в другой и не доверит никто, и попробовать не дадут.

Да. Ну ладно. Отправил я Лома в Кале, выставил кресло на палубу, лежу. Одним глазом читаю, другим поглядываю на селедок. Пасутся рыбки, резвятся, сверкают на солнце чешуйками.

А к вечеру возвращается Лом и привозит с собой матроса.

Я смотрю — на вид парень ничего. Не очень молодой, но и не очень старый; ростом, правда, маловат, но по глазам видно — шустрый, и борода у него, как у морского разбойника. Только те, по слухам, всё больше рыжие, а этот типичный брюнет. Грамотный, некурящий, одет чисто, знает четыре языка — английский, немецкий, французский и русский. Это Лома особенно прельстило: он к тому времени, грешным делом, стал уже забывать английскую речь. Фамилия у нового матроса несколько странная — Фукс, но, знаете, фамилия — дело наживное, а мне еще Лом на ушко шепнул, что Фукс этот — клад, а не матрос: прекрасно разбирается в картах.

Тут уж я совсем успокоился: раз в картах разбирается — значит, моряк, значит, и в руле может постоять, значит, и вахту при случае может нести самостоятельно.

Словом, я согласился. Записал Фукса в судовую роль, объяснил обязанности, приказал Лому отвести ему место в трюме. Ну, потом подняли паруса, развернулись и пошли дальше.

И, знаете, как раз вовремя взяли человека. До тех пор нам везло: ветер все время дул в корму, чистый фордевинд. А тут задул прямо в нос — «вмордувинд», как говорится. В другое время я, может быть, поберег бы силы, остался бы в дрейфе или якорь бросил, но тут, сами понимаете: селедки. Им-то ветер нипочем, идут как ни в чем не бывало полным ходом, и нам, значит, нельзя отставать. Ну и пришлось идти в лавировку, зигзагами. Я высвистал всех наверх. Лома поставил пасти селедок, сам встал у штурвала, набрал ходу и скомандовал:

— К повороту приготовиться!

Смотрю — этот Фукс стоит, как свечка, руки в карманах, с интересом смотрит на паруса.

Ну, тут уж я прямо к нему обратился.

— Фукс, — кричу, — набивайте грот!

Он встрепенулся, посмотрел этак растерянно — и давай всё подряд запихивать в кубрик: спасательные круги, запасной трос, фонари. Поворот, конечно, не вышел, прозевали...

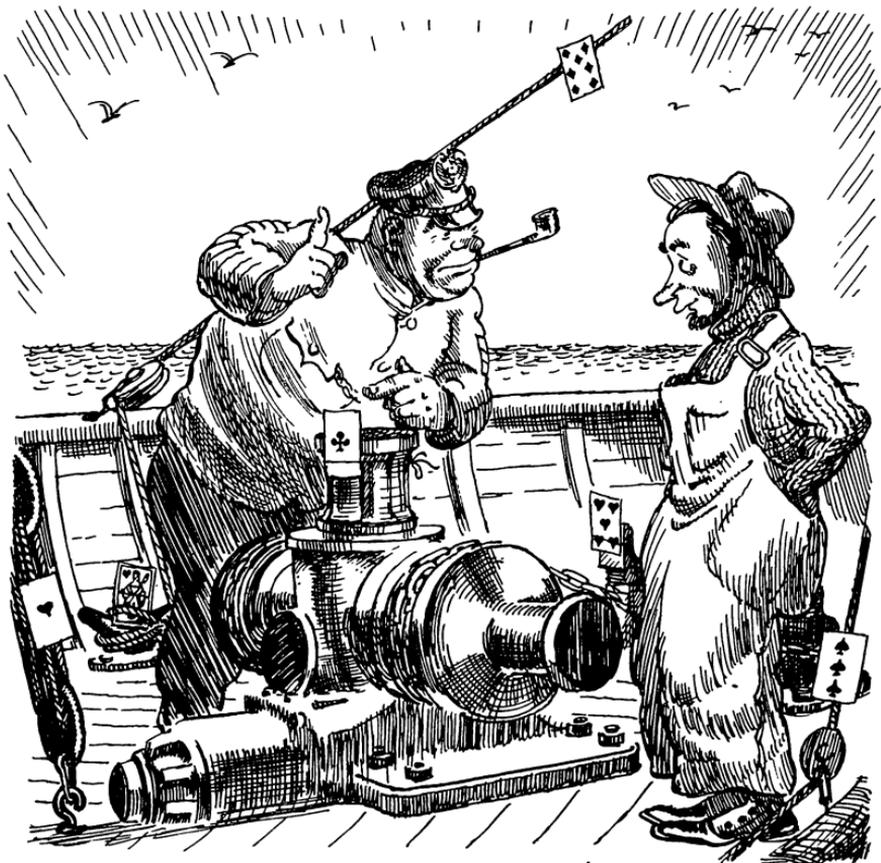
— Отставить! — кричу я.

Он тогда все пожитки назад вытащил и поставил у самого фальшборта.

Ну, я вижу, достался матрос! Ни в зуб ногой! Уж я на что человек спокойный, но тут и меня зло взяло.

— Эй вы, Фукс, — говорю я, — какой же вы, к черту, матрос?

— А я, — ответил он, — не матрос, я сейчас про-

сто так, застрял на мели, а друзья мне посоветовали климат переменить...

— Позвольте, — перебил я, — а как же мне Лом говорил, что вы в картах умеете разбираться?

— О, это сколько угодно, — отвечает он. — Карты — это моя специальность, карты — это мой хлеб, только не морские, а, простите, игральные карты. Я, если хотите знать, я карточный шулер по профессии.

Я так и сел.

Ну, посудите сами, что мне с ним делать?

Списывать на берег — это еще сутки потерять.

Ветер крепчает — того и гляди, поднимется шторм, тут селедки разбегутся. А с другой стороны, возить с собой этого шулера балластом — тоже неинтересно: он не только морской команды, он ни одной снасти не знает. Я было растерялся.

Но тут мне пришла блестящая мысль. Я, знаете, люблю иногда разложить пасьянс на досуге, и у меня нашлась на судне колода карт. Так я на каждую снасть привязал поскорее по карте, привел яхту к ветру и повторил маневр.

— К повороту приготовиться! Развязать тройку пик, подтянуть валета червей, смотать десятку треф...

И, знаете, поворот удался на славу, и этот Фукс действительно так в картах разбирался, что в темноте другой раз и то масти не путал.

Вот так и пошли дальше. Идем, лавируем. Ветер крепчает. Так бы оно ничего, но селедки меня беспокоят. Кто их знает, как они переносят погоду? А мне не к спеху, груз не срочный, так зачем рисковать? Я решил отстояться в порту.

Глава VI,

которая начинается недоразумением, а кончается неожиданным купанием

Близ острова Уайт я свернул направо и пошел в Саутгемптон, в Англию. Бросил якорь на рейде, Лома оставил сторожить селедок, а мы с Фуксом сели на ялик и причалили к берегу. В прекрасном местечке высадились: трава подстрижена под гребеночку, дорожки посыпаны песком, и всюду такие красивые загородочки и надписи: «Здесь не ходить, усадьба Арчибальда Денди».

Только мы высадились, не успели шагу шагнуть, нас окружили джентльмены во фраках, в

котелках, в белых галстуках. Не то мистер Денди со своим семейством, не то министр иностранных дел со свитой, не то агенты тайной полиции — по костюму не разберешь. Ну, подошли поближе, поздоровались, разговорились, и знаете, что оказалось? Оказалось, что это у них нищие. В Англии так просто попрошайничать строжайше запрещено законом, а во фраке — пожалуйста. Если кто и подаст, считается, что нищих нет, а просто помог джентльмен джентльмену.

Ну, я роздал им кое-какую мелочь, иду дальше. Вдруг навстречу — еще один. Длинный, точно версту проглотил. Поравнялись. Он обнажает голову, раскланивается самым церемонным манером. Ну, я, понятно, пошарил в кармане, выудил две копейки и прямо ему в цилиндр. Я ждал благодарности, а он, представьте себе, вспыхнул, фыркнул, вставил в глаз монокль и очень внушительно произнес:

— Арчибальд Денди, эсквайр. С кем имею честь?

— Капитан дальнего плавания Христофор Врунгель, — представился я.

— Очень приятно, — говорит он. — Защищайтесь, капитан!

Я было стал извиняться, да где там! Вижу — поздно. Какие уж тут извинения! Он поставил цилиндр на травку, сбросил фрак... Ну, и я, знаете, решил постоять за себя: скинул китель, занял боевую позицию.

Фукус тоже не растерялся, взял на себя роль судьи, отошел чуть в сторонку и во все горло крикнул:

— Секунданты, аут! Гонг!

Мистер Денди запрыгал, запыхтел, завертел кулаками. Похоже, как, знаете, мальчишки в паровоз играют. Ринулся на меня. Пришлось и мне поработать кулаками.

Я не люблю давать волю рукам, но тут бокс, благородная схватка,— я размахнулся... и едва успел задержать удар.

Вижу — скверная штука: при разности пропорций наших фигур я, куда бы ни метил, все равно попадаю ниже пояса. А это, знаете, не по правилам. Он же, напротив, лупит воздух у меня над фуражкой. И тоже все впустую. Первый раунд так и окончился без результата.

Но решать бой все равно как-то нужно было, и тут нас выручил Фукс.

— Пожалуйте, капитан,— говорит он и подставляет плечи.

Я вскочил на него верхом и вижу — совсем другое дело. Я теперь на уровне противника, так сказать, и могу вступить в бой на законных основаниях. Фукс подо мной прыгает, рвется в бой. Ну, я вижу, пора действовать.

— Давайте, Фукс! — говорю.

Ему, видимо, было нелегко, но он бодро прохрипел:

— Гонг!

И мы начали снова...

Мистер Денди дрался блестяще. Я получил жестокий удар в переносицу, но тут вспомнил молодость, пришпорил Фукса, перешел в инфайтинг и нанес противнику сокрушительный оперкут.

Он замер на секунду, закрыл глаза, опустил руки по швам и вдруг рухнул, как мачта. Фукс достал у него из жилетного кармана часы и стал громко отсчитывать секунды. Минут через сорок мистер Денди очнулся. Потер скулу, удивленно посмотрел по сторонам, заметил нас с Фуксом, вскочил и стал приводить в порядок одежду.

Я вторично представился, извинился, объяснил причину недоразумения. Ну, и, знаете, помирились. Познакомились. Пожали друг другу руки, разговорились, подружились даже. Потом осмотрели его усадьбу, зашли домой, выпили по чашке чаю, посидели у камина и отправились ко мне на «Беду».

Мистер Денди осмотрел мою яхту, пришел в восторг и принялся считать по пальцам:

— Сегодня четверг... значит, завтра пятница, послезавтра суббота... Мистер Врунгель,— воскликнул он неожиданно,— вас послало само провидение! В воскресенье большие национальные гонки. Вы должны их выиграть. Я сам пойду

с вами, и на этот раз мистер Болдуин будет посрамлен.

Я, сказать по правде, не сразу понял, о чем идет речь, но мистер Денди мне все разъяснил. У него там, оказывается, есть сосед, мистер Болдуин. И вот они с этим Болдуином во всем соревнуются: кто знатнее, у кого галстук красивее завязан, у кого трубка лучше... Но это все так, между прочим, а главный-то спор идет у них о яхтах. Оба, оказывается, заядлые парусники, и как гонки — всё готовы отдать, только бы утереть нос друг другу.

Ну, и, знаете, этот Денди взглянул на мою «Беду» глазом знатока, оценил ее качества и понял, что с таким судном в любых гонках, при любой погоде победа обеспечена. Да-с!

В общем, уговаривает меня принять участие.

— Пойдемте, — говорит. — Гонки интересные, судно у вас превосходное, и, поверьте слову джентльмена, вы возьмете большой королевский приз и малый приз адмирала Нельсона.

Я за призами не очень гоняюсь, но так, в гонках, почему же не выступить? Судно прекрасное, команда надежная, ну, да и я не первый раз за рулем. Шансы есть...

Я было уже и согласился, да тут вспомнил: селедки... Их-то куда девать? Ну, объяснил мистеру Денди, что не могу распорядиться судном, что связан селедками по рукам и по ногам. Он сперва расстроился, но потом обещал и это уладить. И, представьте, уладил действительно. В тот же день я получил разрешение и ввел весь табун в портсмутский адмиралтейский док.

Потом мы подготовили яхту: борта смазали салом, убрали все лишнее, как перед боем, обтянули такелаж. А утром в день гонок мистер Денди пришел на «Беду» в белом кителе, с трубкой

в зубах. Он приказал погрузить на «Беду» два ящика сода-виски на случай неожиданного поражения, вставил в глаз монокль, закурил и уселся на корме.

Ну, знаете, как это всегда на гонках: мачты, паруса, вымпелы, на берегу зрители. Обстановка волнующая. Я уж на что спокойный человек, а тоже немножко нервничаю. Вышли на старт. Ждем сигнала. Пошли! Паруса наполнились ветром, яхты понеслись. И должен вам без хвастовства сказать: старт я взял блестяще. Всех оставил позади. Иду, рассекаю воду, предвкушаю победу.

Почти всю дистанцию так и прошел лидером. Но у самого финиша мы сплеховали: не рассчитали немножко, зашли под бережок, попали в полосу безветрия, заштилели. Паруса обвисли, болтаются, некрасиво так, хоть ноздрей поддувай. Лом мачту скреблет, заывает ветер, Фукс свистит с той же целью, но это все, знаете, предрассудки, ерунда. Не верю я в это. А «Беда» стоит, конкуренты подпирают, и впереди — мистер Болдуин на своей посудине.

Мистер Денди посмотрел за корму и загрузил: выругался, сорвал крышку с ящика, извлек бутылку — и хлоп в донышко!

Пробка вылетела, как из пушки. При этом «Беда» получила такой толчок, что заметно продвинулась вперед.

А я, даром что был расстроен, учел это и сделал должные выводы. Пока мистер Денди заливал свое горе, я вспомнил старую нашу поговорку. Знаете, говорят: «Нет плохих судов, нет плохих ветров, есть плохие капитаны».

Но меня-то уж никак нельзя причислить к этому последнему разряду. Не хвастаясь, скажу — я капитан хороший. Эх, думаю, была не была. Объяснил задачу, дал команду...

Мы все трое встали на корме и одну за другой принялись вышибать пробки.

Тут и мистер Денди несколько оживился. Достал из кармана платочек, принялся командовать. И, знаете, с командой пошло еще лучше.

— Кормовая башня, огонь! — кричит он.

Три пробки залпом вылетают с громоподобным звуком, падают в море подбитые чайки, содовая льется, вода за кормой кипит. Мистер Денди машет платком все чаще, все громче кричит:

— Кормовая, огонь! Огонь!

Прямо Трафальгарская битва. Куда там...

А «Беда» между тем движется вперед по ракетному принципу, набирает ход.

Вот уже и мысок позади, паруса взяли ветер, снасти обтянулись, зазвенели.

И вот мы вновь отвоевываем ускользнувшую было победу, одного за другим обходим всех конкурентов. На берегу болельщики волнуются, кричат. Вот один Болдуин впереди... Вот сравнялись, обошли на полноса, на корпус... Тут оркестр на берегу ударил туш, мистер Денди улыбнулся, скомандовал:

— Кормовая башня, салют! — и лег пластом.

На другой день только и разговоров было, что о нашей победе. В газетах заголовки на всю страницу, подробные описания этой удивительной гонки. Откуда-то у нас появились друзья, пришли с поздравлениями. Но мы не только друзей, мы и врагов нажили с этой победой.

Мистер Болдуин постарался, и пошел, знаете, шепоток, разговорчики, начались интриги. И в конце концов разыгрался настоящий скандал. Однако скандал этот готовился втайне, и мы, ничего не подозревая, пошли получать призы.

Обстановка была самая торжественная. Королевский яхт-клуб в полном составе собрался в здании старинной таможни в весовом зале.

Там особо почетным считается, когда призы весят больше призера. Мне тоже предложили встать на весы, но я столько призов набрал, что решил взвешивать сразу всю команду. Так и встали по росту: мистер Денди, Лом, я и Фукс. А на другой чашке расставили целый посудохозяйственный магазин: золотые ушаты, вазы, кубки, стаканы, рюмочки. Потом подсыпали медалей, жетонов, каких-то безделушек. И вот в тот момент, когда чашки весов уравнились, председатель яхт-клуба стал произносить торжественный спич. Что уж он говорил, не припомню сей-

час, но слова были самые теплые и содержание достойное: «Бескровная победа... лучшие из лучших... пример для молодежи...»

Я расчувствовался, чуть слезу не пустил.

Но не успел председатель закончить, как поднялся мистер Болдуин.

— А известно ли уважаемому лорду председателю, что призер, капитан Врунгель, в нарушение неписаной традиции нашего клуба, в морском мундире гарцевал на коне? — спросил он и пустил по рукам норвежскую газету с моей фотографией, где я на лошади.

Фотография, как я уже говорил, действительно не вполне приличная для моряка, и я не удивился, когда в зале поднялся ропот. Но гонку-то я все-таки выиграл, а победителей, как говорится, не судят. В этом смысле и председатель ответил. Шум утих. Я уже думал, что все обойдется, но не тут-то было. Не обошлось... Этот Болдуин опять взял слово.

— А известно ли лорду председателю, — продолжал он, — что указанный мистер Врунгель перехватил груз селедок, адресованный подданным ее величества — английской королевы, и что предложенный мистером Врунгелем способ перевозки рыбы наносит ущерб судовладельцам — подданным его величества английского короля?

Это, знаете, был козырь посильнее фотографии. Традиции традициями, мундир мундиром — это все, конечно, очень почитается в Англии, но торговые интересы ставятся там несравненно выше. И нет ничего удивительного, что шум в зале усилился. Уже трудно было различать отдельные голоса и реплики, но мистер Болдуин и тут не успокоился. Он возвысил голос и продолжал:

— А известно ли лорду председателю, что указанные селедки, которые, как было установлено, наносят ущерб английским судовладельцам, по

протекции Арчибальда Денди, эсквайра, и при его прямом содействии отстаиваются в адмиралтейских доках его величества? Известно ли, наконец, что указанный Денди, эсквайр, предав забвению долг и честь британца, вступил на путь порока и преступления, пошел против бога и короля и с недавних пор является тайным агентом Москвы?..

Ну, знаете, точно бомба взорвалась в таможене. В зале поднялась паника. Одни свистели, другие аплодировали, потом все повскакали с мест, разделились на партии и пошли на сближение с самым угрожающим видом.

Тогда и мистер Денди не выдержал. Спрыгнул с весов и с громким криком налетел на мистера Болдуина. Тут началась всеобщая потасовка. Несдобровать бы и нам, но спасли призы. Недаром мы их зарабатывали!

Как только мистер Денди спрыгнул, наша чашка взвилась под самые стропила, и мы оттуда, как из ложи, наблюдали побоище.

А побоище, доложу вам, получилось изрядное. Кругом пыль столбом, треск добротных английских лбов, хруст старинной английской мебели...

Джентльмены разошлись, бьют друг друга по чем попало, весь зал усыпан выбитыми зубами, манжетами, воротничками. Бойцы падают один за другим. Страшное было зрелище!

Вскоре, однако, толпы бойцов поредели, битва утихла, мы спустились по грудам бездыханных тел и направились к выходу.

В этот миг мистер Болдуин шевельнулся, тяжело вздохнул,

— А известно ли... — прохрипел он сердито.

Тогда и председатель очнулся, приподнялся на локтях, позвонил в колокольчик.

— Нет, не известно, ничего не известно! — смиренно произнес он и рухнул замертво.

Снова стало тихо. Мы вышли, вздохнули пол-

ной грудью, осмотрелись кругом и побежали на «Беду».

А там подняли якорь, поставили паруса и полным ходом пошли в Портсмут — выручать наш табун.

К счастью, в доки еще не пришла весть о последних событиях. Нам открыли порты, выпустили селедок и даже пожелали счастливого плавания. Ну, мы пошли не спеша, а через час на горизонте открылся остров Уайт. Мы обошли его, согнавши селедок поплотнее и, стоя на правом борту, долго смотрели, как тают в тумане низкие берега Англии.

Я еще не успокоился после пережитых волнений. Лом стоял грустный — что-то он заскучал на берегу. Один Фукс был доволен.

Этот успел-таки схватить с весов золотую цепочку с якорем на конце и теперь разглядывал ее, разыскивая пробу.

Скоро, однако, и Фукс расстроился.

— В нашем деле за это бьют подсвечниками, — неожиданно сказал он, плюнул за борт и протянул мне цепочку.

Я осмотрел ее и обнаружил причину его недовольства: на цепочке, на крайнем звене, совершенно четко было выбито: «Завод искусственных драгоценностей «Алхимик». Сделано в Англии».

— Ну что ж, отличная работа и марка солидная, — сказал я, возвращая Фуксу цепочку.

В то же мгновение парус хлопнул у меня за спиной, и не успел я обернуться, как оказался за бортом.

Ослепленный водой, я беспорядочно замахал руками и неожиданно ухватился за что-то твердое. Открыл глаза, вижу — нога, а впереди голова Лома, и Лом тоже держится за ногу, а впереди Фукс. Этот держится за свою цепочку, а цепочка держится за борт «Беды»: зацепилась якорем.

Понимаете, какое положение! Яхта идет полным ходом, а мы трое за бортом! Размечтались, бросили руль, а тут перекинуло парус и сбило весь экипаж.

Хорошо еще, эта цепочка: даром, что фальшивая, а без нее яхта ушла бы одна, с селедками.

Ну, я сразу оценил обстановку и по возможности громко скомандовал:

- Так держать, да покрепче!
- Есть так держать! — ответил Лом.
- Есть так держать! — подхватил Фукс.

А я не торопясь подтянулся поближе, по Лому, потом по Фуксу, потом по цепочке — и на «Беду». Потом так же Лом, потом так же Фукс...

На палубе я снова осмотрел цепочку, и представьте — поразился даже! — ни одно колечко не растянулось. Прочно делают!

— Берегите ее, Фукс,— сказал я.

Потом выдал экипажу по чарке водки для согревания, назначил вахты, а сам еще постоял на борту, посмотрел на горизонт, вспомнил грустные события последних дней.

— Прощай, добрая Англия, старая Англия! — сказал я, а про себя подумал: «Культура!»

Постоял еще, выкурил трубку и пошел спать.

А утром, чем свет, Лом пришел будить меня на вахту и доложил, что «Беда» вышла в Атлантический океан.

Глава VII

О методах астрономических определений, о военной хитрости и двух значениях слова «фараон».

В Атлантическом океане у нас было одно незначительное событие, о котором, собственно, и рассказывать не стоило бы. Но для сохранения истины я и о нем не скрою.

Вы знаете, конечно, что в открытом море, вдали от видимых берегов, судоводитель определяет свой путь по небесным светилам и по хронометру. Светила — это Солнце, Луна, планеты и неподвижные звезды. Они нам даны, так сказать, самой природой. Ну, а хронометр — это другое дело. Хронометр — это плод упорных трудов многих поколений человечества, и, как показывает само название, служит он для измерения времени.

Сложное это дело — измерение времени. Вон на Западе, в той же Англии к примеру, до сих пор

еще академики спорят: есть оно, время-то, или нет его совсем, а только кажется, что есть. А если нет, то и измерять вроде нечего, да и не к чему. А по-моему, тут дело ясное: раз на такие споры хватает времени, значит, есть оно, и даже в избытке. А вот насчет измерения — согласен, трудный это вопрос. И не сразу, конечно, достигли тут должного совершенства.

В былые годы для этой цели пользовались песочными склянками. Затем появились ходики, будильники, карманные часы.

По будильникам в наше время не плавают — считают, что это не точно, а по-моему, на худой конец и будильник сойдет.

Вон мой тезка Колумб совсем без часов плавал, однако открыл Америку.

Ну, ходики, я согласен, на судне употреблять неудобно: там, знаете, нужно подвешивать к гилям подковы, кирпичи, утюги... А ну как шторм поднимется? Тут к ним и не подступишься. А будильник... отчего же?

Но раз уж не принято по будильникам плавать — ничего не поделаешь. И я, когда готовил поход, специально приобрел прекрасный ручной хронометр.

Приобрел и положил в каюте. Пользоваться им не приходилось: шли все время вблизи берегов. А тут хочешь не хочешь — надо определяться. Ну, спускаюсь в каюту, достаю свой хронометр и обнаруживаю странную перемену в его характере: был прибор, как я говорил, ручной, а тут, знаете, полежал без присмотра, без ухода и одичал совершенно, черт знает что показывает: солнце всходит, а на нем полдень, солнце на полдень, а на нем шесть часов... Уж я его и стучал, и тряс, и крутил — ничего не помогло.

Вижу, скверное положение: идем, куда — неизвестно. Так, знаете, и заблудиться недолго.

Но тут спасение пришло само собой и пришло оттуда, откуда я его совершенно не ждал.

Мы, когда были в Англии, хорошенько запаслись продовольствием. Взяли сухих продуктов, консервы, живность. Между прочим, был у нас ящик кур из Гринича.

Да. Ну конечно, в пути мы их поели, и к тому времени в ящике только и оставалось два молодых петушка — черный и белый.

И вот я стою с секстантом в руках, размышляю о методах астрономических наблюдений, — вдруг, понимаете, оба мои петушка хором:

«Кукареку!..»

Я моментально сделал наблюдения; ну, а дальше уж нетрудно сообразить: раз гриничские петушки запели, значит, сейчас в Гриниче рассвет, солнце всходит. Вот вам и точное время. А зная время, и определить нетрудно. Да-с.

Я, однако, сделал и проверку: вечером снова вышел с секстантом, и ровно в полночь по Гриничу мои петушки опять дуэтом:

«Кукареку!»

Так можно бы и дальше по петушкам плавать, но тут я еще и другой способ нашел.

Замечательный способ! Я даже думаю как-нибудь на досуге диссертацию написать на эту тему и обогатить таким образом науку.

Вкратце способ мой сводится к следующему: вы берете часы, какие угодно, хоть стенные, хоть башенные, можно даже игрушечные, все равно. Лишь бы у них были стрелки и циферблаты. Причем вовсе необязательно, чтобы стрелки двигались: напротив, совершенно необходимо, чтобы они не двигались. Пусть стоят. И вот, допустим, они показывают, как мой хронометр, ровно двенадцать часов. Отлично! Конечно, в течение большей части суток пользоваться таким хронометром не придется, но это, знаете, и ни к чему, излишняя

роскошь; зато два раза в сутки — в полдень и в полночь — ваш хронометр совершенно точно покажет время. Тут только нужно не пропустить момента, когда посмотреть, а это уж зависит от личных способностей наблюдателя.

Вот таким образом я вновь приручил свой хронометр, и как раз вовремя.

Запасы у нас совсем истощились, консервы надоели, и нужно было подумать не об определении места судна, а об определении на жаркое наших петушков.

Но тут новая неприятность: встал вопрос о том, с которого начинать. Уж очень, знаете, дружные были петушки. Черного зажарить — белый скучать будет, белого зажарить — черный за-скачивает...

Я размышлял над решением этой проблемы, серьезно размышлял, но так и не пришел к должным выводам. Ну, думаю: «Ум хорошо, а два лучше». Создал комиссию: я и Фукс.

Снова со всех сторон обсудили этот вопрос, но тоже, знаете, безрезультатно. Так и не смогли найти конструктивного решения. Пришлось расширить комиссию. Кооптировали Лома. Назначили заседание. Я изложил сущность дела, ознакомил собрание с историей вопроса, поднял, так сказать, материал... И не зря. Лом неожиданно такую трезвость взглядов и находчивость проявил в этом деле, что сразу все, как говорится, встало на свои места.

Он и минуты не думал. Так, знаете, не колеблясь, прямо и говорит:

— Режьте черного.

— Позвольте, — говорим мы, — ведь белый скучать будет!

— А черт с ним, пусть скучает! — возражает Лом. — Нам-то какое дело?

И, знаете, пришлось согласиться. Так и сдела-

ли. И, должен прямо сказать, Лом не ошибся. Петушок оказался прекрасный, жирный, мягкий,— мы просто пальчики облизывали, пока его ели. Впрочем, и второй был не хуже.

Вот так, знаете, благополучно, не торопясь мы обогнули Бретань и вступили в Бискайский залив.

Бискайский залив, как известно, прославился бурями, и недаром.

Не скрою, я испытывал некоторую тревогу, пересекая его, но мне повезло в тот раз. Прошел, как по зеркалу, и дальше все было благополучно, до тех пор пока мы не вошли в Гибралтар. Но тут, в Гибралтаре, попали в историю. Идем не спеша, гоним селедок, любуемся видами неприступных гор. С английской крепости, как полагается, нас запросили:

— Уот шип? Что за корабль?

Ну, я ответил:

— Яхта «Беда», капитан Врунгель.

Продвигаюсь дальше, и тут на пороге Средиземного моря началось: что-то свистнуло, ухнуло. Я вижу — в парусе дырка в полметра, кругом огонь, вода с грохотом вздымается в небо, а справа, наперерез нам, несется эскадра.

Ну, я сразу понял: пираты неизвестной национальности.

Вот, я вижу, вы улыбаетесь. А зря, молодой человек. Вы думаете, что только в старинных романах пираты остались? Ошибаетесь, дорогой. Пиратов и сейчас хватает на свете. Только в былые-то годы, лет двести назад, пираты, когда на дело шли, свой флаг поднимали. А в наши дни флаги пиратские припрятали в сундуки, а приемы пиратские из всех сундуков повытащили. Вон почитайте газеты: там самолет угнали, там корабль захватили, заложников взяли, выкуп требуют. Ну, в то время до самолетов еще не добра-

лись, а на море кое-где шкодили, а кое-где и бесчинствовали.

Словом, я вижу, положение трудное: бой принимать нельзя. При встрече с превосходными силами противника морская тактика рекомендует уйти с линии баталии.

А куда уйдешь? Ветер слабый, и парус с дырой, работает в полсилы...

Тут, знаете, выход один: применять военную хитрость.

— Закуривай, ребята! — крикнул я бодрым голосом и достал свой кисет.

Экипаж у меня некурящий, но тут, в напряженной обстановке боя, Лом и Фукс не посмели ослушаться — свернули козьи ножки и принялись дымить.

Я тоже раздул свое кадило, и, не прошло трех минут, дымовая завеса плотной стеной скрыла нас от глаз противника.

Согласитесь: ловко придумано! Но это еще не все.

Это, батенька, только начало.

Ну, скрылись — хорошо. Но ведь завесу-то нашу все равно сдует ветром. Что тогда делать? Я, знаете, подумал и решился.

— Паруса долой, экипажу укрыться в жилых помещениях! — скомандовал я.

Лом с Фуksom забрались в каюту, задраили все люки, наскоро, кое-как законопатили щели, а я собрал весь груз потяжелее, связал и на блоке поднял на мачту. Центр тяжести, понятно, переместился кверху, груз перевесил, судно потеряло остойчивость, завалилось на левый борт, и «Беда» опрокинулась кверху дном. Я, конечно, оказался в воде, но сейчас же вылез, лег на корме и жду.

Тут нашу завесу снесло, и пиратская эскадра в полном составе обнаружилась на расстоянии ста саженьей.

Наступил, так сказать, решительный момент боя. «Ну, — думаю, — пан или пропал». Выставил над килем свою трубку, а сам гляжу одним глазом. И вот вижу: с флагманского судна эскадры нас заметили, семафорят открытым текстом:

«Метким огнем нашей артиллерии противник уничтожен. Приказываю отступить на исходные позиции, ибо в районе действий флота обнаружена бригада подводных лодок новейшей конструкции. Адмирал дон Канальо».

Едва там разобрали сигнал, пиратские корабли бросились врассыпную, как цыплята от коршуна. Да и понятно, знаете: «Беда» даже в столь неестественном состоянии сохранила весьма внушительный вид.

Ну, а тогда я нырнул, отцепил груз от мачты; яхта вторично сделала поворот оверкиль и верну-

лась в нормальное положение. Лом с Фуксом вылезли. Спрашивают:

— Ну как?

— Да вот, — говорю, — глядите сами.

А, собственно, и глядеть-то уже нечего было: только дымок на горизонте. Я посмотрел в бинокль им вслед и пошел переодеваться.

Ну, потом подправили паруса, привели в порядок судно, произвели уборочку и занялись селедками. И как раз вовремя занялись. Пока тут была стрельба, шум, некоторые отдельные селедки проявили недостойное легкомыслие: отбились от табуна и удалились в неизвестном направлении. А с другой стороны, воспользовавшись нашим вынужденным бездействием, к табуну пристало столько посторонней рыбы различных пород, что я сперва даже растерялся: тут и макрель, и сардинки, и бычки, и хамса, — так, знаете, и опозориться недолго. Ну кто же мне в другой раз доверит фрахт, если я принял груз голландской сельди первого сорта, а сдаю какую-то кашу, третий сорт, неразбор!.. Да. Ну, я поработал часок-другой хлыстом, руки, правда, отмахал, но зато разогнал всю эту постороннюю публику, восстановил некоторый порядок во вверенном мне табуна и повел «Беду» прямым курсом в Египет, в порт назначения. Вот так.

Ну, пошли. На этот раз без происшествий, ровно через два дня благополучно прибыли в Александрию, стали на якорь, вызвали торгового агента, а сами пока устроились на палубе. Отдыхаем, глядим по сторонам, делимся впечатлениями.

Впрочем, доложу вам, в то время и поделиться было нечем.

В древности Египет славился, и Александрия славилась на весь мир. А в тот наш заход порт этот не представлял для любознательного путешественника ровно никакого интереса. Только

разговор, что, мол, Египет — страна фараонов и так далее. А зайдешь — и посмотреть не на что. Порт как порт — обширная торговля, вывоз хлопка, у набережной глубина двадцать шесть футов. Флаг, правда, и тогда был египетский, но порядки стояли английские, и корабли английские, и полисмены английские. Только и разница, что нищие там без фраков ходили. Какие там фраки! Другой работяга, землепашец, рыбак, чиновники даже и те босые ходили, а то, простите, почти что и без штанов!

Да. Ну, наконец явился агент. Проверил запись в грузовых документах, отвел нам место в порту и стал принимать груз. Мы сдали селедок, как полагается, по счету, подвели итог, и тут у меня просто сердце упало: поверите ли, чуть не половина табуна растерялась в пути!

Случайно отбились, отстали или сознательно дезертировали — этого я уж сказать не сумею. Но факт налицо — полтабуна как не бывало! Ой, гляжу — плохо.

Конечно, можно бы спорить, оправдываться, ссылаться на непредвиденные обстоятельства, но это все несолидно, неубедительно. Словом, огорчился я ужасно, расстроился, но тут вдруг меня осенило.

— Позвольте, — говорю я, — где же это видано, чтобы такой груз, как селетки, сдавался поштучно? Извольте, прикиньте их на весы, а тогда и заявляйте претензии.

Ну, тот видит — не на простака напал, взял груз на весы, и, поверите ли, обнаружилась значительная прибавка в весе! Вас, может быть, удивит этот факт. Однако, если разобраться, тут и удивляться нечему. Я заранее знал, что так будет, и без труда объясню вам причину этого явления. Подумайте, взвесьте обстоятельства дела, и вы поймете, что иначе и быть не может: спокойное

путешествие, отличное питание, перемена климата, морские купания... Все это укрепляющим образом действует на организм. Ну, и понятно, седельки поправились, пополнели, накопили жирку.

Так что опыт мой удался блестяще, и, закончив расчеты, я решил отдохнуть, проветриться на берегу и осмотреть местные достопримечательности.

Отправились в глубь страны, в пустыню. По пустыне там ходит троллейбус, но в троллейбусе ехать неинтересно, и мы решили воспользоваться местными средствами сообщения. Я сел на двугорбого верблюда, Лом — на одногорбого,

а Фукс — на осла. Получилась довольно живописная группа.

Так, целым караваном, и прибыли в Каир. А в Каире — вот там другое дело! Там и тогда был настоящий Египет, и от каждой пяди земли веяло ароматом глубокой древности. А как же! Там и пустыня Сахара, и бедуины, и финиковые пальмы, а главное — гробницы фараонов, сфинксы и другие памятники седой старины. Мы первым делом отправились осматривать пирамиды. Заплатили сколько следует, взяли входные билеты, стреножили животных и пошли.

Идем по подземным коридорам. Там, знаете, все так и стоит нетронутым пять тысяч лет. Обстановка великолепная: чистота, электрическое освещение, на каждом перекрестке — чистильщик сапог, на каждом углу — ларек с мороженым... В общем, неплохо жили покойники.

Ну-с, мы почитали иероглифы, взглянули на золотой саркофаг, на мумию и пошли назад. Вышли, глядим — Фукс пропал. Подождали-подождали — нет Фукса. Собрались идти разыскивать, а тут он сам бежит навстречу и держится за скулу. Я посмотрел — у него фонарь во всю щеку.

— Кто же это вас, Фукс? — спрашиваю я.

— Да я там кусочек саркофага отколупнул на память, а фараон как стукнет! — захныкал Фукс.

— Да вы с ума сошли, Фукс! — говорю я. — Он же мертвый, фараон-то.

— Как же, мертвый! Живехонький, да еще не один, их там целая рота, этих фараонов.

— Каких это фараонов, египетских?

— Зачем египетских? Английские. Вон шагают.

Тут я увидел отряд полицейских и понял, что Фукс прав. Действительно, фараоны самые настоящие: в касках, с дубинками...

Глава VIII,

в которой Фукс получает заслуженное возмездие, затем считает крокодилов и, наконец, проявляет исключительные способности в области агрономии

Вернувшись на судно, я отчитал Фукса:

— Чтобы у меня этого больше не было: никаких «на память»! Понятно?

Ну, Фукс раскаялся, обещал вести себя осмотрительнее. Синяк у него рассосался, и мы отправились вверх по Нилу.

Идем. Вот тут уж ничего не скажешь: Африка

в лучшем виде. Куда ни помотришь — лотосы, папирусы, по берегам гуляют робкие антилопы, порой попадают даже львы. В воде фыркают бегемоты, тут же ленивые черепахи греются на солнце. Как в зоопарке.

Лом и Фукс, как маленькие дети, развлекаются, дразнят палками крокодилов, а я сохраняю полную серьезность, веду судно, лавирую, высматриваю подходящую деревушку на берегу.

Этот рейс по Нилу я, молодой человек, как вы понимаете, предпринял не из праздного любопытства. Первоначально план моего похода был таков: Атлантика, Панама, Тихий океан...

Из-за селедок пришлось нарушить этот план, уклониться несколько в сторону, и теперь впереди у нас лежал трудный переход по Индийскому океану.

А там, в океане, знаете, ни магазинов, ни ларьков нет; подберутся запасы, и клады зубы на полку... И вот, как человек предусмотрительный и экономный, я решил перед этим трудным рейсом получше и подешевле снабдить экспедицию. Да-с.

Наконец вижу небольшое селение. Так, вроде чистенько и народ приветливый. Подошел к берегу, причалил и со всем экипажем отправился на базар.

Местное население встретило нас прекрасно. И цены на рынке оказались не слишком высокие, так что мы снабдились наилучшим образом: приобрели пару соленых слоновьих хоботов, ящик страусовых яиц, финики, саго, корицу, гвоздику и прочие пряности. Погрузили все это на яхту, я поднял отходный флаг, собираюсь в путь, но тут Лом докладывает рапортом, что Фукс опять пропал. Подождали — нет Фукса.

Ну, я было хотел без него уходить, но потом поразмыслил и пожалел. Парень он ничего!

Жуликоват, правда, но зато старательный и добрый. А тут, в Египте, народ доверчивый, соблазны на каждом шагу, последить за парнем некому. Ну и свихнется, пропадет, кончит каторгой... Словом, пошел я его выручать. Иду, вдруг вижу — на краю деревни толпа, откуда доносятся смех и вопли. Я заинтересовался, кликнул Лома, прибавил шагу, подбегаю и вижу: Фукс мой в печальном положении. Свернулся комочком, зарыл голову в песок, прикрылся шляпой. А над ним, понимаете, страус. Щиплет его за мягкие места и лупит ногами, как футбольный мяч. Кругом беспристрастные зрители смотрят, аплодируют, точно в цирке, поощряют эту птицу, хохочут, кричат...

Ну, я, знаете, прикрикнул на страуса. Он испугался, сел тут же и тоже — голову в песок. Так и сидят рядом.

Тогда я взял Фукса за шиворот, поднял, встряхнул, поставил на ноги и допросил с пристрастием о причине столь странного положения. И что же оказалось? Не подействовало мое внушение: опять согрешил малый. Видит — гуляет страус на свободе, ну, и, знаете, не стерпел: подкрался сзади, дернул у него перо из хвоста «на память»... А страус — даром что робкая птица, но тут вспылал.

Фукс мне и перо показал. Я хотел было вернуть его страусу, но, знаете, не стал задерживаться, а главное, думаю: во-первых, у страуса новое отрастет, а во-вторых, страус сам с ним рассчитался — вырвал здоровый клочок из штанов, так что квиты.

Ну, обсудили этот случай, посмеялись, конечно, распрощались с местным населением, вернулись на судно, подняли паруса и пошли назад, вниз по Нилу. Спустились спокойненько, не спеша, вышли к морю и вдоль бережка пошли на восток. Оттуда

наш путь лежал в Красное море, через Суэцкий канал.

В канал вошли утром. Там вообще-то лоцманы корабли проводят. Но я человек бывалый. Суэцким каналом ходить мне не впервой, я там каждый камушек знаю. Ну, и решил зря не тратиться — пошел без лоцмана. Идем. Фукс на носу «впередсмотрящим», я в руле, а Лом подвахтенным: готовит на камбузе завтрак. Он был мастером кулинарного дела; другой раз такого настряпает, что сыт по горло, а все равно сядешь, отведаешь. Вот и в тот раз. С утра, знаете, Лом подвязал фартук, засучил рукава, затопил камбуз... Я заглянул к нему — куда там: здесь и без того жара, а у него прямо кузница на полном ходу, ад крошечный. Огонь так и пышет, в кастрюлях кипит, жаркое румянится, а главное — аромат. Подливочки, соуса — это у него был коронный номер. И такой запах пошел над Суэцким каналом, что со всех сторон собрались звери — не закусить, так хоть понюхать. Стоят по берегам, смотрят на нас, облизываются. И, знаете, здорово получается! Мы два дела делаем зараз: во-первых, идем своим направлением, а во-вторых, в непосредственной близости изучаем местную фауну. А фауна там богатейшая! Из Аравии пожаловали тигры, кабаны, приползли вараны, а с африканского берега — львы, слоны, носороги. Жираф тоже пришел из пустыни, пронюхал и любитесь нашим суденышком. Не знаю уж, какие там возникли у него мысли, но только, судя по всему, он принял нашу яхту за плавучую закусочную. Свесил шею, как подъемный кран, идет за нами по берегу, слюнки пускает.

А тут Лом как раз закончил стряпню, накрыл стол на три персоны. Все как полагается — тарелочки, вилочки, чистую скатерть постелил и выходит из камбуза с миской в руках. И пред-

ставьте: жвачное заинтересовалось, лезет мордой прямо в миску; Лом на него кричит, ругается, а жираф — животное невоспитанное, убеждения на него не действуют, тянется к миске как ни в чем не бывало, зубы оскалил и уже облизывается. И сделать ничего нельзя: свернуть некуда, канал узкий, по берегу не пойдешь. Применить физические меры воздействия — это руль нужно бросить, а тут место очень ответственное: рискованно. Фукс — тот увлекся изучением фауны, не видит и не слышит ничего, а у Лома руки заняты... Тут одно спасение — ретирада.

— Отступайте, Лом! — приказал я.

— Есть отступить! — ответил Лом и давай пятиться задом в каюту по трапу.

А у жирафа знаете какая шея! А тут он ее еще вытянул и тоже за Ломом в каюту. Лом забился в самый конец, и жираф не отстает. И вот слышу, Лом рапортует:

— Дошел до места!

Ну, я понял — дело дрянь, так и без завтрака останешься. Рискнул все-таки: бросил на минутку руль, захлопнул дверь, прищемил жирафу шею. И подействовало, знаете, лучше всяких внушений: жираф уперся всеми четырьмя ногами, выдернул шею из кубрика, выпрямился во весь рост. Но, видимо, обиделось животное: оглянулось кругом, заржало и слопало флюгер.

Ну, это ущерб небольшой: флюгера у меня были запасные, а завтрак-то все-таки спасли, как ни говорите. И жирафу, если разобраться, не так уж обидно. Конечно, мы его, так сказать, в шею вытолкали, как непрошеного гостя, но все-таки не голодным ушел. Они там привыкли в пустыне — камни и те с голодухи гложут, так что флюгер для него тоже, знаете, не так себе, а в некотором роде деликатес.

Да. Обсудили и этот поучительный случай, позавтракали с отменным аппетитом и пошли дальше.

К ночи прошли Суэц, тут заштилели и простояли около двух суток. Да оно, знаете, и кстати. Отдохнули, поправили паруса, рангоут, обтянули такелаж, генеральную уборочку произвели. А утром потянул ветерок. Мы подняли паруса и вышли в Красное море.

Сначала спокойно шли правым бакштагом, а потом ветерок стал крепчать, и нас здорово потрепало. Налетел самум из Сахары. Жарко, как в бане, духота страшная, зыбь, и Фукс, знаете,

не выдержал, укачался. Он сначала крепился, не показывал виду, потом сразу как-то сдал. Даже до койки не дополз, улегся тут же на палубе, на ящике с провизией, стонет, обмахивается страусовым пером. Жалко парня, однако ничем не поможешь. Морская болезнь — безопасный, но неизлечимый недуг.

А в остальном все в порядке. Этот самум даже на руку нам: гонит «Беду» полным ходом. Идем хорошо. Так и меряем милю за милей. Я посмотрел, проложил курс, оставил Лома в руле, а сам пошел вздремнуть в каюту. При моей комплекции в этих широтах лучше нести ночную вахту, а Лом, он и днем постоит, не растает. Да.

Ну, а к ночи жара несколько спала, мой старший помощник Лом отправился спать в каюту, а я встал в руль, веду судно.

Ночь в тех местах красива до чрезвычайности: вверху луна качается, как фонарь на цепочке; море горит голубым, таинственным светом. Как в сказке. Постоишь часок-другой, и полезет в голову всякая чертовщина: разные там ковры-самолеты, драконы, привидения. Я это размечтался, вдруг слышу — Фукс невнятно бормочет что-то. Прислушался... Ого, тут, похоже, не морской болезнью, тут тропической лихорадкой пахнет! Слышу — бредит бедняга, шепчет:

— Христофор Бонифатьевич, крокодил... Еще крокодил. Еще крокодил...

Ну, я закрепил руль, спустился в каюту, отпер аптечку, достал порцию хины, выхожу, а Фукс не унимается:

— Двадцать семь крокодилов, двадцать восемь крокодилов, тридцать крокодилов...

— Полно, Фукс, будет вам крокодилов считать! Сглотните-ка лучше, — говорю я.

И только шагнул, мне под ногу подвернулась какая-то гадина. Я попятился, поскользнулся,

упал, хину рассыпал. Тут кто-то меня за палец — цап! Ну, знаете, тут и я испугался, закричал. На крик выскочил Лом и только ступил на палубу — слышу: тоже кричит.

А Фукс, как часы, считает:

— Сорок пять крокодилов... пятьдесят крокодилов...

Тут есть от чего прийти в панику. Но я взял себя в руки, вскочил, чиркнул спичкой — и, поверите ли, вижу: действительно, полна палуба крокодилов. Крокодильчики мелкие, новорожденные и безопасные по существу, но все-таки, знаете, неприятные животные. С ними я уж не стал церемониться, взял швабру и давай прямо за борт, в родную стихию.

А когда палуба несколько очистилась, я поинтересовался, откуда же это нашествие. И вижу — лезут из щели, из ящика. Ну, тогда я все понял: нам в той деревне по ошибке или с умыслом вместо страусовых яиц отгрузили крокодильи. А тут жара, да еще Фукс сверху улегся, высидел, вот они и полезли.

Установив причину чрезвычайного происшествия, я без труда избавился и от его последствий. Не стал даже ящик распаковывать. Провел просто доску от той щели за борт — вроде мостика, и они полным ходом, как по конвейеру, один за одним так и лезли до самого Адена. А после уж, в Адене, вскрыли ящик, глядим — одни скорлупки остались... Да-с.

Устранив крокодилов и водворив порядок на судне, я несколько успокоился. Но ненадолго: судьба готовила мне новые испытания.

Мы шли вдоль берегов Эритреи. Лом спал в каюте, Фукс — на палубе. Ураган стих, все предвещало спокойствие. Вдруг перед самым рассветом слышу где-то в море раздирающий душу крик.

— Все наверх! Человек за бортом! — крикнул я.— Руль на борт, поворот оверштаг!

Экипаж мгновенно принимает необходимые меры: полетели в море спасательные средства — круги, шары, концы... и вот поднимают на борт потерпевшего.

Гляжу — унтер-офицер в мокром виде. Внешностью не блещет, однако отряхнулся, прокашлялся и взял под козырек:

— Сержант итальянской армии Джулико Бандитто к вашим услугам.

— Да какие уж тут услуги! — говорю я.— Скажите, дорогой мой, спасибо, что так обошлось, да расскажите, как вы сюда попали и что мне с вами делать?

— Прогуливаясь в нетрезвом виде, сдут ветром в море. Прошу вас, капитан, высадить меня в любом месте на итальянском берегу.

— Э, батенька,— говорю я,— далеконько же вас занесло! Италия-то вон где...

— Италия везде,— перебил сержант.— И здесь,— показывает направо,— Италия, и здесь,— показывает налево,— Италия... Весь мир — Италия!

Ну, я спорить не стал. Думаю: «Хмель-то у него еще не прошел, так чего с пьяным разговаривать?»

Опять же пришлось принять во внимание, что в те годы такие вот молодчики в Италии взяли верх над народом и весь мир собирались к рукам прибрать. И невдомек было этим джуликам и бандиттам, что их главный бандит до того высоко сапоги занесет, что так, вверх сапогами, его и повесят...

Ну, а тогда ходил он еще вверх головой и чужую землю топтал. Да-с.

В общем, я возражать не стал. Думаю: «Разделаюсь поскорее с таким гостем, и то хорошо».

— Ладно,— говорю,— Италия так Италия. Куда вас поточнее-то? Сюда или туда?

— А вон,— говорит,— туда, к тем скалам, прошу вас.

Ну, я, ничего не подозревая, причаливаю к скалистому берегу, подаю сходню. Тут мой сержант опять берет под козырек:

— Благодарю вас, господин капитан. А теперь потрудитесь сойти с судна.

— Полноте, батенька, некогда мне, да и не к чему. Идите уж...

— Ах так? — говорит он, достает свисток, и вдруг, понимаете, из-за скал налетает рота головорезов. Щелк-щелк! — и, гляжу, весь мой экипаж в наручниках, и я в том числе.

Подхватили нас под микитки и повели по сильно пересеченной местности. Кругом скалы, горы, бесплодная почва... Ну, привели в лагерь, доложили. Мы стоим, ждем.

Наконец выходит полковник с тарелкой в руках; стоит, уплетает макароны.

— Ага,— говорит,— вторглись на итальянскую территорию. Все ясно: судно конфисковать, людей поставить на полевые работы, о дальнейшем запросить Рим.

Ну, и погнали нас на работу. За день мы намучились, проголодались. Хорошо еще, Фукс запустил руку в торбу к мулу, извлек горсть овса — только и поели.

А к ночи приходит сержант Джулико. Пожалел все-таки, отблагодарил за спасение: принес тарелку макарон из своего пайка.

Неприятно принимать такие подачки, но голод, как говорится, не тетка. Я разделил макароны побратски, отведал. Лом — тот отсутствием аппетита никогда не страдал — набросился, а Фукс, смотрю, чванится: понюхал и нос воротит.

— Разве это макароны? — говорит он. — Это же скверная подделка. Ай, господин сержант, у вас здесь такой благодатный климат, а вы всякую дрянь едите и кукурузу сеете! Да здесь можно такую макаронную плантацию развести, что на всю Италию хватит! Вы доложите полковнику: я, если угодно, сделаю опытную посадочку. У меня и рассада есть — на судне осталась.

Я глаза вытаращил: до чего же врет парень! А Джулико этот уши развесил и действительно побежал докладывать. И что бы вы думали: отдали нас в распоряжение Фукса, отвели ему учас-

ток, принесли с «Беды» макароны, кругом поставили караул. Сам полковник пришел.

— Сажайте, — говорит, — но смотрите: обманете — шкуру спущу!

Я вижу — этот действительно спустит, ну и решил предостеречь Фукса.

— Бросьте вы это дело, — шепчу я, — ведь ничего не выйдет, кроме неприятностей....

А он только рукой махнул:

— Будьте покойны, Христофор Бонифатьевич. Только тихо!

И вот, понимаете, раскопали мы не торопясь грядки. Фукс на виду у всех наломал макароны, посадил, поливает.

И представьте, через три дня взошли! Сперва такие, знаете ли, зеленые росточки, потом листочки...

Фукс ходит, окучивает, рассказывает итальянцам:

— Это вам не какая-нибудь дешевая подделка, это натуральный продукт! Вот вырастут повыше, станут в рост человека, тогда вы их косите, листья обламываете на корм скоту, а стебли бросаете прямо в кастрюлю, варите — и получаете превосходное кушанье.

И поверили итальянцы. Да и я, признаться, поверил. Убедительно. Растут ведь. Факт! И вот этот полковник спрашивает:

— Нельзя ли засеять все поле?

— Нет, почему же, можно, пожалуйста, — говорит Фукс, — только семенного материала маловато. А если ваши сеять, их надо спиртом поливать, иначе не взойдут.

— Ну что ж, мои молодцы польют, — говорит полковник и распорядился.

На другой день выкатили цистерну спирта, высыпали все макароны, что были, соорудили цепи, обмолотили, засеяли и пошли поливать. Но

только, знаете, на поле немного попало, все больше в рот солдатам. Вечером и полковник прибыл, тоже пригубил, и такое пошло веселье по всему лагерю: песни, шум, драки начались. А к ночи взошла луна, лагерь утих, только храп слышен по полю. А мы скорее на берег, на «Беду». Подняли паруса и пошли.

— Ну,— говорю,— Фукс, вам бы агрономом быть, а не матросом. Как это вы достигли такого совершенства? Ведь это чудо, чтобы макароны проросли.

— Никакого чуда, Христофор Бонифатьевич, просто ловкость рук,— отвечает Фукс.— У меня горсточка овса осталась в кармане, а с овсом не то что макароны — окурки и те взойдут.

Вот оно как. В общем, благополучно ускользнули. Ну, а на другой день я обогнул мыс Гвардафуй и пошел прямо на юг.

Глава IX

О старых обычаях и полярных льдах

Океан встретил нас ровным пассатом. Идем день, другой. Влажный ветер несколько умеряет жару, однако прочие признаки указывают на пребывание в тропической зоне. Синее небо, солнце в зените, а главное — летучие рыбы. Замечательно красивые рыбки! Порхают над водой, как стрекозы, и дразнят душу старого моряка. Недаром, знаете, летучая рыба — символ океанского простора.

Вот эти рыбки, будь они неладны, воскресили во мне воспоминания юности, первое плавание... экватор...

Экватор, как вам известно, линия воображаемая, однако вполне определенная. Переход ее с

давних пор сопровождается небольшим самодеятельным спектаклем на корабле: якобы морской бог Нептун является на судно и после непродолжительной беседы с капитаном тут же, на палубе, купает моряков, впервые посетивших его владения.

Я решил потрянуть стариной и возродить этот старый обычай. Тем более, декорации несложные, костюмы тоже — с этой стороны постановка трудностей не представляет. Но вот с актерским составом просто зарез. Я, знаете, единственный бывалый моряк на судне, я же и капитан, и волей-неволей мне же приходится изображать Нептуна.

Но я нашел выход: с утра приказал выставить бочку с водой, затем сказался больным и вплоть до выздоровления по всем правилам сдал Лому командование судном. Лом выразил мне соболезнование, однако с удовольствием заломил фуражку на капитанский манер и приказал Фуксу чистить медные части.

А я заперся в каюте и занялся подготовкой: сделал бороду из швабры, соорудил трезубец, корону, а сзади прицепил хвост наподобие рыбьего. И должен без хвастовства сказать: получилось отлично. Я, знаете, посмотрел в зеркало: ну, куда там — Нептун, да и только. Как живой!

И вот, когда, по моим расчетам, «Беда» пересекла экватор, я в полном облачении поднялся на палубу...

Результат получился необычайный, но несколько неожиданный. Отсутствие предварительной проработки спектакля и незнание старых морских обычаев направили воображение моего экипажа в нежелательную для меня сторону.

Я вышел.

Мой старший помощник Лом гордо стоял у штурвала, пристально вглядываясь в горизонт. Фукс, обливаясь потом, усердно «драил медяшку».

Летучие рыбы по-прежнему порхали над волнами.

Спокойствие царило на палубе корабля, и мой выход в первый момент остался незамеченным.

Ну, я решил обратить на себя внимание: грозно стукнул трезубцем и зарычал. Тут оба они встрепенулись и замерли от изумления. Наконец придя в себя, Лом нерешительно шагнул мне навстречу и смущенным голосом произнес:

— Что с вами, Христофор Бонифатьевич?

Я ждал этого вопроса и заранее подготовил ответ в стихотворной форме:

Я Нептун — морское чудо,
Мне подвластна вся вода,
Рыбы, ветры и суда.
Рапортуйте мне: откуда
И куда идет «Беда»?

Тут лицо Лома выразило мгновенный испуг, который затем перешел в отчаянную решимость. Лом бросился, как леопард, облапил меня своими ручищами и потащил к бочке.

— Поддержать капитана за ноги! — скомандовал он на ходу.

А когда Фукс выполнил приказание, Лом добавил несколько спокойнее:

— Старика хватил солнечный удар, необходимо освежить ему голову.

Я пробовал отбиваться, пробовал убеждать их, что, согласно веками установленным обычаям, не мне, а им следует купаться по случаю прохождения экватора, но они не слушали. И вот, понимаете, приволокли меня к бочке и принялись окунать в воду.

Корона моя размокла, трезубец упал. Положение прискорбное и почти безвыходное, но я собрался с последними силами и в момент между двумя погружениями бодро скомандовал:

— Отставить макать капитана!

И, представьте себе, подействовало.

— Есть отставить макать капитана! — гаркнул Лом, вытянув руки по швам.

Я ухнул в воду... Одни ноги торчат. Мог бы и захлебнуться, да хорошо, Фуке догадался: завалил бочку набок, вода вылилась, а я застрял. Сижу, как рак-отшельник, не могу отдышаться. Ну, потом оправился и вылез, тоже этак, рачьим манером, кормой вперед.

Вы сами понимаете, какой ущерб моему авторитету нанесло это событие. А тут еще, как назло, мы потеряли пассат. Наступил мертвый штиль,

и безделье воцарилось на судне. И вот, знаете, как утро, Лом с Фуксом устраиваются на палубе, ноги под себя, по-турецки, карты в руки и дуются без отдыха в подкидного дурака.

Я посмотрел день, посмотрел другой и прекратил это дело. Я вообще-то противник азартных игр, а тут тем более, поскольку это увлечение угрожало срывом дисциплины. Ведь вы учтите: Фукс жульничает, каждый кон оставляет Лома дураком, да еще подкидным! Какое уж тут уважение!

А с другой стороны, просто так запретить игру — умрут со скуки. А по мне, пусть уж лучше помощник дурак, чем покойник.

Тогда я предложил им шахматы. Это как-никак игра мудрецов, изоцряет ум, развивает стратегические способности. К тому же спокойный характер этой игры позволяет обставить ее по-семейному.

И вот мы водрузили на палубе стол, вытащили самовар, над головой растянули тент из паруса и в такой обстановке, за чашкой чаю, с утра до ночи предавались бескровным поединкам.

Вот так однажды мы с Ломом засели с утра доигрывать незаконченную партию. Жара стояла убийственная, и Фукс, свободный от игры, полез купаться.

Король Лома беспомощно жался к уголку. Я уже предвкушал сладость заслуженной победы, вдруг резкий крик за бортом нарушил ход моих мыслей. Взглянул — вижу, над водой шляпа Фукса. (Он купался в головном уборе, опасаясь солнечного удара.) Отчаянно вопя, Фукс бьет по воде руками и ногами, поднимает тучи брызг и со всей скоростью, которую позволяли развивать его ходовые качества, приближается к «Беде». А за ним, рассекая лазурную гладь моря, бесшумно скользит над водой спинной плавник огромной акулы.

Настигнув несчастного, акула перевернулась на спину, открыла свою страшную пасть, и я понял, что Фуксу пришел конец. Не отдавая отчета в своих действиях, я схватил со стола первое, что подвернулось под руку, и изо всей силы швырнул в морду морского хищника.

Результат получился разительный и необычайный: зубы чудовища мгновенно сомкнулись, и в ту же секунду, бросив преследование, акула завертелась на месте. Она выпрыгивала из воды, жмурилась и, не разжимая челюстей, сквозь зубы отплевывалась во все стороны.

Фукс тем временем благополучно добрался до судна, вскарабкался на борт и в изнеможении подсел к столу. Он пытался что-то сказать, но от волнения глотка его пересохла, и я поспешил налить ему чаю.

— Вам с лимоном? — спрашиваю. Протянул руку к блюдцу, а там нет ничего.

Тогда я все понял. В минуту смертельной опасности лимон подвернулся мне под руку и решил участь Фукса. Акулы, знаете, непривычны к кислоте. Да что там акулы, вы сами, молодой человек, попробуйте лимон целиком — так скулы сведет, что и рта не откроете.

Пришлось запретить купание. Запас лимонов у нас, правда, еще сохранился, но ведь нельзя же рассчитывать, что всегда попадешь так удачно. Да-с. Устроили душ на палубе, обливали друг друга из ведра, но ведь это всё полумеры, и жара замучила нас совершенно.

Я даже несколько похудел, и не знаю, чем бы все кончилось, если бы в одно прекрасное утро не потянул наконец ветерок.

Изнуренный бездельем экипаж проявил необычную энергию. Мы мгновенно поставили паруса, и «Беда», набирая ход, пошла дальше, на юг.

Вас, может быть, удивит взятое мною направление? Не удивляйтесь, взгляните на глобус: идти вокруг света вдоль экватора долго и трудно. Многих месяцев пути требует такой поход. У полюса же вы легко можете хоть пять раз в день обойти земную ось кругом, тем более что и дни там, на полюсе, бывают до шести месяцев продолжительностью.

Вот мы и стремились к полюсу и с каждым днем спускались всё ниже. Прошли умеренные широты, приблизились к Полярному кругу. Тут уж, знаете, холодок дает себя чувствовать. И море не то: вода серая, туманы, низкая облачность. На вахту выходишь в шубе, уши мерзнут, на снастях сосульки.

Однако мы и не думали об отступлении. Напротив, пользуясь попутными ветрами, мы с каждым днем спускались всё ниже и ниже. Легкая зыбь не причиняла нам беспокойства, экипаж чувствовал себя отлично, и я с нетерпением ждал того момента, когда на горизонте откроется ледяной барьер Антарктики.

И вот однажды Фукс, обладавший орлиным зрением, неожиданно воскликнул:

— Земля на носу!

Я было подумал, у меня или у Лома нос не в порядке. Провел даже ладонью, утерся. Нет, все чисто.

А Фукс опять кричит:

— Земля на носу!

— Может, по носу земля? — говорю я. — Так вы, Фукс, так бы и говорили. Пора привыкнуть. Но только не вижу я вашей земли...

— Так точно, по носу земля, — поправился Фукс. — Вон там, видите?

— Не вижу, признаться, — сказал я.

Но прошло еще с полчаса — и что бы вы думали? Точно. Тут уж и я заметил темную полосу

на горизонте, и Лом заметил. Действительно, похоже на землю.

— Молодец, Фукс, — говорю я, а сам беру бинокль, пригляделся и вижу — ошибка! Не земля, а лед. Огромный айсберг столовидной формы.

Ну, я взял курс прямо на него, и два часа спустя, сверкая тысячами огней в лучах незаходящего солнца, айсберг встал у нас перед носом.

Точно стены хрустального замка, возвышались над морем голубые уступы. Холодом и мертвенным спокойствием веяло от ледяной горы. Зеленые волны с рокотом разбивались у ее подножия. Нежные облака цеплялись за вершину.

Я немного художник в душе. Величественные картины природы волнуют меня до чрезвычайности. Скрестив руки на груди, я застыл от изумления, созерцая ледяную громаду.

И вот, откуда ни возьмись, тощий тюлень высунул из воды свою глупую морду, бесцеремонно вскарабкался по склону, развалился на льду и давай, понимаете, чесать бока!

— Пошел вон, дурак! — крикнул я.

Думал — уйдет, а он хоть бы что. Чешется, сопит, нарушает торжественную красоту картины.

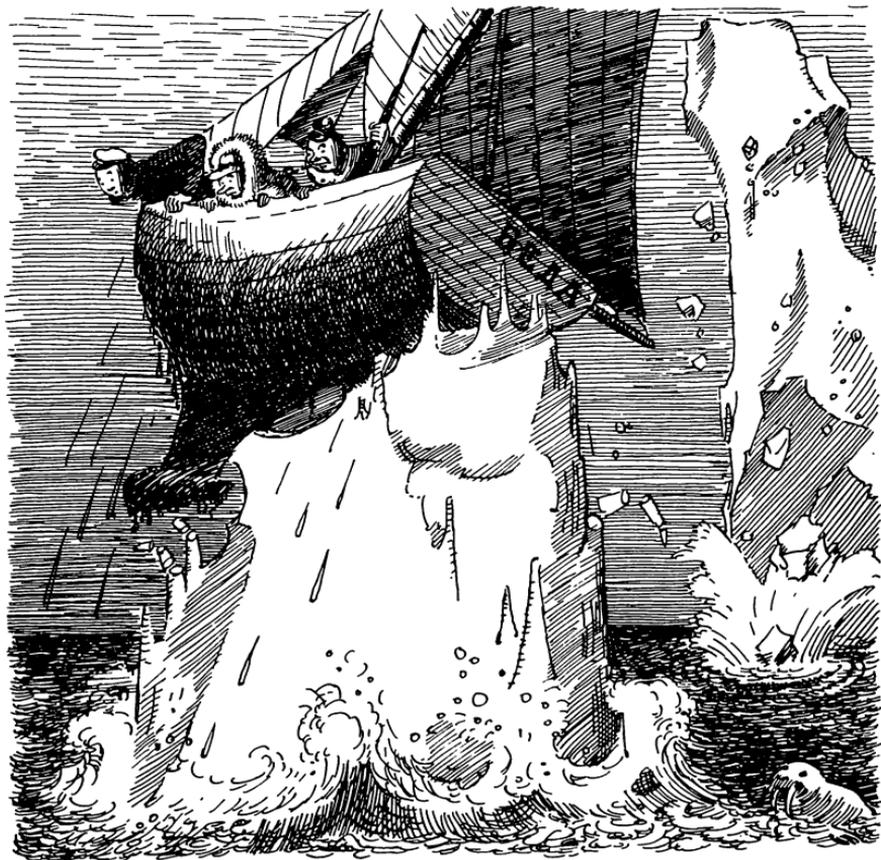
Тут я не выдержал и совершил непростительный поступок, результатом которого едва не явилось бесславное окончание нашего похода.

— Подать ружье! — говорю я.

Фукс юркнул в каюту, вынес винтовку. Я прицелился... Бац!

И вдруг гора, казавшаяся незыблемой твердыней, со страшным грохотом раскололась пополам, море закипело под нами, осколки льда загремели по палубе. Айсберг совершил этакое сальто-мортале, подхватил «Беду», и мы чудесным образом оказались на самой верхушке ледяной горы.

Ну, потом стихии несколько успокоились.

Успокоился и я, осмотрелся. Вижу — положение неважное: яхта застряла среди неровностей льда, села так, что и не сдвинешь, кругом неприветливый серый океан, а внизу, у подножия ледяной горы, болтается все тот же тюлень-негодяй, смотрит на нас, ухмыляется самым наглым образом.

Экипаж, несколько смущенный всей этой историей, молчит. Ждет, видимо, объяснений непонятного явления. И я решил блеснуть запасом познаний и тут же на льду провел небольшую лекцию.

Ну, объяснил, что айсберг вообще опасный сосед для корабля, особенно в летнюю пору. Подтаает

подводная часть, нарушится равновесие, переместится центр тяжести,— и вся эта громадина держится, так сказать, на честном слове. И тут не то что выстрела, тут громкого кашля бывает достаточно, чтобы разрушилось все это природное сооружение. И ничего удивительного нет, если айсберг переворачивается... Да.

Ну, экипаж выслушал с должным вниманием мои объяснения. Фукс промолчал из скромности, а Лом со свойственной ему непосредственностью задал несколько не деликатный вопрос.

— Ладно,— говорит,— как он перевернулся — это дело прошлое, а вы, Христофор Бонифатьевич, скажите, как его назад переворачивать?

Тут, молодой человек, действительно подумаешь: как ее переворачивать, такую громадину? А делать что-то надо. Не век же сидеть на льду.

Ну, я погрузился в размышления, стал обдумывать создавшееся положение, а Лом тем временем подошел к делу несколько несерьезно, с кондачка: переоценил свои силы и решил самостоятельно спустить яхту на воду. Взял, понимаете, топор, размахнулся и отколол глыбу тонн в двести.

Он, видимо, хотел подрубить таким образом нашу ледяную подставку. Намерение весьма похвальное, но совершенно необоснованное. Недостаточные познания в области точных наук не позволили Лому предугадать результаты его усилий.

А результаты получились как раз обратные. Как только глыбы отделились от нашей горы, гора, понятно, стала легче, приобрела некоторый дополнительный запас плавучести, всплыла. Словом, к тому времени, когда я выработал план действий, верхушка айсберга вместе с яхтой благодаря усилиям Лома поднялась еще футов на сорок.

Тут Лом опомнился, раскаялся в своем легко-

мысленном поведении и со всем рвением, на которое был способен, принялся выполнять мои приказания.

А мой план был проще простого: мы поставили паруса, натянули шкоты и вместе с айсбергом полным ходом пошли назад, на север, поближе к тропикам. И тюлень с нами отправился.

И вот, знаете, недели не прошло, наша ледышка стала таять, уменьшаться в размерах, потом в одно прекрасное утро хрустнула, сделала вторичный поворот, и «Беда», как со стапеля, мягко стала на воду. А тюлень, понимаете, оказался наверху, но не удержался, поскользнулся и плюх мешком к нам на палубу! Я схватил его за шиворот, высек ремнем для острастки и отпустил. Пусть плавает. А Лом тем временем сделал поворот, «Беда» снова легла на курс «зюйд», и мы вторично направились к полюсу.

Глава X,

*в которой читатель знакомится с адмиралом Кусаки,
а экипаж «Беды» — с муками голода*

Снова серые облака, туманы, снова шубы пришлось надеть...

И вот однажды в морозную погоду мы идем не спеша. Вдруг как ухнет! Взрыв не взрыв, гром не гром — не поймешь.

Подождали, прислушались — тишина, потом снова: бабах! И опять тишина.

Я заинтересовался, заметил направление и повел «Беду» навстречу загадочному явлению.

И вот видим: на горизонте — подобие плавучей горы. Подходим. Нет, не гора, просто облако тумана. Вдруг из середины его вздымается столб воды, фонтаном падает в море, при этом глухой

раскат снова разносится по океану и сотрясает «Беду» от киля до клотика.

Страшновато стало, но любопытство и стремление обогатить науку разгадкой непонятого явления победили во мне чувство осторожности. Я встал в руль и ввел судно в туман. Иду, смотрю — сосульки с бортов начинают падать, да и так заметно значительное потепление. Сунул руку за борт — вода только что не кипит. А перед носом в тумане вырисовывается нечто огромное, вроде сундука, и вдруг этот сундук — апчхи!

Ну, тогда я все понял: кашалот, понимаете, зашел из Тихого океана, простудился во льдах Южного полюса, подхватил грипп, лежит тут и чихает. А раз так, неудивительно и нагревание воды: заболевания простудного характера обычно сопровождаются повышенной температурой.

Можно бы загарпунить этого кашалота, но неудобно пользоваться болезненным состоянием животного. Не в моих это принципах. Напротив, я взял на лопату хорошую порцию аспирина, нацелился и только хотел сунуть ему в пасть, вдруг, понимаете, налетел ветерок, подкатила волна. Ну и, знаете, промахнулся, не попал. Аспирин рассыпался и вместо рта да в дышло — в ноздри, так сказать.

Кашалот вздохнул, замер на секунду, зажмурил глаза — и вдруг опять как чихнет, да прямо на нас.

Ну уж чихнул так чихнул! Яхта взвилась под самые облака, потом пошла на снижение, перешла в штопор, и вдруг... хлоп!

От удара я потерял сознание, а когда очнулся, смотрю — «Беда» лежит на боку, на палубе огромного корабля. Фукс запутался в снастях. Лом — тот и вовсе вывалился от толчка и сидит тут же рядом, в несколько неудобной позе. А навстречу нам под защитой дальнобойных орудий шествует

важной походкой небольшая группа господ, в чинах, судя по мундирам, не ниже адмиральских.

Я представился. Они, со своей стороны, объяснили, что являются международным комитетом по охране китов от вымирания. И тут же на палубе учинили мне допрос: кто, откуда, какие цели преследует мой поход, не встречал ли я китообразных, а если встречал, какие меры принял для защиты их от вымирания.

Ну, я рассказал своими словами: так, мол, и так, поход спортивный, кругосветный, встретил

одного кашалота в болезненном состоянии и оказал посильную помощь, предписанную в таких случаях медициной.

Они выслушали, пошептались, поставили у яхты конвой и удалились на совещание. И мы сидим, ждем, тоже совещаемся.

— Вынесут благодарность. Может, медаль дадут,— говорит Лом.

— Что медаль! — возражает Фукс. — По мне, лучше что-нибудь деньгами...

Ну, а я воздержался, промолчал.

Час так прошел, два, три. Скучно стало. Я отправился туда, на совещание. Пустили. Я сел в уголок и слушаю. А у них уже прения идут. Как раз, знаете, взял слово представитель одной восточной державы, адмирал Кусаки.

— Наша общая цель, — сказал он, — охрана китообразных от вымирания. Какие же средства есть у нас для достижения этой благородной цели? Вы все прекрасно знаете, господа, что единственным действенным средством является уничтожение китообразных, ибо с уничтожением их некому будет и вымирать. Теперь разберем случай, ставший предметом нашего обсуждения: капитан Врунгель, вопрос о котором стоит на повестке дня, как он сам признает, имел полную возможность уничтожить встреченного им кашалота. А что сделал этот жестокий человек? Он позорно отстранился от выполнения своего высокого долга и предоставил бедному животному вымирать сколько ему заблагорассудится! Можем ли мы закрыть глаза на такое преступление? Можем ли мы пройти мимо такого вопиющего факта? Нет, господа, мы не можем. Мы должны наказать преступника. Мы должны отобрать его судно и передать моим соотечественникам, которые честно выполняют задачи нашего комитета...

Тут перебил его представитель другой держа-

вы, западной, вот только фамилию забыл,— Грабентруп, кажется.

— Все правильно,— говорит он,— наказать нужно, но только господин адмирал забыл самое существенное: кашалот, в отличие от прочих китообразных, обладает черепом удлинённого строения. Таким образом, оскорбив кашалота, этот Врунгель оскорбил всю арийскую расу. Так что же вы думаете, господа, арийцы потерпят это?

Ну, я уж и слушать дальше не стал, вижу и так: попали из огня да в полымя. Улизнул тихонько, пошел к своим, доложил о результатах разведки. И гляжу — приуныл мой экипаж. Сидят грустные, ждут решения участи.

Целый день китолюбивые адмиралы спорили. Наконец поздно вечером вынесли резолюцию. Мы приготовились к самому худшему и мысленно уже распрощались с «Бедой», но опасения наши оказались несколько преждевременными. Решение вынесли неопределенное: «Для изучения вопроса создать специальную комиссию, а яхту «Беда» с экипажем временно водворить на одном из близлежащих необитаемых островов».

Я, понятно, заявил протест, да что толку. Меня и не спросили. Подцепили краном «Беду», опустили на скалы; нас тоже высадили, подняли флаги, погудели и пошли. Я вижу — делать нечего. Приходится подчиняться грубой силе и устраиваться по-береговому, с учетом создавшегося положения. А положение, надо вам сказать, отвратительное: яхта лежит на самом краю утеса, мачта торчит над морем, унылый прибой плещет у подножия скалы.

Ну, мы снарядились и пошли обследовать наш островок. Ходили, ходили — ничего хорошего не нашли. Всюду холодно, неудобно, одни скалы кругом.

Единственно с чем хорошо, так это с топливом.

Уж не знаю откуда, только нанесло на этот островок обломков погибших кораблей.

А с другой стороны, нам и топливо ни к чему. Запасы у нас на исходе, кругом ни флоры, ни фауны, а камнями, сколько их ни вари, все равно сыт не будешь.

«Аппетит, говорят, приходит во время еды». Возможно. Но у меня в этом отношении несколько необычный организм. Когда голоден, только тогда и ощущаю присутствие аппетита.

В целях борьбы с этой ненормальностью я подтянул кушак потуже, терплю. Лом и Фукс тоже на голод жалуются. Пробовали рыбу ловить — не клюет. Лом вспомнил, что в старину в таких случаях борщ из подметок варили, достал штормовые сапоги, два дня варил — никакого результата. Да и понятно, знаете: в былые-то времена сапоги из воловьей кожи делали, а у нас вся штормовая одежда из синтетического каучука. Конечно, в дождь, в сырую погоду оно удобнее — не промокает, а что касается кулинарных качеств такой обуви, прямо нужно сказать: ни вкуса у нее, ни питательности.

Ну и, понятно, скучновато стало. Ходим мы вокруг нашей яхты, смотрим на горизонт и друг на друга посматриваем. Призрак голодной смерти встает перед нами. По ночам преследуют кошмары...

И вот однажды смотрю — подходит к нашему островку льдина. А на льдине пингвины. Выстроились в одну шеренгу, как на смотру, кланяются.

Я тоже поклонился. А сам думаю: как бы с вами, господа пингвины, познакомиться поближе? Берег тут крутой, не спустишься, а пингвины, как их ни мани, сами не прилетят. Крылья-то у них бутафорские, так, больше для формы. А с другой стороны, и упустить жалко: птички жирные, упитанные, так и просятся на жаркое.

Встали мы на краю утеса и смотрим на них с вожделением. Лыдина эта уткнулась в наш остров, прямо под мачтой. Пингвины загалдели, топают ногами, машут крыльями, тоже смотрят на нас.

И вот, знаете, я поразмыслил немножко, сделал необходимые расчеты в уме и решил соорудить такую машину — пингвиноподъемник, что ли.

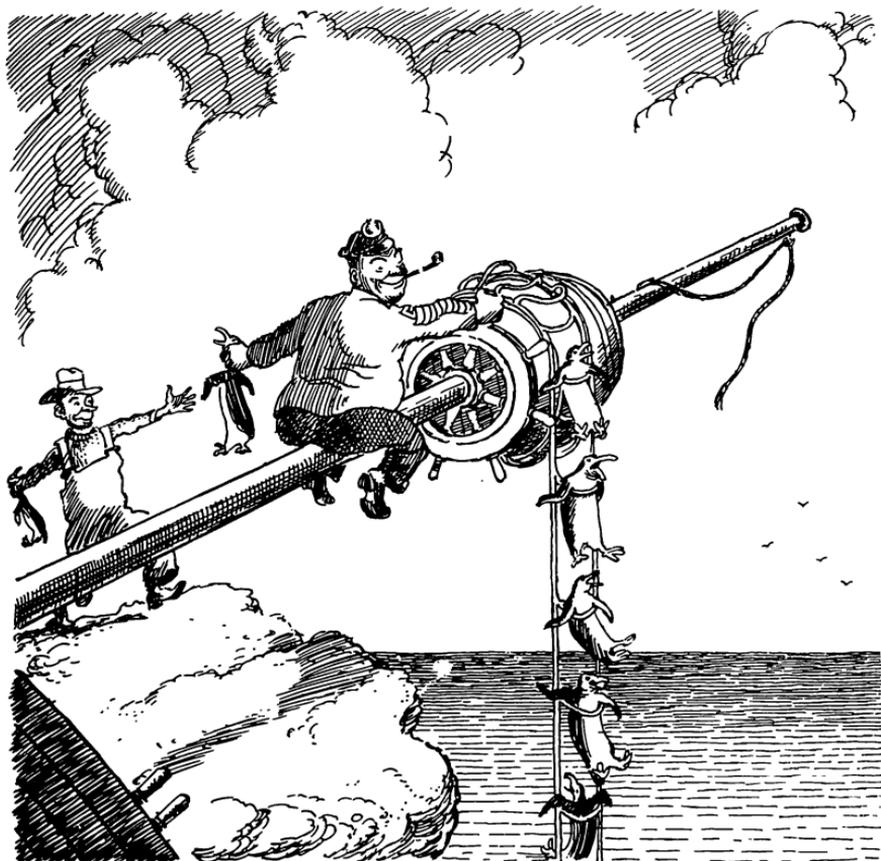
Ну, взяли пустую бочку, прибили к ней запасный штурвал, продолбили дырку в дне, насадили на мачту, а сверху перекинули штормтрапы, связанные бесконечной лентой. Опробовал я это сооружение на холостом ходу. Вижу — должно работать. Вот только приманки нет. Кто их знает, чем эти птички интересуются. Спустил ботинок — ноль внимания. Спустил зеркало — результат тот же. Шарф, мясорубку пробовали — ничего не помогает.

И тут меня осенило.

Я вспомнил — висит у нас в каюте картинка «Разварной судак под польским соусом». Это мне один художник подарил. Очень натуральное изображение. И вот, знаете, спустил я эту картинку на шнурке. Пингвины заинтересовались, двинулись к краю льдины. Передний сунул голову в трап, тянется дальше — к судаку. Только просунул плавники, я крутанул бочку... Один есть!

И так-то славно дело пошло! Я сижу на мачте верхом, кручу бочку одной рукой, другой снимаю с конвейера готовую продукцию, передаю Фуксу, тот Лому, а Лом считает, записывает и выпускает на берег. Часа за три весь остров заселили.

Да. Ну, закончили пингвинозаготовку, и совсем по-другому жизнь пошла. Пингвины бродят по скалам, кругом птичий гомон, суета... Шумно, весело... Лом оживился, подвязал фартук, собрался стряпать. Первого пингвина зажарили на вертеле, и мы тут же, стоя, отведали, заморили червячка.

Потом стали помогать Лому, натаскали дров целую гору. Он отобрал что посуше, развел костер. Ну, доложу вам, и костер! Дым столбом, как из вулкана, скалы раскалились, только не светятся. Тут на вершине острова был небольшой ледничок, так он от жары растаял, понимаете, разогрелся, получилось этакое кипящее озеро. Ну, я решил воспользоваться и устроить баньку. Сперва постирали, развесили одежду для просушки, а сами сидим паримся. И тут я недосмотрел. Не следовало бы особенно увлекаться. Антарктика как-никак. Погода там неустойчивая, нужно бы

учесть это, а я пренебрег, сам еще дровишек подкинул. Я люблю, знаете, баньку погорячее. Тут вскоре и результат последовал.

Скалы горячие, не ступишь. Жар пошел кверху, гудит, как в трубе. И, понятно, нарушилось равновесие воздушных масс. Со всех сторон налетели холодные атмосферные течения, нагнало тучи, хлынуло. Вдруг как грянет!

Глава XI,

в которой Врунгель расстается со своим кораблем и со своим старшим помощником

Оглушенный и ослепленный, я не сразу пришел в себя. Потом очнулся, смотрю — пол-острова вместе с яхтой как не бывало. Только пар идет. Кругом бушуют ветры, носится клочьями туман, море кипит и вареные рыбки плавают. Не выдержал раскаленный гранит быстрого охлаждения, треснул и разлетелся. Лом, бедняга, видимо, погиб в катастрофе, и судно погибло. Словом, конец мечтам. А Фукс — тот выкрутился. Смотрю, вцепился в какую-то доску и кружится на ней в водовороте.

Ну, тут, знаете, и я — раз-раз саженками! — подплыл к подходящей дощечке, улегся и жду. Потом море несколько утихло и ветер спал. Мы с Фуксом набрали вареной рыбы, до полного груза, сколько доски выдержали, сблизились друг с другом и отдались на волю стихии. Я свернулся калачиком на доске, ноги и руки подобрал, лежу. И Фукс так же устроился. Плыдем рядышком по воле волн в неизвестном направлении, перекликаемся:

— Хау ду-ю-ду, Фукс? Как у вас?

— Олл райт, Христофор Бонифатьевич! Все в порядке!

В порядке-то в порядке, но все-таки, доложу вам, печальное это было плавание. Холодно, голодно и тревожно. Во-первых, неизвестно, куда вынесет, да и вынесет ли куда? А во-вторых, тут и акулы могут быть, так что лежи на доске, не двигайся. А начнешь маневрировать — привлечешь внимание хищников. Налетят — и не заметишь, как руки или ноги недосчитаешься.

Да. Ну, плывем так в праздности и в унынии. День плывем, два плывем... Потом я со счета сбился. Календаря с собой не было, и мы с Фуксом для контроля каждый отдельно дни считали, а по утрам сверялись друг с другом.

И вот однажды в ясную ночь Фукс спал, а я, удрученный бессонницей, решил произвести наблюдения. Конечно, без приборов, без таблиц степень точности такого определения весьма относительна, но одно мне удалось установить безусловно: как раз в эту ночь мы пересекли линию дат.

Вы, наверное, слышали, молодой человек, что море в этом месте ничего особенного не представляет и самую линию увидеть можно только на карте. Но для удобства плавания как раз тут проделывают некоторые фокусы с календарем: при плавании с запада на восток два дня считают тем же числом, а при плавании с востока на запад проделывают обратное действие — один день вовсе пропускают и вместо «завтра» считают сразу «послезавтра».

И вот утром я бужу Фукса и после взаимных приветствий говорю ему:

— Вы имейте в виду, Фукс, что у нас сегодня — завтра.

Он на меня глаза вытаращил. Не соглашается.

— Что вы, — говорит, — Христофор Бонифать-

евич! В чем, в чем, а в арифметике вы меня не собьете.

Ну, я попытался объяснить ему.

— Видите ли,— говорю,— арифметика тут ни при чем. В плавании следует руководствоваться астрономией. Вы вот ночь спали, а я тем временем по Рыбам произвел определение.

— Я,— кричит Фукс,— тоже при помощи астрономии, по рыбам! Вчера у меня три рыбы было, а сегодня одна рыбина и хвост... А у меня паек точный: полторы рыбы в день.

Ну, вижу,— явное недоразумение. Я имел в виду созвездие Рыб, а Фукс не расслышал половины и по-своему понял. Я попытался ему объяснить.

— Вот,— кричу,— Фукс! Смотрите: что у вас прямо над головой?

— Шляпа.

— Да не шляпа,— говорю.— Сам вы шляпа! Зенит у вас над головой.

— Ничего у меня не звенит! — кричит Фукс.— А у вас если звенит, вы не тревожьтесь, это бывает от голода.

— Ладно,— говорю,— под вами что?

— Подо мной доска.

— Да нет,— говорю я,— не доска, а надир...

— Нет, моя гладкая...

Словом, вижу, так ничего не выйдет. Ладно, думаю, дай я с другой стороны подойду к вопросу.

— Фукс,— кричу,— как по-вашему, какова приблизительно широта нашего места?

Другой бы, более просвещенный в науках слушатель прикинул бы на глазок, определил бы широту по счислению; ну сказал бы там: сорок пять градусов зюйд... А Фукс четвертями измерил свою доску:

— Сантиметров сорок пять будет!

Словом, я понял: ничего из моих лекций не

выйдет. Обстановка не та. Да и не до лекций, признаться. Ну, и, чтобы не возбуждать бесцельных споров, я приказал совсем прекратить счет дней. Если вынесет куда, спасемся, там нам скажут и день и число, а здесь, в море, по существу, безразлично, когда тобой акула полакомится: вчера или послезавтра, третьего числа или шестого.

Словом, долго ли, коротко ли, как говорится, плыли мы, плыли и вот однажды я просыпаюсь, гляжу — земля на горизонте. По очертаниям — будто Сандвичевы острова. К вечеру подошли поближе, так и есть: Гавайи.

Удачно, знаете. Прекрасное это местечко. В старину, правда, здесь было не очень спокойно: кто-то кого-то тут ел. Капитана Кука вот съели...

Ну, а теперь-то давно уж туземцы вымерли, белым есть некого, а белых есть некому, так что тихо. А в остальном здесь рай земной: богатая растительность, ананасы, бананы, пальмы. А главное — пляж Уайкики. Со всего мира туда собираются купальщики. Там прибором замечательный. На его волнах местные жители, стоя на досках, катались.

Конечно, это тоже когда-то было... Но все-таки, знаете, молодцы: стоя! А мы что? Лежим барахтаемся, как котята. Мне даже неловко стало. И вот я выпрямился во весь рост, руки расставил, и представьте — удержался. Отлично удержался!

Тогда и Фукс на своей доске встал. Держится за шляпу, чтобы не слетела, балансирует. И вот таким манером, наподобие морских полубогов, мы несемся в бурунах, в брызгах пены. Берег ближе, ближе, вот волна лопнула, рассыпалась, а мы, как на салазках, так и выкатились на пляж.

Глава XII,

*в которой Врунгель и Фукс дают небольшой концерт,
а затем торопятся в Бразилию*

На берегу нас окружили какие-то дачники в купальных костюмах. Смотрят, аплодируют, фотографируют, а у нас, признаться, вид самый жалкий. Уж очень как-то непривычно без формы и без знаков различия. Так неудобно, что я решил скрыть свое имя и положение и остаться, так сказать, инкогнито...

Да. Ну, приложил пальцы к губам, показываю Фуксу жестом: молчите, мол. Но как-то неудачно,

неловко это у меня получилось, вроде воздушного поцелуя...

На берегу новый взрыв восторга, аплодисменты, все кричат:

— Браво! Виват!

А я ничего не понимаю, однако делаю вид, будто вовсе и не удивлен, молчу, а сам жду, что дальше будет.

Тут подходит какой-то паренек в пиджачке и начинает объяснять публике:

— Вот, мол, хотя и существует распространенное мнение, будто туземцы Сандвичевых островов со времен цивилизации вымерли, однако это неверно. Дирекция пляжей Уайкики, стремясь доставить удовольствие уважаемой публике, отыскала двух живых гавайцев, которые только что продемонстрировали прекрасный вид старинного национального спорта.

Я слушаю, молчу, и Фукс молчит. Этот, в пиджачке, тоже помолчал, потом прокашлялся и пошел чесать, как по книжке:

— Туземцы Сандвичевых островов, гавайцы, или канаки, как их еще называют, отличаются стройным телосложением, мягким характером и природными музыкальными способностями...

Я на себя это описание примерил, вижу, что-то не то. Ну, характер действительно у меня мягкий, а что касается сложения и музыкальных способностей — это уж он напрасно... Я хотел было возразить, но смолчал. А он не унимается, продолжает:

— Сегодня вечером эти канаки дадут концерт на гавайских гитарах. Билеты продаются в кассе летнего театра, цены умеренные, в фойе танцы, буфет, прохладительные напитки...

Да. Ну, он еще поговорил, потом берет нас под руки, отвел в сторонку, спрашивает:

— Ну как?

— Да ничего,— отвечаю я,— благодарю вас покорно.

— Вот и прекрасно! А где вы остановились, позвольте поинтересоваться?

— Пока,— говорю,— в Тихом океане, а что дальше будет, не знаю. Не нравится мне, признаться...

— Ну что вы! — возражает он. — «Тихий океан» — первоклассная гостиница. Лучше вы вряд ли найдете. Уверяю вас. А сейчас, простите, пора уже ехать, через полчаса начало.

И вот, знаете, усадил он нас в машину, повез куда-то. Там нам дали гитары, украсили цветами, вывели на эстраду, раздернули занавес...

Ну, я вижу, нужно петь. А что петь? Я, как назло, смутился, все песни забыл. И Фукс на что тертый парень, а тоже растерялся, смотрит на меня, шепчет:

— Запевайте, Христофор Бонифатьевич, я подтяну.

Посидели мы минут десять, молчим. А публика в зале волнуется, негодует — того и гляди, начнется скандал. Ну, я закрыл глаза, думаю: «Эх, будь что будет...» Ударил по струнам и басом:

Сидела птичка на лугу...

А что дальше петь, и не знаю.

Хорошо, Фукс вырубил — подтянул дискантом:

Подкралась к ней корова...

А тут уж мы оба, хором:

Ухватила за ногу.

Птичка, будь здорова!..

И, представьте, бурные аплодисменты сорвали. Потом вышел на эстраду конферансье.

— Вот, — говорит, — эта старинная туземная песня, слова которой говорят о забытом способе

охоты на птиц, как нельзя лучше отражает смысл гавайской музыки...

Да. Ну, потом еще на «бис» спели, раскланялись и пошли в контору. Там уплатили нам за выступление. Вышли мы, а куда идти? И пошли мы назад, к морю. Все-таки как-никак родная стихия, да и костюмы у нас для пляжа самые подходящие.

Идем по песочку. На пляже ни души. Поздно уже. Потом видим — какие-то двое все-таки сидят. Мы подошли к ним, разговорились. Они на порядки жалуются.

— Черт знает что такое! — говорят. — Мы артисты, подписали контракт изображать здесь га-

вайцев. Месяц целый учились на досках по морю ездить, песни разучили, а вот, сами видите...

Тут я все понял. Хотел было объяснить, вдруг, понимаете, ветер швырнул мне под ноги обрывок газеты. А я давненько газеты в руках не держал. Не погнушался, подобрал. Встал под фонарем и углубился в чтение. И, поверите ли, смотрю — фотография, на фотографии — мой старший помощник Лом, тут же «Беда» и трагическое описание крушения у берегов Бразилии. И о Фуксе и обо мне несколько слов. Да какие еще слова! Я даже слезу пустил — до чего трогательно: «Отважные мореплаватели...», «Пропали без вести...».

Да. И тут же рядом в газете объявление:

«Пользуйтесь воздушным сообщением тихоокеанских линий. Регулярные рейсы в Штаты и в Бразилию».

— Вот что, Фукс, — говорю я, — пойдите-ка купите билеты на самолет в Бразилию да закажите что-нибудь из одежды. Мне китель и шинель, а себе — по усмотрению.

Фукс рад стараться, умчался, а я тут, на пляже, остался — этих фальшивых гавайцев развлекать... А то пойдут еще в театр, выяснится все это дело, скандал получится, задержка, неприятности...

— Послушайте, — предлагаю я, — день у вас все равно пропал, так, чем здесь сидеть, возьмем лучше лодочку да покатаемся. Смотрите — погода какая, тепло, луна светит...

Ну, и уговорил. А тут и Фукс вернулся, докладывает об успехах:

— Костюмы заказал, нынче же будут готовы, а вот с билетами, Христофор Бонифатьевич, худо. Взял один билет на завтрашний вечер, а больше и нет, все места проданы...

— Ладно, — говорю я, — мы это положение после обдумаем, а сейчас поедем покатаемся.

Ну, взяли лодочку и поехали. И так славно

покатались! Ночь катались, весь день катались, осмотрели все окрестности и вернулись как раз вовремя: два часа до отлета самолета осталось. Распрощались мы с этими артистами, побежали к портному, а он, негодяй, запил, что ли, но только ничего не сшил.

Я, знаете, возвысил голос, отчитываю его, а он только руками разводит.

— Помилуйте, — говорит, — я же вас вчера ждал, вчера бы и приходили, а сегодня у меня ничего не готово.

Я вижу — проку не будет с такой логикой.

— Давайте, — заявляю, — что есть. Не в трусах же мне лететь, в самом деле!

Ну, он порылся в шкафу, достает макинтош.

— Вот, — говорит, — только и осталось из готового. Это мне прошлый год один джентльмен заказал, да что-то не берет.

Я посмотрел — материал добротный и покрой модный.

— Ладно, — говорю, — я беру, получайте, сколько следует. — Забрал макинтош и пошел.

— Вы бы, — советует Фукс, — его все-таки примерили. А то вдруг не в пору.

Ну, я вижу, дельный совет. Встал тут же в тени баньяна, развернул обновку, накинул. Смотрю, понимаете, новое несчастье: тот джентльмен, заказчик, или был вдвое выше меня, или на рост шил, уж и не знаю. Только на мне его макинтош несколько странно сидит.

И делать нечего. Назад нести — все равно ничего не подберешь, снизу отрезать — уж очень некрасиво получится, в самолет в таком виде, чего доброго, не пустят, а так носить — это и шагу не ступишь, в полах запутаешься. Но придумать что-то нужно, да поскорее, а то самолет улетит, билет пропадет, и вовсе здесь застрянешь.

И тут, знаете, Фукс, молодец, не растерялся.

— О, — говорит, — да ведь это же замечательно! Мы в этом макинтоше по одному билету вдвоем улетим. Только разрешите, присядьте немножечко... Так... Подставьте плечи...

Ну, и, знаете, взгромоздился на меня, напялил это пальтишко, застегнул на все пуговицы, одернул.

— А теперь, — говорит, — полный вперед, да поскорее, а то что-то нами полисмен интересуется. Пошли.

Пришли в аэропорт, к самолету. Фукс предъявил билет, нас провели, показали место. Ну, уселись кое-как, — собственно, я усеялся, а Фукс стоит на сиденье и головой подпирает потолок.

Я посмотрел в щелочку, вижу — и остальные пассажиры на местах. Всего, кроме нас, шесть человек. В самолете чистота, зеркала, различные удобства, публика вроде приличная...

Потом заревели моторы, самолет разбежался, хлоп, хлоп по воде, поднялся. Летим, ночь кругом. В небе звезды. Моторы ревут, а в остальном все спокойно. Пассажиры уснули, я тоже вздремнул, один Фукс бодрствует во всей кабине.

До утра так пролетели, а утром проснулись. Я смотрю в свою щелочку, прислушиваюсь — в кабине заметное оживление, все липнут к окнам, показывают друг другу и, судя по поведению, любуются видами Кордильер. Фукс тоже склонился к окну, а я волей обстоятельств принужден пропускать такое редкое зрелище и сидеть в темноте, как какой-нибудь преступник в тюрьме.

И так, знаете, обидно стало и скучно! Я сам себя утешаю: думаю, пусть смотрят на здоровье, а я найду занятие. Достал трубочку, набил, закурил, задумался. Вдруг слышу — паника в кабине. Пассажиры повскакали с мест, кричат, и чаще других раздается слово «пожар».

Я чувствую, Фукс меня бьет пятками по бокам, как осла. Я его ущипнул, а сам выглянул посмотреть... и все понял. Дым от моей трубки валит из всех отверстий и действительно создает впечатление пожара.

Глава XIII,

*в которой Врунгель ловко расправляется с удавом
и шьет себе новый китель*

Я скорее вытряс пепел, трубку — в карман, прижал огонь каблуком. Сижу молчу. А тут летчик просунул голову в кабину, и я несколько воспрянул духом. Все-таки, думаю, бывалый че-

ловек, наверное, не в такие переделки попадал — не терялся, успокоит их, и все уладится... А он, представьте, и сам струсил.

Смотрю, побледнел, ахнул, ухватился за какой-то рычаг... Трах! Ну, затем шум моторов утих, только слышно — ветер свистит. Потом хлопнуло где-то вверху, как из пушки, кабина вздрогнула, рванулась и тихо стала приземляться.

Пассажиры недоумевают, а я сразу догадался, в чем дело. Теперь-то этим никого не удивишь. А в то время это было последнее слово техники: устроили такое приспособление на самолетах. Называется: «Ступай вниз». Если какая авария — взрыв, пожар или крыло отвалится, — летчик одним движением отделяет кабину, и она самостоятельно опускается на парашюте. Полезное приспособление, что и говорить, но в данном случае применение его было явно преждевременным.

В другой обстановке я бы поспорил с летчиком, указал бы ему на ошибку, но тут, сами понимаете, делать нечего. Самолет летит дальше, по генеральному курсу, только крылья сверкают. Мы не торопясь садимся всё ниже. Дым от трубки несколько рассеялся, но пассажиры и не думают успокаиваться. Напротив, смотрю — волнение растет, переходит в тихую панику, и Фукс нервничает: того и гляди, вскочит с места.

Один я сохранил спокойствие и соображаю: рейс, конечно, прерван, билеты дальше недействительны, но один из нас, как ни верти, все равно «заяц», и при посадке придется давать объяснения. А это нежелательно. Начнутся расспросы, поиски виноватого, представят дело так, что я причина аварии, а тогда и не разделаешься.

И я, знаете, решил прикинуться посторонним. А тут и момент самый подходящий: внимание у пассажиров ослаблено, каждый думает о себе,

многие вовсе лишились чувств, и как раз над нами люк в потолке кабины...

Вам, молодой человек, не приходилось плавать по Амазонке? Нет. Вот и прекрасно, и не стремитесь. Не рекомендую.

А мне, знаете, пришлось.

Вылезли мы с Фуксом через люк, осмотрелись. Видим — под ногами река, кабина спускается ниже... ниже... Сели.

Ну, я склонился над люком, кричу:

— Добро пожаловать, господа! Рад приветствовать вас в столь диких и недоступных местах.

Тут и пассажиры стали вылезать поодиночке. Видят — посадка совершилась благополучно, стали успокаиваться, смотрят на нас во все глаза. Ну, я вижу, настал момент взаимных представлений. Вы сами понимаете, правду я сказать не могу, приходится изворачиваться.

— Так вот, — говорю, — господа: я, разрешите представиться, профессор географии Христофор Врунгель. Путешествую тут с научной целью. А это мой слуга и проводник индеец Фукс. Будем знакомы. Я здесь обжился, привык. Уж вы позвольте мне считать вас своими гостями.

— Пожалуйста, пожалуйста, — отвечают они. — Очень приятно.

А сам вижу — не верят. Косятся на нас... Да и понятно: какой уж профессор в трусиках? Я чувствую, нужно их занять разговором, сказать что-нибудь значительное, отвлечь внимание.

— Простите, — спрашиваю, — а здесь все бывшие?

Они переглянулись, потом кто-то заявляет:

— Был еще один высокий джентльмен.

— Был, был, — подтвердили другие, — он еще загорелся...

— Ах, вот как! Особенно интересно. Ну-ка,

Фукс, — говорю, — спуститесь вниз, посмотрите, не нужна ли помощь пострадавшему.

Фукс залез в кабину, потом вылезает и подает щепотку пепла: вот, мол, все, что осталось.

— Ах, — говорю я, — какое несчастье! Высокий джентльмен, видимо, сгорел дотла. Ну что ж поделаешь, мир праху его... А теперь, господа, давайте вытащим парашют, он еще пригодится.

Ну, разобрали стропы, тянем, как невод. Я командую:

— Раз, два, взяли! Вира помалу...

Вижу, они стараются, но с непривычки дело плохо идет.

Вдруг смотрю — побросали стропы, бегут назад на корму, так сказать, столпились там и дрожат от страха. Фукс, тот вовсе нырнул в люк, выглядывает оттуда, показывает на парашют. А барышня, пассажирка, встала на цыпочки, растопырила пальцы, машет руками, точно лететь собралась, кричит:

— Ай, мама!

Ну, я обернулся и вижу — действительно «мама»! Удав, понимаете, залез в парашют, огромный удав, метров в тридцать. Свернулся клубком, как в гнезде, смотрит на нас, выбирает жертву.

А у меня никакого оружия, одна трубка в зубах...

— Фукс, — кричу я, — подайте-ка что-нибудь потяжелее!

Тот высунулся из люка, подает какой-то снаряд. Я прикинул — ничего, увесистая штучка.

— Давайте еще! — кричу, а сам встал на изготовку, нацелился.

И удав тоже нацелился. Разинул пасть, как пещеру... Я размахнулся — и прямо туда.

Да только что удаву такая пустяковина? Проплотил, понимаете, как ни в чем не бывало, даже

не поморщился. Я второй снаряд туда же, он и его проглотил. Я бросился к люку, кричу Фуксу: — Давайте скорее все, что есть!

Вдруг слышу за спиной страшное шипение.

Обернулся, гляжу — удав раздувается, шипит, из пасти хлещет пена...

«Ну, — думаю, — сейчас бросится!»

А он, представьте, вместо этого неожиданно нырнул и пропал.

Мы все замерли, ждем. Минута проходит, вторая. Пассажиры на корме начинают шевелиться,

шепчутся. Вдруг эта барышня опять становится в ту же позицию и — на всю Амазонку:

— Мама!..

И вот видим — всплывает над водой нечто: блестящий баллон огромных размеров, чудовищной формы, весьма оригинальной окраски. И все, знаете, пухнет, пухнет...

Вот, думаю, новое дело! Чему бы это быть? Даже страшно стало. Потом смотрю — у этого баллона живой хвост. Бьет по воде и так и этак... Я как увидел хвост, так все и понял: снаряды-то эти были огнетушителями. Ну, встретились в пищеводе пресмыкающегося, столкнулись там, стукнулись друг о друга, разрядились и накачали удава пеной. Там знаете какое давление в огнетушителях! Вот и раздулась змея, приобрела излишний запас плавучести, чувствует, что дело дрянь, хочет нырнуть, а живот не пускает...

У меня страх как рукой сняло. Я подошел к люку.

— Давайте, — говорю, — Фукс, выходите наверх. Опасность миновала.

Фукс вылез, любитесь небывалым зрелищем, а пассажиры как услышали, что бояться нечего, бросились поздравлять друг друга, жмут мне руки. Только и слышно:

— Спасибо, профессор дорогой! Как это вы его?

— Да что! — отвечаю я. — Здесь, на Амазонке, ко всему привыкнешь. Удав — это пустяки, то ли еще бывает...

Ну и, знаете, после этого случая мой авторитет укрепился. А тут, к счастью, и с костюмами дело уладилось. У барышни этой нашлась коробочка с рукоделием. Я взял иголку, сшил себе китель из парашюта. Материал прекрасный, а вместо пуговиц я болты применил, отвинтил от кабины. Ничего получилось, прочно и красиво, только вот

без гаечного ключа не разденешься. Ну, да это ведь мелочь, привыкнуть можно. А Фуксу готовый комбинезон нашли в аварийном запасе, точь-в-точь как был у него, только поновее.

Потом парусишки соорудили, мачту поставили, сделали руль. Пассажиры стоят вахту, плывем, промышляем черепах, ловим рыбку. Эта барышня стряпать выучилась... В общем, так бы ничего, вот только судно непригодное: валкое, и ход у него неважный.

Да. Ну, плывем все-таки, продвигаемся кое-как на восток, к берегам Атлантики. Месяца полтора так плыли. И чего только не рассмотрели по дороге: и обезьян, и лиан, и каучуковых деревьев!.. Для любознательного путешественника, конечно, интересно, но тяжело. Прямо скажу: тяжело!

Тут и вообще-то климат не очень завидный, а мы еще в дождливое время попали. Парит, как в бане, день и ночь туманы, жара, кругом комарье тучами; хорошо еще, лихорадку никто не схватил.

Глава XIV,

*в начале которой Врунгель становится жертвой вероломства,
а в конце снова попадает на «Беду»*

Наконец все-таки прибыли в порт Пара. Причалили, высадились. Городишко, по совести говоря, неважный, так себе городишко. Грязно, пыльно, жара, по улицам собаки бродят. Но после дебрей лесов Амазонки и это в некотором роде очаг культуры. Хотя и то сказать — культура там своеобразная: народ свирепый, воинственный, все с ножами, с револьверами, по улице пройти страшно...

Да. Ну, побрились мы, почистились после тяжелого похода. Спутники наши распрощались, се-

ли на пароходы и разъехались кто куда. Хотели и мы с Фуксом поскорее отсюда выбраться, да ничего не вышло: без документов не выпускают. Ну, застряли мы с ним, как раки на мели, на чужом берегу, без крова, без определенных занятий, без средств к существованию. Думали работенку какую найти — куда там! Только и есть вакансии на резиновых плантациях, но это опять надо на Амазонку, а мы уже там побывали, по второму разу что-то не тянет.

Побродили по городу туда-сюда и уселись на бульварчике под пальмой обсудить положение.

Вдруг подходит полицейский и приглашает нас к губернатору. Это, конечно, лестно, но я не любитель всех этих официальных приемов и встреч с высокопоставленными особами. Да тут ничего не поделаешь: приглашают — значит, надо идти.

Ну, приходим. Смотрим — сидит в ванне этакая туша с веером в руках, фыркает, как бегемот, плескается, сопит. А по бокам — два адъютанта в парадной форме.

— Вы, — спрашивает губернатор, — кто такие, откуда?

Я в общих чертах обрисовал положение, объяснил, как это все получилось, представился.

— Это, — говорю, — мой матрос Фукс, нанят в Кале, а я капитан Врунгель. Слыхали, наверное?

Губернатор, как услышал, ахнул, ухнул в ванну совсем с головой, веер свой уронил, пускает пузыри, захлебывается, чуть не погиб. Спасибо, адъютанты не дали потонуть, спасли. Ну, он отдышался, прокашлялся, побагровел.

— Как, — говорит, — капитан Врунгель? Тот самый? Это что же теперь будет? Беспорядки, пожар, революция, выговор по службе?.. Ну, знаете, конечно, восхищен вашим мужеством и ничего не имею против вас лично, но как лицо официальное приказываю вам немедленно покинуть вве-

ренную мне территорию и к сему препятствий чинить не буду... Адъютант, выдайте капитану разрешение на выезд.

Адъютант рад стараться, моментально сочинил бумагу, шлепнул печать, подает. А мне только того и надо. Я поклонился, взял под козырек.

— Спасибо,— говорю,— ваше превосходительство! Весьма признателен за любезность. Совершенно удовлетворен вашими распоряжениями. Разрешите откланяться?

Повернулся и вышел. Пошел и Фукс за мной. Идем прямо к пристани. Вдруг слышу — сзади какой-то шум, топот. Я обернулся, смотрю — человек сорок в штатском, в широкополых шляпах, в сапогах, с ножами, с ручными пулеметами бегут за нами, пылят, обливаются потом.

— Вон они, вон они! — кричат.

Гляжу — за нами охотятся. Мгновенно взвесил соотношение сил и вижу — делать нечего, надо бежать. Ну, побежали... Добежали до какой-то будочки. Я изнемог, остановился дух перевести, сердце так и колотится — устал. А как же... и возраст и жара. А Фукс — тому хоть бы что, он легок был на ходу.

Однако, смотрю, и он опечален событиями, побледнел, глаза бегают. Потом вдруг повеселел и так фамильярно хлопает меня по спине.

— Ну,— говорит,— капитан, стойте здесь. Я один побегу, а вас не тронут.

И пустился, только пятки сверкают.

Такого поступка я от него, признаться, не ожидал, расстроился даже. Эх, думаю, будь что будет... Одно спасение — лезть на пальму. Полез. А эта орава все ближе. Я обернулся, смотрю — народ дородный, свирепый, невоспитанный. Ну и струхнул, признаться. Так напугался, что даже слабость почувствовал. Вижу — конец пришел. «Уж скорей бы», — думаю. Вцепился в пальму,

повис, замер и вот слышу — они уже здесь, рядом, сопят, топчутся. И разговоры слышу; из разговоров я понял, что́ это за народ. Я-то думал, бандиты, разбойники, охотники за скальпами, а оказалось — просто жандармы, только переодетые. Не знаю, жара ли повлияла или другая какая причина, но губернатор, оказывается, спохватился, пожалел о своей любезности и приказал нас разыскать и линчевать на всякий случай.

Только, вижу, медлят они с этим делом. Минуту жду, десять минут. Не трогают. У меня уже руки устали, дрожат, вот-вот сорвусь, упаду. Лад-

но, думаю, все равно один конец. Ну, и слез с пальмы... И, представьте, не тронули. Постоял, подождал — не трогают. Пошел не спеша — не трогают, расступились даже, как от огня.

Ну, тогда побрел я опять на бульвар, сел под той пальмой, где мы с Фуксом сидели, и задремал. Да так задремал, что не заметил, как и ночь прошла. А утром на рассвете явился Фукс, разбудил меня, поприветствовал.

— Видите, капитан, — говорит, — не тронули вас.

— Да почему, объясните?

— А вот, — смеется он, заходит сзади и снимает у меня со спины плакатик: череп с молнией, две кости и подпись: «Не трогать — смертельно!»

Где уж он этот плакатик подцепил, не берусь вам сказать, но надо думать, что в той будке, на бульваре, трансформатор стоял. Иначе откуда бы...

Да-с. Ну, посмеялись мы, побеседовали. Фукс, оказывается, времени зря не терял — взял билеты на пароход. А на пристани я предъявил свой пропуск, и нас отпустили без разговоров. Даже каюту предоставили и счастливого пути пожелали.

Мы расположились по-барски и отправились в Рио-де-Жанейро пассажирами.

Прибыли благополучно, высадились. Навели справки.

Оказывается, «Беду» тут, недалеко, выбросило на берег. Повредило, конечно, но Лом показал себя молодцом, все привел в порядок, поставил судно в стапеля, а сам зажил отшельником. Все ждал распоряжений, а мне, вы сами понимаете, распорядиться было трудненько.

Ну, мы с Фуксом наняли местный экипаж — такую корзинку на колесах, — подхлестнули волов, поехали. Едем по берегу и наблюдаем печальную, но поучительную картину местных нравов: человек двести негров таскают кофе и сахар

со склада на берег и прямо мешками в воду — бултых, бултых! В море не вода, а сироп. Кругом мухи, пчелы. Мы засмотрелись. Полюбопытствовали, что это за странное развлечение такое. Нам объяснили, что цены на сахар низкие, товары девать некуда, ну и таким вот образом исправляют экономику, поднимают уровень жизни. Словом, мол, все нормально, и иначе ничего не поделаешь. Да. Поехали мы дальше. И вот видим — наша красавица «Беда» стоит на бережку, ждет твердой командирской руки, а рядом какой-то верзила разгуливает. Чистый разбойник: шляпа как зонтик, на боку косарь, штаны с бахромой. Увидел нас — бросился. Ох, думаю, зарежет!

Но не зарезал, нет. Это Лом, оказывается, обжился здесь, нарядился по местной моде.

Ну, встретились, облобызались, поплакали даже. Вечером поболтали: он о своих злоключениях рассказал, мы — о своих.

А с утра вышибли клинья из-под кия, спустили яхту на воду, подняли флаг. Я, признаться, даже слезу пустил. Ведь это, молодой человек, большая радость — очутиться на родной палубе. А еще бóльшая радость, что дело продолжается. Можно двигаться смело в дальнейший путь. Только и осталось — отход оформить.

Ну, уж это я взял на себя. Прихожу к начальнику порта, «команданте дель бахия» по-ихнему, подал бумаги.

И вот этот команданте, как увидел меня, сразу надулся, как жаба, и принялся кричать:

— Ах, так это вы капитан «Беды»? Стыдно, молодой человек! Тут сплошные доносы на вас. Вот адмирал Кусаки жалуется: какой-то остров вы там разрушили, кашалота обидели... И губернатор сообщает: самовольно покинули порт Пара...

— Как же так, — говорю, — самовольно? Позвольте, — и подаю свой пропуск.

А он и смотреть не стал.

— Нет,— говорит,— не позволю. Ничего не позволю. Одни неприятности из-за вас... Убирайтесь вон!..— Потом как гаркнет: — Лейтенант! Загрузить яхту «Беда» песком вплоть до полного потопления!

Ну, я ушел. Заторопился на судно. Прихожу. А там уже и песок привезли, и какой-то чиновник крутится, распоряжается.

— Это вашу яхту приказано загрузить песком? Так вы,— говорит,— не беспокойтесь, я не задержу, в одну минутку сделаем...

Ну, признаться, я думал, что тут-то наверняка конец. Потонет яхта, потом доставай. Но, представьте, и тут сумел использовать обстоятельства в благоприятном смысле.

— Стойте, молодой человек! — кричу я. — Вы каким песком хотите грузить? Ведь мне надо сахарным, первый сорт.

— Ах, вот как! — говорит он. — Ну что ж, пожалуйста, сию минутку.

И, знаете, те же негры побежали, как муравьи, загрузили яхту, забили трюм, надстройки, на палубу навалили сахар, прямо в мешках.

«Беда» моя, бедняжка, садится глубже, глубже, потом — буль-буль-буль... И глядим — только мачты торчат. А потом и мачты скрылись.

Лом с Фуксом в горе глядят на гибель родного судна, у обоих слезы на глазах, а я, напротив, в отличном настроении. Приказал разбить лагерь тут на берегу. Пожили мы три дня, а на четвертый сахар растаял, смотрим — яхта наша всплывает не торопясь. Ну, мы ее почистили, помыли, подняли паруса и пошли.

Только вышли, смотрю — на берег бежит команданте с саблей на боку, кричит:

— Не позволю!

А рядом вприпрыжку старый знакомый, адмирал Кусаки, тоже ругается:

— Разве это работа, господин команданте? За такую работу, пожалуйста, деньги обратно.

«Ну, — я думаю, — ругайтесь себе на здоровье». Помахал им ручкой, развернулся и пошел полным ходом.

*в которой адмирал Кусаки пытается поступить
на «Беду» матросом*

Из Бразилии наш путь лежал дальше на запад. Но через материк, сами понимаете, не пойдешь, и пришлось уклониться к югу. Я проложил курс, расставил вахты и пошел. Шли в этот раз прекрасно. Ветерок дул, как по заказу, из-под носа буруны, за кормой дорожка, паруса звенят, снасти обтянуты. Миль по двести за сутки отсчитывали, а сами сложа руки сидели. Лом с Фуксом облепились совсем, дисциплина начала падать, и я решил занять экипаж судовыми работами.

— Ну-ка,— говорю,— Лом, довольно вам загорать. Займитесь-ка медными частями. Надрайте так, чтобы огнем горело.

Да. Ну, сказал. Лом козырнул: есть, мол.

Натер кирпича, берет тряпку, и пошла работа.

Только я спустился в каюту вздремнуть, слышу — беспокойство на палубе. Вскочил, бросился к трапу, а навстречу Фукс. Бледный, дрожит.

— Пожалуйста,— говорит,— Христофор Бонифатьевич, на палубу. У нас, кажется, пожар.

Выскочил я. Смотрю — и вправду: горит, палуба в двух местах. А Лом как ни в чем не бывало сидит чуть поодаль от очагов огня и драит медную уточку. Только я пригляделся, смотрю — и тут палуба вспыхнула.

Я, знаете, растерялся даже.

— Лом,— кричу,— объясните, в чем дело?

А тот встает, берет под козырек и спокойно так рапортует:

— Согласно вашему приказанию, драю медные

части так, чтобы огнем горело. Какие последуют распоряжения?

Я было хотел разнести Лома, да вовремя сдержался. Вижу — сам виноват. А как же, знаете, — писатель или, там, артист может, конечно, позволить себе некоторые вольности в выражениях, а у нас в морском деле — точность прежде всего. Нам стихи писать некогда. Отдаешь распоряжение — думай, что говоришь, а то попадешь на такого, как Лом, — человек он внимательный, аккуратный, привык исполнять команду в буквальном значении, к тому же и силушка у него богатырская, — так, знаете, и до аварии недалеко.

Ну, вижу, нужно исправлять последствия своей ошибки. И распорядился мигом:

— Отставить драить медные части! Пробить пожарную тревогу!

Фукс бросается к колоколу. Лом, согласно расписанию тревоги, остается у места возникновения пожара, а я в руле. Звону много, а толку никакого. Огонь ширится. Горит, как факел. Того и гляди, до парусов дойдет. Ну, я вижу, дело дрянь. Развернулся кругом, стал против ветра. И помогло, знаете. Сдуло огонь. Он у нас за кормой поболтался этаким огненным шлейфом, оборвался и погас. Фукс успокоился. И Лом понял, что перестарался. Да-с.

Ну, а затем легли на прежний курс, заменили дефектные части палубы, без дальнейших приключений обогнули мыс Горн, прошли мимо Новой Зеландии и благополучно прибыли в Сидней, в Австралию.

И вот, представьте, подходим к портовой стенке и кого встречаем? Думаете, кенгуру, утконоса, страуса-эму? Нет! Подваливаем. Смотрю — на берегу толпа, а в толпе, в первом ряду, — адмирал Кусаки собственной персоной.

Как он туда попал, откуда, зачем — черт его знает! Одно несомненно, что это именно он. Мне, признаюсь, стало неприятно и даже, знаете, как-то не по себе.

Ну, подошли, встали. Адмирал затерялся в толпе. А я, как только подали сходни, так сразу на берег, в порт. Представился властям, доложил о прибытии, побеседовал с чиновниками. Сперва, как полагается, о погоде, о здоровье, о местных новостях, а потом между разговором закидываю удочку: может, думаю, удастся узнать, что тут этот Кусаки делает и какую еще пакость готовит.

Чиновники, однако, ничего не сказали, сослались на неосведомленность. Ну, я поболтал с ними еще и отправился прямо к капитану порта. Поздоровался и объяснился начистоту: меня, мол, один японский адмирал преследует.

— Один? — говорит тот. — Ну, мой дорогой, вам повезло. Я сам от таких адмиралов не знаю, куда деваться, и ничего не могу предпринять. Не приказано ни помогать, ни противодействовать. Чем другим рад служить. Не угодно ли виски с лимонадом? Обедать ко мне пожалуйста, сигару, может быть, выкурите? А с адмиралом вы как-нибудь сами улаживайте...

Да-с. Словом, вижу — неприятная история. Сейчас, конечно, адмирал Кусаки для нас не фигура. Да, по правде сказать, мы их и тогда-то не больно боялись, но все-таки, знаете, дела с ними иметь, прямо скажем, не очень любили.

Вот я вам про Италию имел случай рассказать. Там заправилы мечтали всю Африку к рукам прибрать, пол-Европы, четверть Азии... А на востоке японские бояре (самураи по-ихнему) так же вот размечтались — подай им весь Китай, всю Сибирь, пол-Америки...

Вообще-то, конечно, мечтать никому не зака-

зано. Полезно даже порой пофантазировать. Но когда такой вот фантазер нацепит погоны да сядет на боевом корабле у заряженной пушки — тут и неприятность может случиться... Размечтается да прицелится, прицелится да бабахнет. Хорошо, как промахнется. А ну как попадет? Да тут такое может случиться, что к ночи лучше и не вспоминать!

Вот поэтому мы и старались таких фантазеров сторонкой обходить. Но прямо скажу — не всегда это нам удавалось. Такие упрямые среди них попадались мечтатели, что другой раз никак не отвяжешься. Вот и мне такой достался — господин Кусаки, адмирал. Как встретились тогда в китолюбивом комитете, так и прицепился ко мне, как репей.

И, конечно, не только в мои дела адмиралы эти нос совали. Им до всего было дело: там сравить кого с кем, там обобрать под шумок, там пошарить, там понюхать для интереса: где нефтью пахнет, где рыбой, где золотом?.. И, конечно, не мы одни понимали это. Но там на этих фантазеров сквозь пальцы смотрели — не помогали и не препятствовали. Так сказать, на развод берегли для острастки и для обеспечения взаимной безопасности.

Да-с. Ну, это я вам могу объяснить, а с капитаном порта такой разговор неуместен. Поблагодарил я его, распрощался. Так и ушел ни с чем и мер принять не сумел.

Вернулся на яхту, сел чайку попить. И вот смотрю — поднимается на борт маленький человечек, по всем признакам японский кули. В худеньком пиджачишке, с корзиночкой в руках. Робко так подходит и объясняет, что тут, в Австралии, погибает с голоду, и просится на службу матросом. Да так настойчиво.

— Пойдете, — говорит, — по Тихому океану,

там тайфуны, туманы, неисследованные течения... Не справитесь. Возьмите, капитан! Я моряк, я вам буду полезен. Я и прачкой могу быть, и парикмахером. Я на все руки...

— Ладно, — говорю, — зайдите через час, я подумаю.

Ушел он. А ровно через час, смотрю, посольская машина останавливается невдалеке.

Ну, я взял бинокль и вижу — вылезает оттуда мой японец, берет корзиночку и не спеша направляется к судну. Кланяется этак почтительно и опять ту же песню:

— Возьмите... Не справитесь...

— Вот что, — говорю, — убедили вы меня. Вижу сам, что придется брать матроса. Но только не вас, молодой человек.

— Почему же?

— Да так, знаете, цвет лица у вас очень неестественный. У меня на этот счет взгляды несколько устаревшие, но вполне определенные: по мне, если уж брать арапа, так черного. Негра взял бы, папуаса взял бы, а вас, уж не обижайтесь, — не возьму.

— Ну что ж, — говорит он, — раз так, ничего не поделаешь. Простите, что я вас побеспокоил.

Поклонился и пошел. Вскоре и мы собрались прогуляться. Привели в порядок одежду, побрились, причесались. Яхту прибрали, каюту заперли. Идем все втроем по улице, наблюдаем различные проявления местного быта. Интересно, знаете, в чужой стране. Вдруг смотрим — странная картина: сидит чистильщик-негр, а перед ним на четвереньках наш японец. И этот негр его начищает черной ваксой. Да как! Там, знаете, чистильщики квалифицированные, из-под щеток искры летят... Ну, мы сделали вид, будто нам ни к чему, прошли мимо, отвернулись даже. А вечером пришли на

судно — Фукс с Ломом утомились, а я остался на вахте, жду, знаете, того негра; думаю, как бы его встретить получше.

Вдруг подают мне пакет от капитана порта. Оказывается, скучает старик, приглашает на завтра составить партию в гольф. Я, признаться, даже и не знал, что это за игра. Но, думаю, черт с ним. Пусть проиграю, зато прогуляюсь, разомнусь на берегу... Словом, ответил, что согласен, и стал собираться.

Разбудил Лома, спрашиваю:

— Что нужно для гольфа?

Он подумал, потом говорит:

— По-моему, Христофор Бонифатьевич, нужны трикотажные гетры, и больше ничего. Есть у меня рукава от старой тельняшки. Возьмите, если хотите.

Я взял, примерил. Брюки надел с напуском, китель подколол булавками в талии, и превосходно получилось: такой бравый спортсмен — чемпион, да и только.

Но для спокойствия я все-таки заглянул в руководство по гольфу, ознакомился. Вижу, играто самая пустяковая: мяч гонять по полю от ямки к ямке. Кто меньше ударов сделает, тот и выиграл. Но одними гетрами тут не отделаешься: нужны разные палки, клюшки, дубинки — чем бить, и еще помощник-мальчик нужен — таскать все это хозяйство.

Ну, пошли мы с Ломом искать снаряжение. Весь Сидней насквозь прошли — ничего подходящего. В одной лавочке нашли хлысты, да тонки, в другой нам полицейские дубинки предложили. Ну, да эти мне как-то не по руке.

А дело уже к ночи. Луна светит. Этакие таинственные тени ложатся вдоль дороги. Я уж отчаялся. Где тут искать? Разве сучьев наломать?

И вот, видим — сад с высокой оградой и за оградой — различные деревья. Лом меня подсадил, перелезли, идем меж кустов.

Вдруг смотрю — крадется негр, верзила, и под мышкой тащит целый ворох палок для гольфа. Точь-в-точь такие, как в руководстве показаны.

— Эй, любезный, — кричу я, — не уступите ли мне свой спортивный инвентарь?

Но он либо не понял, либо от неожиданности —

только гикнул страшным голосом, схватил дубинку, взмахнул над головой — и на нас... Я, скажу не стыдясь, испугался. Но тут Лом выручил: сгреб его в охапку и зашвырнул на дерево. Пока он слезал, я подобрал эти палки, рассматриваю, вижу — точь-в-точь как в руководстве изображены. А работа какая! Я, знаете, просто размечтался, глядя, да тут Лом меня вывел из задумчивости.

— Пошли,— говорит,— Христофор Бонифатьевич, домой, а то что-то сыро здесь, как бы не простудились.

Ну, перелезли снова через ограду, вышли, вернулись на судно. Я успокоился: костюм есть, клюшки есть, теперь один мальчик остался... Да вот совесть еще несколько неспокойна: неудобно человека ни с того ни с сего так обездоливать. Но, с другой стороны, он сам первый напал, да и клюшки эти мне всего на денек нужны — в аренду, так сказать... Словом, с инвентарем дело кое-как утряслось.

А с мальчиком еще лучше уладилось: утром, чем свет, слышу — кто-то зовет смиренным голосом:

— Масса капитан, а масса капитан!

Я выглянул.

— Я,— говорю,— капитан, заходите. Чем могу служить?

И вижу: приятель, вчерашний японец, собственной персоной, но уже под видом чернокожего. Я-то его маскировку видел, а то бы и не узнал — до того он ловко свою наружность обработал: прическа-перманент под каракуль, физиономия до блеска начищена, на ногах соломенные тапочки и ситцевые брюки в полоску.

— Вам,— говорит,— масса капитан, я слышал, негр-матрос нужен.

— Да,— говорю,— нужен, только не матрос,

а бой для гольфа. Вот тебе клюшки, забирай да пойдём...

Пошли. Капитан порта меня уже ждал. Уселись мы с ним в машину. Проехали с час.

— Ну,— говорит мой партнер,— начнем, пожалуй? Уж вы, надеюсь, как джентльмен не обманете меня в счете?

Он уложил свой мячик в ямку, размахнулся, ударил. Ударил и я. У него прямо пошло, а у меня в сторону. Ну, и загнал я свой мяч к черту на рога. Кругом кусты, овраги, буераки, местность, что и говорить, живописная, однако сильно пересеченная. Негр мой измучился, да и понятно: палки тяжелые, жара, духота. С него пот градом, в три ручья, и, знаете, весь его грим поплыл, вакса растаяла, и он уже не на негра, а на зебру стал похож: вся физиономия желтая с черным, в полоску. Устал и я, признаться. И вот вижу — ручей течет, а там ручьи редкость.

— Давай-ка,— говорю,— вот здесь отдохнем, побеседуем. Тебя звать-то как?

— Том, масса капитан.

— Дядя Том, значит. Ну, ну. Пойдем-ка, дядя Том, умоемся.

— Ой, нет, масса, умываться мне нельзя: табу.

— А,— говорю,— ну, раз табу, как хочешь. А то бы умылся. Смотри-ка, ты весь полинял.

Не нужно бы мне этого говорить, да уж сорвалось, не воротишь. А он промолчал, только глазами сверкнул и уселся, будто палки перекладывает.

А я к ручью. Вода холодная, чистая — хрусталь. Освежаюсь, фыркаю, как бегемот. Потом обернулся, смотрю — он крадется, и самая тяжелая дубинка в руке. Я было крикнул на него, да вижу — поздно. Он, знаете, размахнулся — и в меня этой дубинкой. Попал бы — и череп долой. Но я не растерялся: бултых в воду!

Потом выглянул, вижу — он стоит, зубы оскалил, глаза горят, как у тигра, вот-вот бросится...

Вдруг что-то сверху хлоп его по прическе! Он так и сел. Я подбегаю, ищу избавителя — нет никого, только дубинка эта лежит... Поднял я ее, осмотрел, вижу — вместо фирменной марки на ней туземный святой изображен. Ну, тут я понял: вместо клюшек для гольфа я вчера бумеранги у папуаса отобрал. А бумеранг знаете какое оружие? Им без промаху надо бить, а промахнулся — смотри в оба, а то вернется и как раз вот так хлопнет по черепу. Да.

Ну, осмотрел я дядю Тома. Слышу — пульс есть, значит, не смертельно. Взял его за ноги и потащил в тень. Тут, понимаете, у него из кармана вываливаются какие-то бумажки. Я подобрал, вижу — визитные карточки. Ну, читаю, и что бы вы думали? Черным по белому так и написано:

ХАМУРА КУСАКИ

АДМИРАЛ

«Вот ты, — думаю, — где, голубчик! Ну, полежи, отдохни, а мне некогда, игру надо продолжать, а то партнер обидится».

Да. Ну, пошел дальше, гоню мяч и сам не рад, что связался с этим гольфом, но отступить не в моем характере. Бью, считаю удары. Тяжеленько, знаете. С помощником еще туда-сюда, а одному просто зарез: ударить надо посильнее, и мяч отыскать, и палки тащить. Ноги ноют, руки не слушаются. В общем и целом получается, что не я мяч гоню, а он меня. Ну, и загнал: кругом болотце, осока, какая-то речка течет, кочки на берегу...

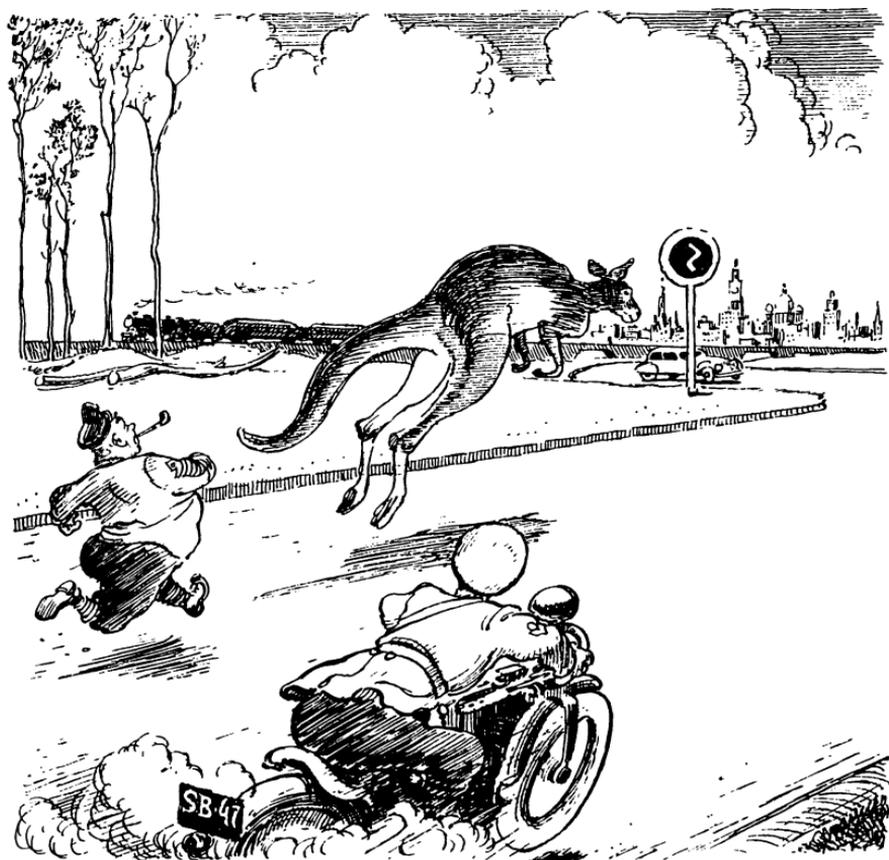
«Так, — думаю, — сейчас до речки догоню, отдохну, искупаюсь».

Размахнулся, ударил. Вдруг все эти кочки повскакали и давай прыгать...

Это, оказывается, не кочки были, а стадо кенгуру. Видимо, испугались — и врассыпную. А мяч мой одной кенгурихе со всего размаха в сумку. Она взвизгнула да как припустит... И хвостом и ногами работает. Передними лапами держится за сумку и мимо меня прыг, прыг...

Ну, что тут делать? Я бросил палки — и за ней. Нельзя же мяч потерять.

И такая получилась скачка с препятствиями, что до сих пор вспомнить весело.

Сучья под ногами хрустят, камни разлетаются...

Я устал, но не сдаюсь, не выпускаю ее из поля зрения. Она присядет отдохнуть, и я присяду; она в путь, и я в путь...

И вот животное, знаете, растерялось, сбилось с курса от страха. Ей бы в чащу, в кусты, а она на чистое место, на шоссе, прямо к Сиднею.

Вот уж и город видно, сейчас улицы начнутся. Народ на нас смотрит, кричит, полицейский на мотоцикле гонится, засвистел... Тут, видимо испугавшись, животное делает этакую фигуру в воздухе, наподобие мертвой петли. Мяч мой выска-

кивает из сумки, я бросаюсь за ним, наклоняюсь и в ту же секунду получаю чувствительный толчок пониже спины. Ну, доложу вам, и ощущение! Прямо, как говорится, «ни встать, ни сесть».

Но я все-таки встал, отряхнулся. Тут народ кругом: сочувствуют, предлагают помощь, а мне не помощь, мне палка нужна: мяч тут, и ямка уже недалеко, а бить нечем. Ну, и сжалился один джентльмен, дал свою тросточку. На восемьдесят третьем ударе я закончил игру.

Капитан порта просто разахался.

— Поразительный,— говорит,— результат! Вы подумайте: такой трудный участок, и неужели всего восемьдесят четыре удара?

— Так точно,— отвечаю я,— восемьдесят три, не больше, не меньше...

А про кенгуру я умолчал. В руководстве о кенгуру ничего не сказано, в правилах игры тоже. И выходит, что если животное непреднамеренно оказало помощь, так это уж, знаете, его дело.

Г л а в а XVI

О дикарях

Поговорили мы с капитаном порта о местных новостях, о достопримечательностях. Он меня в музей пригласил. Пошли.

Там действительно есть что посмотреть: модель утконоса в натуральную величину, собака динго, портрет капитана Кука...

Но только я задержу внимание на какой-нибудь детали, мой спутник тянет меня за рукав и дальше влечет.

— Идемте,— говорит,— я вам самое главное покажу: живой экспонат — вождь дикарей в полном вооружении, особенно интересно...

Ну, входим в зал. Там сделан этаким загончик, вроде как в зоопарке, и разгуливает здоровенный папуас с удивительной прической на голове... Увидел нас, издал воинственный возглас, взмахнул дубинкой над головой... Я было попятился. А потом вспомнил тех артистов в Гонолулу и, по правде сказать, согрешил. «И это, — думаю, — тоже, наверное, артист». Ну и решил расспросить потихоньку, без свидетелей, как это он до такой жизни дошел.

Распрощался повежливее с капитаном.

— Спасибо, — говорю, — за компанию, очень

здесь интересно. Но вас я не смею задерживать, а сам, с вашего позволения, еще посмотрю...

И остались мы с папуасом наедине. Разговорились.

— А вы,— спрашиваю,— признайтесь, настоящий папуас или так?

— Ну, что вы,— отвечает тот,— самый настоящий, сын вождя, учился в Оксфорде, в Англии. Окончил университет с золотой медалью, защитил диссертацию, получил звание доктора прав, вернулся на родину... А тут работы по специальности нет... Жить не на что, вот и поступил сюда...

— Вот как! И хорошо зарабатываете?

— Да нет,— отвечает он,— не хватает. Ночью еще по совместительству городской сад стерегу. Там лучше платят и работа полегче. Тут тихо. Вот только вчера какие-то дикари напали, отняли бумеранги. Сегодня не знал, с чем и на службу идти. Хорошо, догадался: у меня со студенческих лет набор палок для гольфа остался, с ними и пошел. И ничего, не замечает публика...

Да. Ну, распрощались. Тут бы можно и покинуть Австралию, но у меня остался долг чести, так сказать: вернуть оружие вождю папуасов и посмотреть, что с моим адмиралом.

И вот, знаете, снарядились мы по-походному, яхту сдали под надзор портовых властей, а сами отправились все втроем.

Идем в глубь страны по следам недавних событий, читаем книгу природы: вот здесь я за кенгуру гнался, вот здесь ручей, здесь бумеранг лежал, здесь сам Кусаки... Однако нет ни того, ни другого.

А здесь я последние палки бросил. Но и тут, знаете, пусто. Как корова языком слизнула.

Ну, побродили, обыскали все кругом. Тот же результат. Только с дороги сбились. В море-то я хорошо ориентируюсь, а на суше, бывает,

и заблужусь. А тут кругом пустыня — ориентиров нет. К тому же жара и голод... Фукс с Ломом ропщут потихоньку, а я креплюсь: положение обязывает, как ни говорите. Да.

Недели три так бродили. Измучились, похудели. И сами не рады, что пошли, да теперь уж делать нечего... И вот, знаете, однажды разбили мы бивуак, прилегли отдохнуть, а жара — как в бане. Ну, и разморило, заснули все.

Не знаю, сколько уж я проспал, но только слышу сквозь сон: шум, возня, воинственные крики. Проснулся, продрал глаза, гляжу — Фукс тут, под кустом, спит крепким сном, как младенец, а Лома нет. Посмотрел кругом — нигде нет. Ну, тогда беру бинокль, осматриваю горизонт и вижу — мой старший помощник Лом сидит у костра, а кругом, понимаете, дикари и, судя по поведению, едят моего старшего помощника...

Что делать? Я тогда складываю ладони рупором и во все горло кричу:

— Отставить есть моего старшего помощника!
Крикнул и жду...

И вот, поверите ли, молодой человек, слышу, как эхо, доносится ответ:

— Есть отставить есть вашего старшего помощника!

И действительно, смотрю — оставили. Закидали костер, поднялись и все вместе направляются к нам.

Ну, встретились, поговорили, выяснили недоразумение. Оказалось, папуасы с северного берега. У них тут и деревня была недалеко, и море тут же, а Лома они вовсе и не собирались есть. Напротив, угостить нас хотели, а Лом их уговорил подальше от бивуака костер разложить: боялся потревожить наш сон. Да.

Ну, подкрепились мы. Они спрашивают:
— Куда, откуда, с какими целями?

Я объяснил, что ходим по стране и скупаем местное оружие старинных образцов для коллекции.

— А, — говорят, — кстати попали. Вообще-то у нас этого добра не бывает. Это хозяйство мы давно в Америку вывезли, а сами на винтовки перешли. Но сейчас случайно есть небольшая партия бумерангов...

Ну, и отправились мы в деревню. Притащили они эти бумеранги. Я как глянул, так сразу и узнал свои спортивные доспехи.

— Откуда это у вас? — спрашиваю.

— А это, — отвечают они, — один посторонний негр принес. Он сейчас поступил военным советником к нашему вождю. Но только его сейчас нет, и вождя нет — они в соседнюю деревню пошли, обсуждают там план похода.

Ну, я понял, что мой воинственный адмирал здесь окопался, и вижу — надо уходить подобра-поздорову.

— Послушайте, — спрашиваю, — а где у вас ближайшая дорога в Сидней, или в Мельбурн, или вообще куда-нибудь?

— А это, — отвечают они, — только морем. По суше и далеко и трудно, заблудитесь. Если хотите, можете здесь пиро́гу зафрахтовать. Ветры сейчас хорошие, в два дня доберетесь.

Я выбрал посудину. И странная, доложу вам, посудина оказалась. Парус вроде кулька, мачта — как рогатина, а сбоку за бортом — нечто вроде скамеечки. Если свежий ветер, так не в лодке надо сидеть, а на этой скамеечке как раз. Мне, признаться, на таком судне ни разу не приходилось плавать, хоть я в парусном деле и не новичок. Но тут делать нечего, как-нибудь, думаю, справлюсь.

Погрузил бумеранги, взял запасов на дорогу, разместил экипаж. Я в руле, Лом с Фуксом

за бортом, вместо балласта. Подняли паруса и пошли.

Только отошли, смотрю — за нами в погоню целый флот. Впереди большая пирога, а на носу у нее — мой странствующий рыцарь: сам адмирал Кусаки в форме папуасского вождя.

Я вижу — догонят. А сдаваться, знаете, неинтересно. Если бы одни папуасы, с ними бы я сговорился — все-таки австралийцы, народ культурный, — а этот... кто его знает? Попадешься вот так, живьем сожрет... Словом, вижу, как ни вертись, а надо принимать сражение.

Ну, взвесил обстановку и решил так: вступать в бой, проливать кровь — к чему это? Дай-ка лучше я их искупаю. Таким воякам первое дело — голову освежить. А тут ветер боковой, крепкий, команда у них вся за бортом, на скамеечках. Так что обстановка самая благоприятная. Ну и если сделать этакий штырь подлиннее да быстро развернуться...

Словом, в две минуты переоборудовал судно, сделал поворот и полным ходом пошел на сближение. Идем на контркурсах. Ближе, ближе. Я чуть влево беру руля и, знаете, как метлой смел балласт с флагманской пироги, со второй, с третьей. Смотрю — не море кругом, а суп с фрикадельками. Плывут папуасы, барахтаются, смеются — так раскупались, что и вылезать не хотят.

Один Кусаки недоволен: вскарабкался на пирог, кричит, сердится, фыркает... А я, знаете, просемафорил ему: «С легким паром», развернулся и пошел назад в Сидней.

А там, в Сиднее, возвратил бумеранги владельцу, попрощался с партнером по гольфу, поднял флаг.

Ну конечно, провожающие были, принесли фрукты, пирожные на дорогу. Я поблагодарил, отдал швартовы, поднял паруса и пошёл.

На этот раз неудачно все получилось. Едва миновали берега Новой Гвинеи, нас нагнал тайфун чудовищной силы. «Беда», как чайка, металась по волнам. Нырнет, выскочит, снова нырнет. Горы воды падают на палубу. Снасти стонут. Ну что вы хотите — тайфун!

Вдруг яхта, как волчок, закрутилась на месте, а секунду спустя ветер совершенно затих. Лом и Фукс, незнакомые с коварством тайфуна, облегченно вздохнули. Ну, а я понял, в чем дело, и, признаться, пришел в большое расстройство. Попали в самый центр урагана. Тут, знаете, добра не жди.

Ну и началось. После непродолжительного затишья ветер снова засвистел, как тысяча чертей, паруса лопнули со страшным треском, мачта согнулась, как удочка, переломилась пополам, и весь рангоут вместе с такелажем полетел за борт.

В общем, потрепало нас как надо.

А когда разъяренный океан несколько успокоился, я вышел на палубу и осмотрелся. Разрушения были огромны и непоправимы. Запасные паруса и концы, правда, хранились у нас в трюме, но на одних парусах без мачт, сами понимаете, не пойдешь. И тут, вдали от больших океанских дорог, нас ждала страшная участь: мы годами могли болтаться среди океана. А это, знаете, перспектива не из приятных.

Угроза медленной смерти нависла над нами, и, как всегда в таких случаях, я вспомнил свою долгую жизнь, свое милое детство.

И вот, представьте себе, воспоминание это дало мне ключ к спасению.

Еще будучи мальчиком, я любил клеить и за-

пускать воздушных змеев. Ну, и вспомнив об этом прекрасном занятии, я воспрянул духом. Змей! Бумажный змей — вот спасение!

Корзины от прощальных подношений пошли на каркас. Ну, а потом мы сварили клейстер, собрали все бумажное, что было на судне — газеты, книжки, разную коммерческую корреспонденцию, — и принялись клеить. И скажу вам, не хвастаясь, змей получился на славу. Уж кто-кто, а я-то в этом деле специалист. Ну, а когда высохло это сооружение, мы выбрали канат подлиннее, выждали ветерок, запустили...

И ничего, знаете, прекрасно потянуло, пошла наша яхта и снова стала слушать руля.

Я развернул карту, выбираю место, куда пойти для ремонта. Вдруг слышу странные какие-то звуки. Потрескивает что-то на палубе. Встревоженный, поднимаюсь и вижу страшную картину: конец, на котором держался наш змей, зацепился за брашпиль и к моменту моего прихода перетерся и, как говорится, на волоске держится.

— Аврал! Все наверх! — скомандовал я.

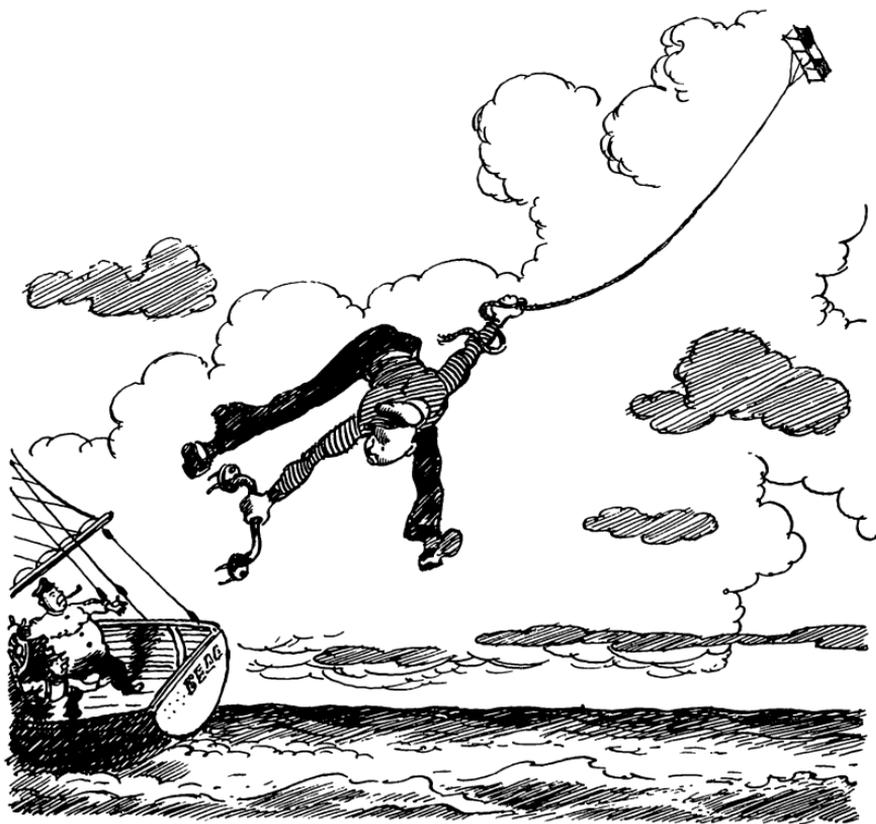
Лом и Фукс выскочили на палубу. Стоят, ждут моих распоряжений.

Но распорядиться было нелегко. Тут, сами понимаете, нужно бы наложить узел. Но ветер усилился, канат натянулся, как струна, а струну, знаете, не завяжешь.

И я уже думал — все кончено. Но тут исполнская сила Лома нашла надлежащее применение. Он, понимаете, хватается одной рукой за канат, другой за скобу на палубе, напрягает бицепсы. На канате появляется слабина...

— Так держать, не отпускать ни в коем случае! — скомандовал я, а сам стал накладывать узел.

Но тут вдруг неожиданно шквал налетает на нас с кормы, змей рванулся, скоба вылетела

из палубы, как морковка из грядки, и Лом взвился в облака, едва успев крикнуть:

— Есть так держать!

Ошеломленные, мы с Фуксом посмотрели вслед. А Лома уже и не видно совсем. Мелькнула в облаках черная точка, и наш храбрый товарищ покинул нас среди океана...

Наконец я пришел в себя, взглянул на компас, заметил направление, оценил на глаз погоду. И, должен сказать, выводы получились неважные: свежий ветер силою в шесть баллов со скоростью двадцати пяти миль в час уносил моего

старшего помощника к берегам Страны восходящего солнца. Мы же снова беспомощно болтались по волнам, лишенные двигателя и управления.

Я расстроился, ушел с горя спать и, только немного забылся, слышу — Фукс меня будит. Ну, я протер глаза, поднимаюсь и, поверите ли, вижу: коралловый остров справа по курсу. Все как полагается: пальмы, лагуна... Тут, знаете, если пристать, можно и парусишки кое-как соорудить. Словом, фортуна, как говорится, нам улыбнулась, но, увы, улыбка-то эта оказалась фальшивой.

Посудите сами: ветерок гонит нас не спеша, вот мы поравнялись с островом, вот он рядом, рукой подать... Но ведь это только так говорится, а подика найди руку в двести сажен... Словом, ясно: пронесит мимо.

Другой бы на моем месте растерялся, но я, знаете, не таков. Морская практика рекомендует в подобных случаях забрасывать на берег якорь на конце. Рукой, конечно, не забросишь: тут нужна пушка или ракета. Ну, понятно, я бросаюсь в каюту, ищу указанные предметы, перерыл, перекопал всё — нет, понимаете, ни ракет, ни пушки: недосмотрел, не захватил при отправлении. Лезут под руки все больше предметы туалета: галстуки, подтяжки... Из них, знаете, пушки не сделаешь.

Но тут вновь небольшая экскурсия в прошлое подсказала мне план дальнейших действий.

Я, видите ли, не могу сказать, чтобы в детстве отличался примерным поведением. Напротив, с общепризнанной точки зрения, я хотя хулиганом и не был, но озорником был, не скрою. И такой инструмент, как рогатка, никогда не покидал моего кармана... Да.

Вспомнил я это дело, и меня как осенило: пушку, конечно, из подтяжек не соорудишь, а рогатку — почему же? И вот я хватаю шесть пар

тугих резиновых подтяжек и устраиваю на палубе этакую рогатку увеличенных размеров.

Ну, а дальше понятно: заряжаю ее небольшим якорем, затем мы вместе с Фуксом лебедкой натягиваем ее потуже. Я командую:

— Внимание!

Затем обрубая конец, и якорь взвивается, унося с собой тонкий, но прочный канат. И вижу — порядок! Якорь взял.

А полчаса спустя мы уже были на берегу, и наши топоры звенели, нарушая торжественную тишину девственного леса.

Конечно, тяжеленько пришлось вдвоем, но справились. Отлично справились.

Тайфун потрепал нас изрядно, пришлось, знаете, заново проконопатить борта, просмолить всю яхту, а главное, поставить новый рангоут и такелаж. Пришлось потрудиться на славу. Но зато всё поправили. А с мачтой так просто прекрасно у нас уладилось: выбрали небольшую стройную пальмочку, выкопали вместе с корнями, да так и поставили целиком. Сверху укрепили, как полагается, вантами, а внизу, в трюме, вместо балласта насыпали земли, полили, и, знаете, принялась наша мачта.

Ну, потом скроили паруса, сшили, подняли и пошли.

Управлять судном с таким вооружением, конечно, несколько непривычно, но зато есть и удобства: листья над головой шумят, зелень ласкает глаз... Потом плоды на пальме созрели, и так это приятно, знаете: стоишь на вахте, жара, мучает жажда, но стоит вам несколько подняться по мачте, и в руке у вас молодой кокосовый орех, полный свежего молока. Прямо не яхта, а плавающая плантация...

Да. Идем так, поправляемся на фруктовой диете, держим курс к месту предполагаемой посадки

Лома. День идем, два идем. И вот на третий день по носу у нас открылась земля. В бинокль видно: порт, входные знаки, город на берегу... Зайти бы, конечно, недурно, но я, знаете, воздержался, не пошел. Там вообще-то иностранцев не очень ласково тогда принимали, а у меня, тем более, личные счета с господином Кусаки. Ну его к свиньям.

Г л а в а XVIII

*Самая печальная, так как в ней «Беда» гибнет,
на этот раз уже безвозвратно*

Вот я и пошел сторонкой. Иду. День прошел — ничего, а к ночи пал туман. Такой туман — ничего не видно, хоть глаз выколи. Со всех сторон сигналы, гудки, сирены воют, звонят колокола... Тревожно, но зато, знаете, весело. Да только недолго продолжалось это веселье. Слышу, летит на нас быстроходное судно. Пригляделся, вижу — миноносец на полном ходу. Я — вправо на борт. Смотрю, и он право на борт. Я влево, и он влево...

И вот, понимаете, страшный удар, борта затрещали, вода хлынула на палубу, и «Беда», рассеченная пополам, стала медленно погружаться в пучину.

Ну, вижу, конец!

— Фукс, — говорю я, — берите спасательный круг и плывите прямо на вест. Здесь недалеко.

— А вы? — спрашивает Фукс.

— А мне, — говорю, — некогда. Вот запись нужно сделать в журнале, с судном попрощаться, а главное, мне туда не по дороге...

— И мне, Христофор Бонифатьевич, тоже не по дороге. Не тянет меня туда.

— Напрасно, Фукс, — возражаю я, — там все

таки берег, различные красоты, священная гора Фудзияма...

— Да что красоты! — отмахнулся Фукс. — Там с голоду ноги протянешь. Работы не найдешь, а по старой специальности, по карточной части, мы против них никуда не годимся. Обдерут, как липку, по миру пустят. Уж я лучше с вами.

И так меня тронула эта верность, что я ощутил прилив сил. «Эх, — думаю, — рано панихиду петь!» Осмотрел размеры повреждений, достал топор.

— Аврал! — командую. — Все наверх! Снасти долой, рубить мачту!

Фукс рад стараться. Такую энергию проявил, что я просто удивился. Да и то сказать: ломать — не делать, душа не болит.

Ну, и не успели мы оглянуться, пальма наша уже за бортом. Фукс прыгнул туда, я ему передал кое-какие ценности. Бросил спасательный круг, компас вместе с нактоузом, пару вёсел, анкерок воды, из гардероба кое-что...

А сам все на палубе, на «Беде». И вот чувствую, настает последняя минута: корма вздыбилась, корпус погружается, сейчас нырнет...

У меня слезы брызнули из глаз... И тут, знаете, я хватаю топор и собственной рукой вырубаю кормовую доску с буквами...

Ну, а затем в воду и — к Фуксу на пальму. Сажусь верхом и наблюдаю, как океан поглощает остатки моего многострадального судна.

И Фукс наблюдает. И вижу — у него тоже слезы на глазах.

— Ничего, — говорю, — не унывайте, мы еще с вами поплаваем. То ли еще бывает...

Да. Ну, знаете, посмотрели еще на то место, где волны сомкнулись над судном, и стали устраиваться. И, представьте, устроились не без удобств.

Конечно, после яхты чувствуется некоторый недостаток комфорта, но все же самое необходи-

мое было у нас. Установили компас, соорудили кое-как парусишко из старой тельняшки, спасательный круг на ветку повесили, а кормовую доску я вместо письменного стола приспособил.

В общем, все хорошо, вот только ногам мокро.

И вот однажды видим — сзади, за кормой, дымок. Я уж думал — опять тот миноносец, но оказалось, что это просто «купец» — бродячий пароход под английским флагом. Я не хотел просить помощи: как-нибудь, думаю, сам доберусь. Но тут так получилось.

Я, как заметил судно, сейчас же достал

письменные принадлежности и стал делать соответствующую запись в вахтенном журнале. А капитан этого парохода, со своей стороны, заметив нас, взял подзорную трубу и, понятно, обнаружил не совсем блестящее положение нашего судна, если можно назвать судном подобное сооружение.

Но он все же сомневался, идти ли на помощь, поскольку мы не проявляли признаков паники и не подавали соответствующих сигналов...

Вот тут-то, понимаете, обстоятельства и сложились так, что он неожиданно изменил свое решение.

Я, видите ли, как раз в это время закончил запись и поставил свой временный стол, так сказать, стоймя. И вот буквы блеснули. Капитан увидел слово «Беда» и принял его за призыв на помощь или за сигнал бедствия, что ли. Ну, повернул к нам, а полчаса спустя нас уже подняли на борт, и мы с капитаном за чаркой рома обсуждали этот забавный случай...

Да. Пальму я ему подарил, он ее в салоне приказал поставить, весла, компас тоже отдал, а себе оставил круг и кормовую надпись. Все-таки, знаете, память.

Ну, посидели. Он рассказал, что идет в Канаду за лесом, потом о новостях поговорили, потом он ушел, а я остался еще почитать свежие новости.

Сижу, перелистываю газеты. Ну, что там в газетах? Больше всё объявления, комиксы, утки, сплетни, всякая дезинформация... И вдруг — заголовок на всю страницу: «Налет с воздуха... Преступник бежал!»

Я заинтересовался, понятно. Читаю и вижу — весь этот шум из-за Лома. Он, оказывается, на своем змее снизился возле самой Фудзиямы. Тут, конечно, собралась толпа, змея разорвали в клочья, разобрали на память.

А змей-то ведь был из газет. Ну и взялась за это дело полиция. Обвинили Лома в незаконном

провозе запрещенной литературы. Я не знаю, чем бы это кончилось, но тут, к счастью, небо покрылось тучами, раздались глухие подземные удары... Толпу охватила паника, и все разбежались в ужасе.

На склоне священной горы только и остались мой старший помощник Лом и чины японской полиции.

Стоят, смотрят друг на друга. Земля под ними колеблется... Это, конечно, необычное состояние для поверхности нашей планеты, и у многих оно вызывает различные проявления страха. Но Лом — он, знаете, всю жизнь на борту, привык к качке... Ну, и не сумел надлежащим образом оценить грозную силу происходящего, пошел не спеша вверх по склону горы. А тут, понимаете, как это говорится, «земля разверзлась», и широкая трещина легла между беглецом и погоней. А затем все покрылось хлопьями сажи и мраком неизвестности.

Полиция потеряла следы Лома и теперь ищет его. Но тщетно.

Глава XIX.

в конце которой неожиданно появляется Лом и поет про себя

Вот, собственно, и все, что я узнал из газет. Но, знаете, и этого достаточно, чтобы расстроиться. И так не сладко. Шутка ли! Судно потерял, а тут еще товарищ и помощник попал в такую историю. Была бы яхта, плюнул бы на Кусаки, пошел бы выручать Лома. А теперь жди, пока придем в порт назначения. И оттуда надо как-то выбираться, и в кассе у нас с Фуксом не густо, и пароход идет медленно.

Я — к капитану.

— Нельзя ли, — говорю, — прибавить ходу?

— Рад бы,— отвечает тот,— да у меня кочегаров мало, не справляются, еле пар держат.

Ну, знаете, я подумал, с Фуксом посоветовался, отдохнул еще денек, и нанялись кочегарами. Жалованье, конечно, небольшое, но, во-первых, на стол не тратиться, а во-вторых, за работой все-таки не так скучно, да и пароход скорее пойдет...

Ну, встали на вахту.

Спецовки там не дают, а у нас только и осталось, что на себе. Ну, разделись, в целях экономии остались в одних трусах. Это, впрочем, и лучше: жара там в кочегарке. А вот с обувью плохо. Под

ногами уголь, горячий шлак, разуться — жарко, а обуться — жалко, последние ботинки погубишь.

Но мы, знаете, не растерялись: взяли четыре ведра, налили воды, и так-то славно получилось! Стоишь в них, в ведрах-то, как в калошах, а если уголек какой упадет, только «пшик» — и все тут.

Я в кочегарке справлялся легко, мне не впервой, а Фукс, вижу, сдает. Набил полную топку, уголь спекся корой, он его ковыряет лопатой.

— Эх, — говорю, — разве здесь лопатой что сделаешь? Здесь подломать надо. Где лом?

И вот, поверите ли, слышу — за спиной кто-то глухо так:

— Есть Лом к вашим услугам!

Обернулся, смотрю — из кучи угля вылезает мой старший помощник Лом: тощий, черный, небритый, но все же Лом собственной персоной. Я, знаете, так и сел от неожиданности!..

Ну, понятно, облобызались. Фукс даже слезу проронил. Дочистили втроем топки, уселись, и Лом рассказал о своих злоключениях.

В газете о нем все верно писали, кроме налета и злого умысла. Какой там налет — просто ветром занесло. Да. Ну, а когда колебания почвы прекратились, он спустился в город. Идет, боится, оглядывается по сторонам. И куда ни посмотри — полицейский, куда ни повернись — шпик...

Может, знаете, если бы он сохранил спокойствие, удалось бы проскользнуть незаметно, но тут столько нервных потрясений, ну и сдрейфил парень, стал прибавлять шагу и сам не заметил, как пустился бегом.

Бежит, оглядывается. А за ним бегут шпики, жандармы, полицейские, мальчишки, собаки, рикши, автомобили... Крик, гам, топот...

Ну, и куда тут податься? Он, знаете, вниз, к морю. Забрался в угольную гавань, закопался в уголь и сидит. А тут как раз этот пароход встал

под погрузку. Грузят там по канатной дороге, цепляют прямо ковшом, сколько захватят, а над пароходом ковш опрокидывается.

Вот, знаете, и захватило Лома. Только он очнулся, хотел выскочить из ковша, думал, знаете, опять его ловят, а ковш уже поехал, потом перевернулся, а Лом даже ахнуть не успел и — хлоп в бункер!

Пощупал руки, ноги — все цело; уйти некуда, дышать есть чем... Ну и решил использовать вынужденное бездействие — выспаться хорошенько.

Закопался в уголь и заснул. Так и спал, пока не услышал моей команды.

Да. В общем, все к лучшему получилось. Экипаж «Беды» опять соединился, и мы стали строить планы возвращения. Тут и вахта подошла к концу, и вот я поразмыслил: мы-то с Фуксом попали на пароход законным порядком, как потерпевшие бедствие, а Лом — во-первых, «заяц», а во-вторых, вроде беглого преступника. Кто его знает, этого капитана? Пока по-хорошему — и он хорош, а узнает об этой истории, выдаст Лома властям, а потом выручай его. Словом, я посоветовал.

— Сидите, — говорю, — тут. Вы теперь привыкли. Покушать мы вам принесем, а вахту вместе будем стоять. Оно и нам полегче — все-таки тридцать три процента экономии сил. Да так и безопаснее будет.

Ну, Лом согласился без споров.

— Только, — говорит, — скучновато будет. Там темно, а я теперь выспался. Не знаю, чем заняться.

— Ну, — возражаю я, — это можно придумать. Стихи хорошо в темноте сочинять, или вот попробуйте до миллиона считать — это очень помогает от бессонницы...

— А можно петь, Христофор Бонифатьевич? — спрашивает он.

— Да как вам сказать? — говорю. — Особенно я не рекомендовал бы, но если нравится — пойте, только про себя.

Да. Ну, достояли вахту. Сменились. Лом назад в бункер полез, мы с Фуксом — на палубу. Вдруг, смотрю, вылезают кочегары как ошпаренные.

Я спрашиваю.

— Что случилось?

— Да там, — отвечают они, — в бункере, какая-то нечисть завелась. Воет, как сирена, а что воет — непонятно.

Ну, я понял сразу.

— Постойте, — говорю, — я спущусь, выясню, в чем там дело.

Спускаюсь, слышу — действительно, звуки ужасные: мелодия несколько неопределенная, и слова не очень складные, но голос, голос... Не знаю, как вам и передать. Я раз на Цейлоне слышал, как слоны трубят, так то было райское пение.

Да. Прислушался я и понял, что это Лом поет. Ну, полез в бункер, хотел отчитать его за несоблюдение осторожности. И пока лез, догадался, что сам виноват: опять, знаете, неточно отдал распоряжение. Всегда у меня с Ломом на этой почве недоразумения.

Лезу и слышу:

Я старший помощник
С корвета «Беда».
Его поглотила
Морская вода.
И вот я теперь
На чужом корабле,
Сижу, как преступник,
На жестком угле...

И ничего, знаете, не скажешь: действительно про себя поет, все верно... Вот только насчет корвета он, конечно, несколько преувеличил. Какой

там корвет!.. А впрочем, это своего рода украшение речи. В песне это допускается. В рапорте, в рейсовом донесении, в грузовом акте, конечно, такая неточность неуместна, а в песне — почему же? Хоть дредноутом назови, только солиднее звучать будет.

Я все-таки Лома остановил.

— Вы, — говорю, — не так меня поняли, дорогой. Вы лучше про нас пойте, только чтобы никто не слышал. А то как бы неприятностей не вышло.

Ну, замолчал он, согласился.

— Верно, — говорит, — вы разрешили, а я не подумал. Не стану я больше петь, я уж лучше посчитаю...

Вылез я, успокоил кочегаров. Объяснил, что, мол, это в топке огонь гудел. Это и механик подтвердил.

— Бывает, — говорит, — такое явление.

Глава XX,

*в которой Лом и Фукс проявляют неосмотрительность в покупках,
а Врунгель практически проверяет законы алгебры*

И вот наконец прибыли мы в Канаду. Мы с Фуксом сошли, распрощались с капитаном, а ночью и Лома контрабандным порядком переправили на берег. Сели в тихой таверне, обсудили положение и соображаем, как дальше добираться. Маршрут нас не смутил. Решили так: из Канады в Аляску, из Аляски через Берингов пролив на Чукотку, а там мы дома, там уж как-нибудь...

В этой части план утвердили.

А вот средства передвижения заставили призадуматься. Тут зима, знаете, реки стали, снег кругом, железных дорог нет, на автомобиле не проедешь. Пароходом — это надо ждать до весны...

Мы посоветовались и решили купить нарты, ну и там что попадется — оленя или собак. Ну и разошлись промышлять кто куда...

Я за нартами отправился, Лом пошел искать оленя, а Фукс взялся собак достать.

Нарты мне попались прочные, красивые, удобные. Лом несколько меньше преуспел. Привел пятиного оленя средней упитанности. Тут его специалисты осмотрели, освидетельствовали и дали характеристику: по рогам, мол, олень первого класса, а по ногам ниже среднего — копыта узки.

Ну, мы решили попробовать. Запрягли. Не везет олень. По снегу еще кое-как, а на реку, на лед вышли — наш олень шагу ступить не может. Ноги так и разъезжаются.

Я вижу — надо бы подковать его, да подков нет.

И тут, знаете, пригодилась кормовая доска. Недаром я ее, значит, вез. Отвинтили мы от нее медные буквы и теми же шурупами кое-как оленю к копытам приспособили. И помогло, знаете, но плохо. Правда, дрейф у оленя стал поменьше, а хода все равно не прибавилось. Ленивая скотина попалась!

Тут Фукс пришел со своей покупкой. Привел эдакую небольшую собачку с острой мордочкой. По аттестату собачка — призовой вожак, передовой. Ну, мы ее и решили запрягать по специальности, вперёдсмотрящим, так сказать.

Но это легко сказать. С оленем-то мы справились сразу: напялили ему вместо хомута спасательный круг (тоже и круг пригодился, как видите; в хорошем хозяйстве все в дело пойдет). А собака, знаете, не дается, кусается, скалит зубы. Поди-ка запряги такую!

Ну, кое-как все-таки обратали. Соорудили ей дугу, ввели насильно в оглобли, отпустили...

Ну, доложу я вам, и началось представление! Олень бьет копытами, потрясает рогами, собака

воет, и животные, представьте, довольно резво пятятся задом.

Я уже хотел так, задним ходом, и отправляться, но для опыта решил их местами поменять. Хоть и говорится, что от перестановки слагаемых результат не меняется, но это, знаете, в алгебре, а тут совсем другое дело.

Ну, переставили, перепрягли.

И что бы вы думали? Припустил наш олень иноходью, только пятки сверкают.

И собака — за ним. Лязгает зубами, подвывает, однако тоже тянет, как паровоз.

Мы с Ломом едва на нарты сумели вскочить, а Фукс — тот только и успел ухватиться за веревку. С полмили так и проехался, вроде штормового якоря.

Ну, доложу я вам, и гонка досталась! Лаг я с собой не взял, да и пользоваться им на льду затруднительно. Однако, судя по береговым предметам, скорость у нас была потрясающая. Селения мелькают, проносятся, как в тумане, нарты прыгают по льду, в ушах свистит.

У оленя пар из ноздрей, копыта сверкают и так это ловко печатают: «Б-Е-Д-А», как на «Ундервуде».

И собачка старается, скулит, подвывает, язык на сторону свернула, однако тоже не отстаёт.

Словом, не успели оглянуться — граница Аляски. Тут шерифы с винтовками, с флагами...

Я, знаете, решил притормозить: неудобно пересекать границу без соблюдения формальностей. Кричу:

— Малый ход, стоп!

Куда там! Олень мой не смотрит, не слушает, несется как заводной.

Тут один шериф взмахнул платком, другие дали залп... Я думал — конец, однако вижу — все благополучно. Понеслись дальше. И минут

этак через пять обгоняем упряжку, потом еще две упряжки, потом я уже и считать перестал — столько пообгоняли. Те торопятся, а я рад бы потише ехать, да не могу удержать свою пару... И вот открывается форт Юкон за поворотом. Там народ столпился на льду. Машут, кричат, палат в воздух. Столько народу собралось, что не выдержал лед, провалился.

Толпа раздалась к берегам, а у нас прямо по носу огромная полынья, и мы с опасной скоростью приближаемся прямо к ней. Я вижу — дело плохо. Ну и решил: накренил нарты набок, оглобли сломались, я — хлоп в снег со всем экипажем, а олень мой с разгона прямо в воду, и с собакой, со всем.

Могли бы и утонуть, да спасательный круг не дал. Смотрю — плавают, фыркают, отдуваются...

Тут благожелатели из публики принесли аркан, зачалили оленя за рога, потянули... И, представьте, хвалёные рога благородного животного отделились без всякого труда, а из-под них выглянули коротенькие рожки, на манер коровьих! Ну, эти, к счастью, прочно держались. За них вытащили всю упряжку на лед. Олень мой встряхнулся, полизал в ноздрях, да как замычит жалобно, как корова.

Я пригляделся, вижу — корова и есть, только без хвоста. Обманули Лома в Канаде. И понятно, почему наш олень танцевал без подков, как корова на льду. А вот откуда у него несвойственная этому животному резвость взялась, я не сразу понял.

Однако специалисты-собачники и это мне разъяснили. Фукс тоже, оказывается, попал впросак: ему вместо собаки молодого волчонка подсунули.

И вот заметьте, как интересно: волчонок сам по

себе, как собака, ничего не стоит — дрянь, а не собака; корова сама по себе не олень, а вместе как славно получилось. Вот тут закон алгебры как раз подошел: минус на минус дает плюс, как говорится.

Ну, когда улеглись страсти, выяснилась и причина столь торжественной встречи. У них там в этот день была зимняя гонка, и мы не думали, не гадали, а вышло так, что первое место заняли.

в которой адмирал Кусаки сам помогает Врунгелю выпутаться из весьма затруднительного положения

Дня три мы гостили в Юконе, сами отдохнули, дали животным отдохнуть. Нам как гостям предоставили полную свободу, только взяли подписку, что мы никуда из дома отлучаться не будем, и для верности двух детективов поставили у крыльца. Ну, а потом запрягли мы свои нарты и тронулись в путь. Юкон пролетели стрелой, выбрались в Берингов пролив и взяли курс прямо на Чукотку. До острова Лаврентия хорошо проехали, а тут получилась задержка. Поднялся шторм, взломало льдины, и мы перед трещиной застряли, как на мели.

Разбили ледовый лагерь под торосом. Ждем, когда льды сойдут. Так бы оно ничего, торопиться нам особенно некуда, и с питанием благополучно: по дороге мы запаслись пеммиканом, рыбой, морожеными рябчиками. Ну, опять же и от коровы молочко. Словом, с голоду не погибли бы, а вот с холодом туго пришлось. Сидим, прижались друг к другу, дрожим. Особенно Фукс страдал: борода у него обмерзла, вся в сосульках, ноет парень, жалуется. Лом тоже держится из последних сил...

Ну, я вижу, надо что-то придумывать. Сижу, размышляю о различных способах отопления. Дрова, уголь, керосин — это все нам не подходит... Ну, вспомнил: как-то я был в цирке, там один гипнотизер пристальным взглядом воду кипятил.

Вот бы, думаю; мне так! Воля у меня могучая, железная воля. Почему не попробовать? Уставился на льдину — не кипит, не тает даже... Ну, я понял, что все это ерунда, обман, просто цирковой номер. Ловкость рук или, проще сказать, фокус...

И только это слово вспомнил, блестящая идея зародилась в извилинах моего мозга.

Я схватил топор, выбрал подходящую глыбу льда, разметил, обработал соответствующим образом и возвращаюсь к нашему лагерю.

— А ну-ка, товарищи, помогите мне установить фокус.

Лом поднялся, ворчит:

— Удивляюсь я на вас, Христофор Бонифатьевич: тут впору в сосульку обратиться, а вы еще фокусами развлекаетесь.

Фукс тоже ропщет:

— Фокусы-покусы! В Красном море я в одних трусиках купался, и то было жарко, а тут три пары надел, все равно никак не согреюсь. Вот это фокус так фокус!

Ну, я прикрикнул на них:

— Отставить неуместные разговоры! Слушать команду! Поднять эту ледышку! Так держать! Пять градусов влево. Еще левее...

И вот, знаете, подняли творение моих рук, огромную ледяную линзу, навели пучок лучей на лед, глядим — так и буравит, как в редьку, только пар свистит. Навели на чайник — мгновенно закипел, даже крышка взлетела. Вот каким образом и холод одолели. Живем. Привыкать стали, обжились так, что и уезжать не хотелось. Волка пеммиканом кормим, корову — сеном. Сами тоже сыты, не голодаем. А тут и льды сошлись.

Запрягли мы своих рысаков в последний раз и помчались прямым курсом на Петропавловск.

Прибыли, высадились. Представились местным властям. Ну, должен сказать, приняли нас великолепно. Тут, знаете, за нашим походом следили по газетам, последнее время беспокоились, и, когда я рассказал, кто мы, нас, как родных, обласкали: кормят, ухаживают, по гостям водят. Корову мы расковали, сдали в колхоз по акту, волчонка

ребятам в школу подарили для живого уголка... Да что рассказывать... Век бы там гостить, так и то мало.

Но тут, знаете, весна подошла, сломало льды, и мы затосковали по морю. Как утро — на берег. Когда на охоту — моржей пострелять, а то и просто так — посмотреть на океан.

И вот однажды выходим все втроем, прогуливаемся. Фукс на сопку полез. Вдруг слышу — кричит страшным голосом:

— Христофор Бонифатьевич, «Беда»!

Я думал, что случилось: или там камнем ногу придавило, или медведя встретил, — мало ли что! Бросился на помощь. Лом тоже полез. А Фукс все кричит:

— «Беда», «Беда»!

Взобрались мы к нему и, представьте, действительно видим — идет «Беда» под всеми парусами.

Ну, бросились в город. А там уже готовятся к встрече... Мы — на пристань. Нас пропустили, ничего. Однако смотрят уже несколько недоверчиво.

Я ничего не понимаю. Как же так, черт возьми! Ведь на моих глазах «Беда» пошла ко дну. Да что глаза, глаза и обмануть могут. Но ведь есть соответствующая запись в вахтенном журнале. А ведь это как-никак документ, бумага. И Фукс свидетель, а выходит так, что я дезертировал, что ли, с судна в минуту опасности. «Ну, — думаю, — подойдут поближе, разберемся».

А подошла яхта — и вовсе стало непонятно. Смотрю — за рулем стоит Лом, тут же рядом — Фукс, шкотовым. А у мачты — я и команду подходам.

«Да такого, — думаю, — не может быть! Может быть, это не я?» Пригляделся: нет, я. Тогда на берегу не я? Пощупал живот: нет, и на берегу вроде я. «Что же это, — думаю, — раздвоение лич-

ности, что ли? Да нет, ерунда все это, просто сон мне приснился...»

— Лом,— говорю,— ну-ка, ущипните меня.

А Лом тоже сам не свой.

Однако, знаете, ущипнул, постарался так, что я не сдержался, вскрикнул даже...

Тут внимание собравшихся обратилось на меня, на Лома, на Фукса. Обступили нас.

— Ну,— говорят,— капитан, может быть, вы объясните создавшееся положение?

А «Беда» между тем подходит по всем правилам. Вот, знаете, кранцы выложили. Дали выбро-

ску, пристают. Вот этот двойник мой раскланивается, берет под козырек.

— Разрешите, — говорит, — представиться: капитан дальнего плавания Врунгель с командой. Заканчивая кругосветный спортивный поход, прибыл в порт Петропавловск-Камчатский...

Публика на пристани кричит «ура», а я, знаете, так ничего и не понимаю.

Нужно вам сказать, что я ни в какую чертовщину не верю, но тут пришлось призадуматься. А как же, понимаете? Стоит передо мной живое привидение и разговаривает самым нахальным образом.

А главное, я в дурацком положении. Вроде такого мистификатора или самозванца... «Ну ладно, — думаю, — поглядим, что дальше будет».

И вот, знаете, сходят они на берег. Я стремлюсь выяснить положение, пробираюсь к ним, но меня оттирают, и слышу, тому Врунгелю рассказывают, что тут есть уже один Врунгель с командой.

Он остановился, осмотрелся кругом и вдруг заявляет:

— Ерунда! Не может быть никакого Врунгеля: я его сам потопил в Тихом океане.

Я как услышал, так сразу все понял. Вижу, понимаете, старый приятель, мечтатель адмирал, господин Хамура Кусаки под меня работает.

Ну, пробился я со своей командой, подхожу вплотную к нему.

— Здравствуйте, — говорю, — адмирал! Как доехали?

Он растерялся, молчит. А тут Лом подступил, да как размахнется — и Лома номер два одним богатырским ударом поверг наземь. Тот упал, и глядим — у него вместо ног ходули торчат из брюк.

Тут Фукс осмелел, подлетел к Фуксу номер два, вцепился ему в бороду и оторвал разом.

Лому-то с Фуксом хорошо: у одного рост, у

другого борода, а у меня никаких характерных признаков... «Чем же, — думаю, — мне-то своего двойника донять?»

И вот, пока думал, он сам придумал лучше меня. Видит, дело дрянь, достает кортик, хватает двумя руками — раз-раз! — и распорол живот накрест... Харакири, самый самурайский аттракцион... Я даже зажмурился. Не могу я, молодой человек, на такие вещи хладнокровно смотреть. Так с закрытыми глазами и стою, жду.

Вдруг слышу — народ на берегу тихонько посмеивается, потом погромче, а там и хохот пошел.

Тогда я открыл глаза — и опять ничего не понимаю: тепло, солнце светит, и небо чистое, а откуда-то вроде снег идет.

Ну, пригляделся, вижу — двойник мой заметно похудел, однако жив, а на животе у него зияет огромная рана и из нее пух летит по всему берегу...

Тут, знаете, кортик у него отобрали, взяли под белые руки довольно вежливо и повели. И команду его повели. А мы не успели опомниться, смотрим — качают нас.

Ну, покачали, успокоились, выяснили отношения, потом пошли яхту осматривать.

Я вижу — не моя яхта, однако очень похожа. Не обошел бы я на своей весь мир — сам мог бы перепутать. Да. Ну, заприходовали эту посудину, как полагается, а на другой день и пароход пришел.

Распрощались мы. Потом я с Фуксом уехал и вот, видите, до сих пор жив, здоров и молод душой. Фукс исправился, поступил на кинофабрику злодеев играть: у него внешность для этого подходящая. А Лом там остался, командовать этой яхтой.

Вскоре я от него письмо получил. Писал он, что ничего, справляется, и яхта неплохо ходит. Конечно, эта «Беда» не «Беда». Ну, да это не беда, все-таки плавает... Да.

Вот так-то, молодой человек. А вы говорите, что я не плавал. Я, батенька мой, плавал, да еще как плавал! Вот, знаете, стар стал, память слабеет, а то бы я вам рассказал, как я плавал.

До позднего вечера сидел я тогда и слушал, боясь проронить слово. А когда Врунгель закончил свой необыкновенный рассказ, я спросил почтительно и скромно:

— А что, Христофор Бонифатьевич, если бы записать эту историю? Так сказать, в назидание потомству и вообще...

— Ну что же, — ответил он, подумав, — запишите, пожалуйста. Мне скрывать нечего, правду не утаишь... Пишите, голубчик, а как закончите, я посмотрю и поправлю, если что не так...

В ту же ночь я сел за работу, и вскоре объемистый труд, начисто переписанный крупным почерком, лежал у Врунгеля на столе.

Христофор Бонифатьевич внимательно просмотрел мои записки, кое-где сделал незначительные, но весьма ценные поправки, а через два дня, возвращая мне рукопись, сказал несколько огорченно:

— Записали вы все правильно, слово в слово... Вот только с вами-то я по-свойски говорил, как моряк с моряком, а иной попадетса бестолковый читатель и, может случиться, не так поймет. У меня у самого в молодости презабавный был случай: я еще тогда только-только на море пришел, юнгой плавал. И вот стояли мы как-то на якоре... Штурман был у нас — серьезный такой человек, не дай бог. И вот собрался он на берег. Прыгнул в шлюпку и кричит мне:

— Эй, малый, трави кошку, да живо!

Я услышал и ушам не верю: у нас на судне кот был сибирский. Пушистый, мордастый, и хвост, как у лисы. Такой ласковый да умный, только что не говорит. И вдруг его травить! За что? Да и чем травить, опять же? Я в этом смысле спросил

у штурмана... Ну и выдрали меня тогда — как говорится, линьков отведал. Да-с... Вот я и боюсь: станут люди читать, напутают в терминологии, и тут такая может получиться двусмысленность, что я перед читателем предстану в нежелательном виде. Так что уж вы, батенька, потрудитесь: все морские слова в отдельный списочек, по порядку русского алфавита, подберите и мне представьте. А я на досуге займусь, обдумаю это дело и дам свои объяснения.

Я не преминул выполнить это указание и вскоре представил Врунгелю небольшой список, слов в шестьдесят. Он просмотрел, обещал к утру написать объяснения, потом попросил неделю сроку, потом заявил, что раньше чем через месяц не управится, а когда год спустя я как-то напомнил об этом злополучном словарики, Христофор Бонифатьевич рассердился не на шутку, обозвал меня мальчишкой и дал понять, что дело это серьезное и торопиться с ним не следует.

Так и вышла книжка без словарика. И ничего, читали люди и, в общем, кажется, правильно все понимали. Но вот недавно, когда готовилось новое издание «Приключений капитана Врунгеля», Христофор Бонифатьевич вызвал меня и торжественно передал свой последний научный труд.

Мы тщательно изучили эту интересную работу и, оценив ее по достоинству, решили напечатать полностью.

Рассуждение

*капитана дальнего плавания Христофора Бонифатьевича Врунгеля
о морской терминологии*

Мною и другими наблюдателями неоднократно было замечено, что человек, вдоволь испивший соленой влаги из бездонной чаши океана, пора-

жается странной болезнью, в результате которой со временем наполовину теряет бесценный дар человеческой речи.

Такой человек вместо слов родного языка, вполне точно обозначающих тот или иной предмет, применяет вокабулы, столь затейливые, что порой с личностью, не зараженной этой болезнью, уже и объяснить не может. Когда же такая личность в непонимании разводит руками, больной глядит на нее с презрением и жалостью.

В ранней молодости недуг этот поразил и меня. И сколь настойчиво ни пытался я излечиться, меры, принятые мною, не принесли желанного исцеления.

По сей день выстрел для меня не громкий звук огнестрельного оружия, а рангоутное дерево, поставленное перпендикулярно к борту; беседка — не уютная садовая постройка, а весьма неудобное, шаткое висячее сиденье; кошка в моем представлении, хотя и имеет от трех до четырех лап, является отнюдь не домашним животным, но маленьким шлюпочным якорем.

С другой стороны, если, выходя из дому, я спускаюсь по лестнице, на бульваре отдыхаю на скамейке, а придя домой, разогреваю чай на плите, то, стоит мне попасть на судно (хотя бы и мысленно), эти предметы сразу превращаются в трап, банку и камбуз соответственно.

Поразмыслив над этим, я решил было вовсе изгнать все морские термины из своего лексикона, заменив их теми словами, которые с давних пор существуют в обычном нашем живом языке.

Результат, однако, получился весьма нежелательный: первая же лекция, прочитанная мною в соответствии с принятым решением, доставила много ненужных огорчений как мне, так и моим слушателям.

Начать с того, что лекция эта продолжалась зтрое дольше против обычной, ибо оказалось, что в морском языке есть немало терминов, вовсе не имеющих замены. Я же, не желая отступать от принятого решения, каждый раз пытался заменить эти термины их пространными толкованиями. Так, к примеру, вместо слова рея я каждый раз говорил: «Круглая деревянная балка, несколько утолщенная в средней части, горизонтально подвешенная на высоком тонком столбе, вертикально установленном на судне...» Вместо слова руль я принужден был повторять: «Вертикальная пластина, с помощью рычага или нового специального привода поворачивающаяся на вертикальной оси, укрепленной на подводной части задней оконечности судна, служащая для изменения направления движения последнего...»

Сожалея при этом о напрасной трате времени, потребного для неоднократного произнесения этих определений, я старался выговаривать их одним духом, скороговоркою. А так как слов, требующих подобных разъяснений, попадалось немало, лекция моя стала походить на заклинание волшебника или на камлание шамана. И вполне естественно, что слушатели мои, несмотря на все старание, в котором я не имею оснований сомневаться, ничего из моих объяснений не усвоили и, более того, не поняли.

Огорченный неудачей, я тем не менее не пал духом. Терпеливо и внимательно я снова проработал этот вопрос, и после всестороннего изучения имеющихся на эту тему трудов и литературных источников, сопоставив их с собственными наблюдениями, я пришел к выводу, что:

морская терминология есть не что иное, как специальный морской инструмент, которым каждый моряк обязан владеть столь же уверенно и искусно, сколь уверенно плотник владеет

топором, врач — ланцетом, а слесарь — отмычкой.

Но, как во всяком деле, инструмент непрерывно совершенствуется, частично вовсе исключается из обихода, частично заменяется новым, более простым и удобным в обращении, нередко заимствованным из другого ремесла, так и в морской практике — одни термины широко входят в состав общегражданского живого языка, как то произошло, например, со словами: мачта, руль, штурман; другие же, напротив, вовсе утрачивают свое былое значение и заменяются новыми, общепринятыми, как то было со словами антретно или триангль, которые не так еще давно прочно держались в морском словаре, а ныне совсем забыты, уступив свое место словам приблизительно и треугольник соответственно.

Изложенное позволяет рассчитывать, что со временем, путем взаимных разумных уступок, моряки и сухопутные люди придут наконец к одному общепонятному языку. Надеяться, однако, что такое слияние произойдет в ближайшем будущем, нет оснований. А посему сегодня при чтении всякой серьезной работы по морскому делу, такой, например, как описание моих приключений во время плавания на парусной яхте «Беда», для человека, не овладевшего вполне морским языком, обязательно (!) пользование хотя бы небольшим пояснительным словариком, который и предлагается мною читателю.

ТОЛКОВЫЙ МОРСКОЙ СЛОВАРЬ
ДЛЯ БЕСТОЛКОВЫХ СУХОПУТНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Составлен Х. Б. Врунгейем

Анкерок.— Не случайно многие морские словари начинаются у нас этим словом, с которым некоторым образом связано самое начало русского флота. Как известно, в строительстве первых русских кораблей принимали участие голландские специалисты — мастера корабельного дела и мастера выпить. Нельзя сказать, однако, что пили они без меры. Мерой для вина как раз и служил анкер — крепкий деревянный бочонок ведра на два, на три. Такой бочонок — анкерок — и сейчас держат на каждой спасательной шлюпке, только хранят в нем не вино, а пресную воду.

Балл.— Не следует путать со словом «бал»! Бал — это вечер с танцами, а балл — отметка, которую моряки ставят погоде, мера силы ветра и волнения. 0 баллов — штиль, полное безветрие... 3 балла — слабый ветер... 6 баллов — сильный ветер... 9 баллов — шторм, очень сильный ветер. Когда дует шторм, и судну и экипажу тоже порой приходится потанцевать! 12 баллов — ураган. Когда небольшое судно попадает в зону урагана, случается, что моряки говорят: «Кончен бал!», — и бодро идут ко дну.

Балласт — на суше лишний, ненужный груз. А на море когда как: если много балласта — нехорошо. А совсем без балласта — еще хуже: можно перевернуться. Вот и приходится возить камни, чугунные чушки, песок и прочие бесполезные тяжести, которые кладут на самое дно, чтобы придать судну устойчивость.

Боцман.— Слово это состоит из двух голландских слов: бот — судно и ман — человек. Боцман — судовой человек, лодочник. А у нас боцман — старший матрос, хозяин палубы.

Брашпиль — тоже составное слово из голландских: *браден* — жарить и *спит* — вертел. Только на брашпиле никто ничего не жарит. На него наматывают якорный канат, чтобы *в ы х о д и т ь* — поднять якорь. Выхаживать якорь — работа не легкая. Если брашпиль ручной — изжариться не изжаришься, а запариться очень просто.

Бункер — угольная яма на корабле, склад угля. Тут и объяснять нечего.

Ванты — растяжки, которые удерживают мачту, чтобы не упала, чего доброго.

Вира. — С этим словом всегда неприятности. Все моряки твердо знают: *вира* — поднять, *майна* — спустить. А на берегу многие путают.

Гарпун — палка с острым, зазубренным наконечником, привязанная к длинной веревке. Такими гарпунами в старину били крупного морского зверя. Случалось, что и друг друга били, когда ссорились. Современный гарпун совсем не похож на старинный. Им стреляют из пушки. Бить китов им очень удобно, а вот для рукопашной драки он не годится — тяжел.

Грот — пещера, обычно искусственная. А в морском деле *грот* — главный парус на главной мачте.

Док — маленький искусственный залив с воротами. Корабль вводят туда, плотно запирают ворота, а воду выкачивают. В доке корабли осматривают, ремонтируют, красят, а когда заканчивают работу, напускают в док воды, корабль всплывает и выходит.

Драить — накручивать. *Задраить* — закручивать. А вот *надраить* — почему-то начистить до блеска.

Дрейф. — В пяти буквах этого слова заключено шесть значений: 1) *лечь в дрейф* — так поставить паруса, чтобы судно топталось на месте; 2) *дрейф* — уклонение от курса (см. *курс*) под влиянием ветра и течения; 3) плавание по воле стихии без руля и без ветрил, как говорится; 4) плавание вместе со льдами; 5) движение судна, стоящего на якоре, когда в сильный шторм якорь не держит. В этом случае капитан порой тоже начинает: 6) дрейфить, как бы не бросило на мель.

Заштилеть — попасть в штиль (см. *балл*).

Зенит — точка в небе прямо над головой наблюдателя. Эту точку каждый может увидеть. *Надир* — противоположная ей точка небесной сферы. Эту точку

даже самый внимательный наблюдатель увидеть не может — земной шар мешает.

Зыбь — волнение на море. Когда зыбь без ветра, капитану волноваться не приходится, а вот когда с ветерком — бывает, и поволнуешься.

Зюйдвестка — очень некрасивая штормовая шляпа из промасленной ткани. Вода с полей такой шляпы стекает на плечи и на спину, а за шиворот не попадает. Вот уж, как говорится: «Не красиво, да спасибо!»

Камбуз — судовая кухня и судовая кухонная плита — это все уже знают.

Кашалот — кит без усов, но с зубами. Любопытен, но глуп.

Киль — хребет корабля, к которому крепятся корабельные ребра. Килем называют еще плавники, приделанные к корабельному брюху, служащие для улучшения мореходных качеств судна.

Клотик — крыша мачты. Казалось бы, зачем мачте крыша? А вот нужна. Иначе дождевая вода просочится по порам дерева, и мачта изнутри загниет. Вот и делают круглую деревянную нашлепку наверху мачты — клотик.

Контркурс — это когда два корабля идут параллельно навстречу друг другу.

Корвет — трехмачтовое военное парусное судно. В наше время существует только на картинах и в книжках.

Кубрик — общая жилая каюта и распространенная собачья кличка.

Курс — направление движения судна. Также направление ветра по отношению к идущему под парусами судну. Если ветер дует прямо в корму, говорят, что курс фордевинд. Когда не в корму, но сзади — бакштаг. Когда прямо в бок — галфинд. В скулу — бейдевинд. Ветер, дующий прямо в нос, прежде названия не имел, но этот пробел в морской терминологии заполнен Х. Б. Врунгелем, предложившим название «Вмордувинд», которое прочно вошло в морской словарь.

Лавировать — на суше дело хитрое: и нашим и вашим угодить, и направо и налево поклониться, и по грязи пройти, ног не замочив. А у нас на море — проще простого: идти против ветра зигзагами да обходить опасности. Вот и всё.

Лаз и лот — приборы. Первый — для определения скорости хода и пройденного пути. Второй — для определения глубины. В старину говаривали: «Без лота —

- без ног, без лага — без рук, без компаса — без головы».
- Лоцман* — человек, который проводит корабли в опасных и трудных местах.
- Люк* — отверстие в палубе.
- Миля* — морская мера длины, равная 1852 метрам. Часто нас, моряков, упрекают за то, что мы никак не перейдем на километры, а мы и не собираемся и вот почему: часть меридиана от экватора до полюса разделена на 90 градусов и каждый градус на 60 минут. Величина одной минуты меридиана как раз и составляет милю.
- Набить*. — Смотря по тому, что набить. Если снасть набить — это значит натянуть так, что дальше некуда.
- Надир* — см. зенит.
- Нактоуз* — буквально: «ночной домик». В старину так называли ящик с фонарем для освещения и защиты компаса. В наше время нактоуз — высокий шкафчик вроде тумбочки. На нем наверху ставят компас, а внутри прячут хитрые приспособления, которые следят за тем, чтобы компас врал, да не завирался.
- Оверкиль* — слово, которое часто произносят, но почти никогда не пишут, вероятно из скромности. Сделать оверкиль — это значит перевернуть судно кверху килем.
- Оверштаг* — такой поворот парусного судна, при котором оно проходит через положение вмордувинд (см. курс).
- Остойчивость* — то же, что и устойчивость.
- Пакгауз* — склад.
- Пассаты* — восточные ветры, весьма постоянно дующие в тропических широтах (см. это слово).
- Подвахта, подвахтенный* — сменившийся с вахты. В случае необходимости подвахтенные в первую очередь вызываются для помощи вахтенным. Поэтому у подвахтенных есть правило: если хочешь спать в уюте — спи всегда в чужой каюте.
- Порты* — всякие ворота. В бортах кораблей — пассажирские, грузовые, угольные, пушечные порты. У доков батопорты — специальные суда, которые затопляются в воротах доков и своим корпусом запирают вход в док. Порт — так же место стоянки кораблей. Торговые и военные порты — морские ворота страны.
- Прокладка курса* — постоянно ведущаяся отметка на карте места, в котором находится судно.
- Рангоут* — буквально: «круглое дерево» — мачты, реи и т. п. Сейчас на больших кораблях почти весь

рангоут металлический, клепаный или сваренный из стальных листов. Получается круглое дерево, сваренное из стальных листов... Вот и разберись тут!

Роль судовая — ничего общего не имеет с ролью в спектакле. Там роль играют, а с судовой ролью играть не положено. Это важный документ — список всех людей, находящихся на корабле. Внести в роль — значит зачислить в состав команды. Списать — значит вычеркнуть из роли, уволить из состава команды, удалить с корабля.

Семафор — разговор, вернее — переписка с помощью ручных флажков. Каждой букве соответствует особое положение рук с флажками. Про сигнальщика, который передает буквы по семафору, говорят: пишет.

Секстан, секстант — инструмент для определения места судна. Последние тридцать лет идет спор, как писать это слово. Штурманы, которые пользуются этим прибором, называют его «секстан» и пишут так же, а все остальные и говорят и пишут «секстант». Кто прав — так и неизвестно.

Склянки — полчаса. В ту пору, когда на судах были песочные часы — «склянки», вахтенный каждые полчаса ударом в колокол оповещал весь корабль о том, что он следит за временем и не забыл перевернуть получасовую склянку. Песочных часов давно нет на судах, а обычай остался: на всех кораблях каждые полчаса звонят в колокол — бьют рынду. У этого выражения тоже интересное прошлое. Англичане говорили: «ринг дзэ белл» — бить в колокол, а у нас переделали в «рынду бей» — так и пошло!

Снасть — см. трос.

Списать — см. роль.

Сходня — дачное место под Москвой. А на судне — переносный мостик из доски, иногда с перильцами, по которому сходят с судна на берег. Обратное с берега на судно входят по той же сходне, но входней ее в этом случае не называют.

Счисление — приближенное определение места судна путем расчетов и построений на карте.

Такелаж — см. трос.

Трафальгарская битва — знаменитое морское сражение, в котором 21 октября 1805 года английский адмирал Нельсон разбил превосходящую по силам соединенную эскадру французских и испанских кораблей под командой адмирала Вильнева.

- Трос* — снасть, всякий канат, веревка, веревочка. Если веревка привязана хотя бы одним концом к чему-нибудь на судне, она уже становится частью такелажа.
- Трюм* — корабельное брюхо, помещение для груза на корабле.
- Утка* — деревянное или металлическое приспособление для крепления снастей. Так еще называют водоплавающую птицу, различая при этом утку домашнюю и утку дикую.
- Фальшборт* — часть борта выше главной палубы. Приходится следить, чтобы в этой части корабля никакой фальши не было, а то, не ровен час, и в воду свалиться недолго.
- Фиорд* — узкий извилистый залив с высокими берегами.
- Флюгер* — легкий флажок на мачте для определения направления ветра.
- Фордевинд* — см. курс.
- Фрахт* — плата за перевозку груза по морю, а также груз, за перевозку которого по морю взимается плата.
- Фут* — мера длины, около 30 сантиметров.
- Хронометр* — точные астрономические часы.
- Швартовы* — тросы, которыми корабль привязывают к берегу или к другому кораблю.
- Широта* — выраженная числом удаленность от экватора.
- Штиль* — см. балл.
- Штурмтрап* — веревочная лестница. По ней и в тихую погоду нелегко взбираться, а в шторм и подавно. Особенно в зрелом возрасте!
- Якорь*. — На этом слове удивительным образом замыкается круг морского словаря, ибо якорь на голландском языке называется, произносится и пишется точно так же, как и бочонок для вина — анкер, с которого начался этот словарик (см. а н к е р о к).

МОРСКИЕ САПОГИ

Много лет назад я впервые увидел Тихий океан. Матросом, кочегаром, рыбаком и ловцом морского зверя обошел я все побережье от Чукотки до Посъета, а потом молодым штурманом мне пришлось водить корабли по Охотскому морю.

Много интересного повидал я за эти годы, и кое-что из того, что пришлось пережить и увидеть, я, как сумел, записал в своих рассказах.

Из этих рассказов в 1935 году собралась моя первая книжка — «Морские сапоги». Ее тогда охотно читали ребята.

С тех пор прошло много лет. Мои первые читатели выросли. Многие из них стали хорошими моряками.

Недавно мне в руки попала эта книжка. Я полистал ее, вспомнил, и мне подумалось, что сегодняшним ребятам тоже, наверное, интересно прочесть эти рассказы.

Правда, многое изменилось на Дальнем Востоке. Могучие промысловые и транспортные корабли под красным советским флагом бороздят сегодня воды Тихого океана. И люди там живут другие, и техника другая пришла в Приморье, и жизнь там стала другая. Но почему бы, подумалось мне, нашим ребятам не узнать о том, как полвека назад жили и трудились их деды на Дальнем Востоке? Ведь эти люди из забытого, истерзанного гражданской войной и интервенцией края голыми руками создавали то, чем сегодня стал наш советский Дальний Восток.

МОРСКИЕ САПОГИ

К вечеру отец вернулся из города. Он привязал лодку, поднялся на пристань, почерневшую от времени, и, уверенно ступая, зашагал по берегу. Одной рукой он придерживал на плече весла и багор, в другой — нес большой узел, завязанный в новый пестрый платок.

— Пап, чего привез? — крикнул Гришка, выбегая навстречу.

Отец промолчал. Тогда впереди отца, пританцовывая и оглядываясь на каждом шагу, Гришка помчался к дому.

У крыльца отец поставил весла, потопал, сбивая песчинки, прилипшие к ногам, и не спеша вошел в дверь. Потом так же неторопливо он положил узел на лавку, развязал платок, развернул белую тряпицу, и тут Гришка, глаз не спускавший с отцовских рук, ахнул от неожиданности. Он с самого начала догадался, что ждет его знатный гостинец, но такого подарка и он не ожидал. В свертке оказались сапоги. Да какие! Настоящие морские сапоги, с высокими голени-

щами раструбом, с двойным носком, с толстой подметкой, подкованной медными гвоздями. И пахли они не кремом каким-нибудь, а настоящим дегтем. О таких сапогах Гришка мечтал давно, они ему и во сне снились. И вот теперь, когда сапоги оказались у него в руках, Гришка испугался, что будут они не впору. Уж больно маленькими, точно игрушки, показались его сапоги рядом с отцовскими.

Наскоро поблагодарив отца, Гришка достал из своего сундучка чистые портянки, ладонями вытер правую ногу, умело подмотал портянку и за ушки, осторожно, натянул сапог. Он пришелся в самый раз, и у Гришки отлегло от сердца. Левый тоже оказался впору. Гришка встал, потопал, как отец, каблуками, носками, всей ступней... Сапоги сидели, как заказные, и Гришке захотелось сейчас же побегать в них. Он вышел на крыльцо, прошелся по берегу. Он нарочно ступил на груды сучьев, сложенных у сарая. Сучья захрустели, как сухари, а ногам хоть бы что! И галька разлетается из-под сапог во все стороны, точь-в-точь, как у отца, когда он ходит по отмели. Здорovo!

Обегав все кругом, Гришка решил до конца испытать обновку: он важно подтянул голенища и осторожно вошел в реку. Вода охватила ноги, будто кто сжал их холодными ладонями. Поднявшись со дна, забурлили кругом веселые пузырьки, и ни одна капля не просочилась в сапоги.

Гришке вдруг стало стыдно: в настоящих морских сапогах он себя почувствовал настоящим, взрослым моряком, а взрослые никогда не ходят в воду зря, без дела. Можно, конечно, было тут же и выйти на берег, но выходить совсем не хотелось. Тогда Гришка придумал себе дело в воде: окинув хозяйским взглядом пристань, он постоял минуту, будто задумавшись.

— Посмотреть, хорошо ли лодка привязана? —

сказал он наконец и, прямо против течения, разгребая сапогами воду, зашагал к пристани.

Он доверху подтянул голенища, но возле самой лодки все равно черпнул бы сапогами, если бы не успел рыбкой навалиться на корму и задрать ноги кверху. Потом он перелез на нос, перебирая мокрую веревку, подтянул лодку к пристани и нащупал узел. Узел ему не понравился — слабо затянут. Гришка дернул за свободный конец, узел сразу распустился, веревка выхлестнулась из кольца, а Гришка поскользнулся и растянулся поперек банки. Он сразу вскочил, но течением нос лодки уже отвернуло от пристани. Гришка кинулся на корму, но и корма уже отошла далеко, а грести и цепляться было нечем.

Гришка прикинул глазом: доплыть тут не штука, лодку вот только бросить придется. Но это тоже не беда: все равно прибьет ее куда-нибудь, а не прибьет — у отца новая есть лодка, еще лучше. Уже и осмоленная, только спустить осталось. Значит, пока не поздно, нужно плыть. А то унесет на середину — оттуда и не доплывешь...

Вдруг Гришка вспомнил о сапогах. Лодку-то можно бросить, а сапоги не бросишь. И в сапогах не поплывешь — вон они какие, в палец подметки... Сразу потянут на дно, а здесь глубина от самого берега начинается... Разуться да на лодке оставить их? Но об этом Гришка даже и думать не хотел.

Так, ничего не придумав, Гришка сел на банку. А лодку тем временем вынесло поближе к середине реки, на самый фарватер, и потянуло прямо вниз по течению. Шел отлив, и вода быстро скатывалась в море.

Гришка осмотрелся. Солнце уже закатилось за сопку, но было еще светло. Слева, прямо над их маленькой пристанью, высокой стеной уходил под самое небо зеленый берег. Справа, призрачный и

далекий, в плотном куполе дыма кораблей и заводов, раскинулся город Николаевск. Над Амуром, гладким, как зеркало, чуть-чуть курился туман, и на всей реке, сколько хватал глаз, — ни парохода, ни катера, ни паруса...

Тут только Гришка понял, что попал в настоящую беду. Он чуть не разревелся, но вспомнил про сапоги и реветь не стал. Почему-то показалось ему, что вот-вот, само собой, придет спасение: или лодку прибьет к берегу, или на буксир подберет его кто-нибудь, или отец догонит на катере. Так или иначе — не дадут ему пропасть. А раз так, то и гревать нечего.

Забыв об опасности, Гришка стал думать о том, как осенью он придет в школу, как все будут завидовать его сапогам; потом вспомнились ребята, учителя... Свернувшись калачиком, Гришка согрелся и незаметно заснул крепким сном. Спал он долго.

А когда проснулся, уже совсем стемнело, и берегов не стало видно. Дул холодный ветер. Сердитые волны колотили и швыряли лодку. На дне появилась вода. Кругом шумело пустынное, темное море.

Спать совсем не хотелось, зато захотелось есть, так что от голода сосало под ложечкой.

Вдруг Гришке показалось, что в море блеснул огонек. Он пригляделся — над самой водой плыла навстречу желтая звезда. Потом выглянули из темноты еще две звездочки — зеленая и красная. Гришка понял: прямо на него шло самоходное судно. Он не спускал глаз с цветных огоньков. Они быстро надвигались. Сквозь шум волн, ставший уже привычным, Гришка расслышал недалекий стук машины. Еще не решив, что делать дальше, Гришка встал во весь рост, но тут вдруг что-то тяжелое ударило в борт лодки...

Лодка крякнула и повалилась набок. Из тем-

ноты надвинулась неясная громадина. Гришка кинулся отпихивать ее руками, он закричал и тут нечаянно нащупал в темноте что-то жесткое и твердое вроде толстой холодной доски. Он ухватился за эту доску. В то же мгновение вода с шумом хлынула в лодку, лодка ушла из-под ног и пропала. А Гришка так и остался висеть. Со всех сторон его обдавали холодные брызги, он уже вымок до нитки, но не замечал ничего. Крича и болтая ногами, Гришка с каждой секундой крепче впивался руками в холодную доску, понимая, что в этом его спасение.

Вдруг откуда-то сверху упал свет. Гришка быстро огляделся и ясно увидел, что висит над водой, уцепившись за лапу якоря.

— Эй, не скули, парень, держись! — крикнул кто-то сверху.

Свет погас. Стало еще темнее.

Вот тогда Гришке сделалось страшно. Он почувствовал, как слабеют руки. Одежда отяжелела от воды. Вот-вот, казалось ему, он отпустит якорь... Он зажмурился от страха, но тут чья-то сильная рука обхватила его поперек живота.

— Хватайся за трап, дурень! — услышал Гришка тот же голос и, пошарив руками, ухватился за веревку.

Потом нащупал другую веревку, ногой поймал ступеньку и, утвердившись на веревочной лестнице, раскачиваясь и ударяясь о мокрый борт, полез кверху. Невидимые руки подхватили его под мышки и как пушинку вынесли на палубу. Вспыхнула люстра на мачте, палуба осветилась.

Какие-то люди обступили Гришку, его о чем-то спрашивали, но он с перепугу едва стоял на ногах и громко стучал зубами. Потом, подхватив под руки, его повели куда-то по мокрой палубе, и он сам не заметил, как оказался в большой светлой каюте. Посредине каюты стоял стол, оби-

тый белой клеенкой, вокруг стола с трех сторон — мягкие кожаные диваны. Над столом висела яркая лампа. Лампа качалась, и вся каюта тоже качалась. Гришку посадили на диван. Мутные ручейки натекли с его одежды на кожу дивана и змейками побежали по палубе. Гришке почему-то очень стыдно стало за эти ручейки. Он попробовал ладонью задержать их и оглянулся.

Напротив за столом сидел усатый старик в черном кителе с золотыми нашивками на рукавах. Он с интересом посмотрел на Гришку и строго спросил:

— Сколько было-то?

Гришка не понял.

— Сколько вас в лодке было, кто да кто, говорю? — сердито сказал старик, и Гришка совсем испугался.

— А никого, дядя, не было. Я один, — сказал он и разревелся.

— Добре, — сказал старик. — Раз один, тогда и реветь нечего. В море и так рассола хватает. А ну, раздевайся-ка, живо!

— А зачем раздеваться-то? — всхлипнул Гришка и покорно стал расстегивать рубашку.

— Драть тебя буду — вот зачем. Чтобы в море один не шлялся! — ответил сердитый старик и крикнул кому-то: — Стеганку новую принесите, поаккуратнее выберите, да поскорее!

«Стегать будет», — подумал Гришка и поежился. Он решил, что стеганка — это что-то вроде собачьей плетки, и боязливо поглядывал на дверь, ожидая, когда принесут эту плетку. Но вместо плетки принесли ватную куртку и такие же штаны.

— А ну-ка, живо скидай свою робу да одевайся в сухое. Не стану я тебя драть. Давай лучше чай пить, — сказал старик и улыбнулся одними глазами.

Гришка быстро скинул мокрую одежду, набро-

сил куртку, не снимая сапог натянул огромные штаны. Старик сам подвернул ему рукава и усадил рядом с собой на диване. После мокрой рубахи в ватной стеганке показалось так тепло, что Гришка сразу разомлел. Как сквозь сон видел он, что дневальный принес ярко начищенный чайник, что на столе появился хлеб, сахар, брусника, соленая рыба и другая еда. Кто-то расспрашивал Гришку, как он попал в море один в такую пору. Гришка ел, пил, отвечал что-то, а потом, не вставая из-за стола, уронил голову прямо на клеенку и заснул.

Проснулся он в другой каюте, на другом диване. Над ним стоял вчерашний старик и тормозил его:

— Эй ты, заяц морской, вставать пора!

Гришка поднялся и увидел, что тут же на диване сложена его высушенная одежда. Рядом с диваном стояли и сапоги. Гришка вскочил, оделся и стал обуваться. А старик взял другой сапог и долго рассматривал его со всех сторон.

— Да, брат, сапоги у тебя важнецкие, настоящие морские, — сказал он наконец. — Ты где же такие спроворил?

— Отец подарил, — сказал Гришка и, вспомнив отца, спросил растерянно: — А как же он-то теперь, без меня-то?

— Без тебя-то? — удивился старик. — А очень просто: никуда он без тебя-то не денется. Адрес свой знаешь? Ну и молодец. Сейчас дадим ему радио: так, мол, и так, жив-здоров, пионерский привет и прочее, тому подобное. Не скучайте, мол, ждите... Ты у нас пока поплаваешь, ума понаберешься. А сапоги береги, другие такие не скоро заведешь. Да нос вытри. Ясно?

— Ясно, — пробасил Гришка и вытер нос ладонью.

— А раз ясно, тогда пойдем чай пить. Умойся давай, да пошли.

Пока шли в столовую, Гришка узнал, что старик этот — капитан, и еще больше стал гордиться своими сапогами.

«Раз уж сам капитан хвалит, значит, правда хороши сапоги», — решил он и к столу сел так, чтобы каждый, кто войдет, видел его ноги. И каждый, кто входил, непременно замечал Гришкины сапоги и каждый говорил что-нибудь вроде того, что, мол, вот смотрите, у парня сапоги-то какие.

Напившись сладкого чаю с брусникой, Гришка вышел на палубу и тут встретился с боцманом. Это был ладный парень, худощавый, но крепкий в плечах, с розовым, будто ошпаренным лицом, с острым носиком, задорно глядевшим кверху, с маленькими веселыми голубыми глазами.

— Что, герой, поденно палубу топчешь? — нажимая на «о», засмеялся боцман. — Ну отдохни, пойдем, я тебе якорь покажу. Не снял бы я тебя вчера с якоря, ты бы небось и сейчас купался.

Гришка перегнулся через борт и глянул вниз: вода с разбегу ударяла в нос судна и вздымалась двумя прозрачными, как стекло, зелеными крыльями. На самом верху эти крылья загибались, рассыпались белыми брызгами, и брызги косым дождем неслись вдоль бортов. Гришка подобрал на палубе щепочку и бросил туда, вниз. Щепочку подхватило сразу; она закрутилась и пропала.

Гришка вспомнил, как висел там на лапе якоря, поежился и с уважением посмотрел на боцмана.

«Вон какой храбрый, — подумал он, — не испугался. А вдруг бы лестница оборвалась или нога поскользнулась?»

Потом Гришка побывал на мостике и в машине. Он заглянул в камбуз, посидел у радиста, зашел к врачу и часам к одиннадцати успел со всеми перезнакомиться и осмотреть все судно.

Как раз к этому времени машина замолчала, и капитан приказал отдавать якорь. А когда судно встало и развернулось носом на волну, моряки все вместе дружно взялись спускать на воду большой моторный катер. Туда, на катер, опустили веревки, инструменты, какие-то бревна и доски, покрашенные в красный и белый цвет. Потом оделись в брезентовые костюмы, натянули резиновые сапоги и один за другим прыгнули в катер.

А Гришка стоял у борта, смотрел на них и завидовал. И, когда уже завели мотор и когда уже распрощались, пожелав друг другу успеха, капитан вдруг крикнул с мостика:

— Эй, на катере, зайца-то нашего прихватили бы! Пусть покатается!

— Ну давай, Егор, не задерживай! — крикнул боцман, и Гришка, перемахнув через борт, прыгнул вниз, прямо на руки подхвативших его моряков.

Потом катер отвалил и быстро пошел к берегу.

Берег тут был скалистый. Он серой стеной поднимался прямо из воды, и казалось, что влезть на эту стену невозможно. Но моряки у самого берега прыгнули прямо в воду, и один за другим, помогая друг другу, стали карабкаться на скалу.

Груз тоже сбросили прямо в воду. С ним оставили двух матросов, а катер отвели на глубокое место и поставили на якорь.

На катере только трое остались: Гришка, механик и третий помощник капитана. Они смотрели, как моряки одолевают скалу. Видно было, что это нелегко.

Наконец там, на скале, выбрались на вершину, сбросили веревки и стали поднимать туда доски и инструменты. Потом там же, на скале, стали собирать из досок огромный полосатый треугольник. А когда собрали и склотили, поставили его стоймя и начали укреплять на самом краю

обрыва так, чтобы его хорошо было видно с моря.

Такие полосатые треугольники Гришка и прежде не раз видел на сопках по берегам Амура, но он не знал, зачем они там стоят. А тут ему рассказали, что по таким щитам моряки находят дорогу. Называются эти щиты «створами», а их судно специально ходит вдоль берегов, чинит старые и где нужно ставит новые створы.

Гришка не отрываясь смотрел на скалу. Матросы с катера казались совсем маленькими, как мухи, а скала — гладкой, и Гришка удивлялся, как это они там держатся, наверху.

А помощник капитана, вместо того чтобы смотреть на храбрых товарищей, лег на палубу, накрыл лицо фуражкой и сразу захрапел. Ему не впервой была установка створов, а с четырех часов утра он стоял на вахте.

Скоро и механику надоело задирать кверху голову. Он достал бидон из кормового ларя и стал подливать бензин в бак. А Гришка держал во-

ронку и смотрел, как бензин пузырится и пропадает в баке.

Вдруг Гришке послышалось, что кто-то крикнул. Он обернулся.

Сверху со скалы матросы смотрели вниз, а под скалой наполовину в воде лежал человек. Двое матросов, оставшихся внизу, спешили к нему.

— Эй, на катере! Давай сюда, живо! Боцман сорвался! — крикнул один из них.

Механик бросился будить помощника капитана.

— Беда, Володя! — сказал он. — Савельев сорвался. Надо бы его на судно скорее.

Помощник капитана открыл глаза и сразу вскочил на ноги.

— Заводи! — крикнул он, и механик кинулся к мотору. Он хотел завинтить пробку бака, но второпях уронил кожаную прокладку от пробки.

Она покатилась по палубе, шлепнулась в воду и утонула. На этом катере как у примуса был устроен бак: если не закроешь его накрепко пробкой — бензин не пойдет куда нужно, и мотор работать не будет и не заведется даже. А без прокладки, как ни крути пробку плотно, все равно не закроешь бак.

Механик растерянно шарил глазами по всему катеру: искал, из чего бы сделать прокладку, да так, видно, и не нашел ничего подходящего. А с берега торопили, махали руками, кричали, что боцману плохо, кровью истекает человек.

Механик схватился было за пояс, но пояс оказался чуть-чуть поуже, чем надо. Тогда механик плюнул на палубу, посмотрел за борт, на то место, где утонула прокладка, и безнадежно развел руками.

— Ведь вот глупость какая, — сказал он в сердцах, — из-за такой ерунды человек пропадает!

Тут Гришка тронул механика за руку.

— Дядя, а какой ерунды надо-то? — спросил он.

— Кожи мне надо, а не ерунды! — огрызнулся механик и еще раз безнадежно окинул глазами весь катер.

— Дядя, а моя кожа не годится? — не унимался Гришка.

Он и в самом деле готов был свою кожу отдать, только бы спасти веселого боцмана.

— Отстал бы ты, парень, без тебя тошно! — беззлобно ответил механик.

С берега продолжали кричать и махать руками. А катер по-прежнему покачивался на волнах, и хотя помощник капитана давно уже стоял у руля и посматривал на берег, но и он не знал, что делать.

— Дядя, а мои сапоги?! — сказал Гришка.

— Дело! — крикнул механик и, выхватив из кармана складной нож, бросился перед Гришкой на колени и тут же прямо на ногу у Гришки располосовал новенькое голенище и принялся вырезать прокладку.

Помощник капитана поднял якорь, и вскоре катер полным ходом понесся к берегу.

Боцмана бережно положили на палубу. Лицо у него было белое, как мокрая булка, глаза не смотрели, из раны на затылке не унимаясь бежала кровь.

На судне врач зашил эту рану. Боцман порозовел, его голубые глаза открылись, он улыбнулся.

А Гришка босиком топтал палубу и ничуть не жалел своего сапога. Одного он немножко боялся — как бы дома не досталось за то, что он не уберег отцовский подарок.

ЗОЛОТОЙ ЗУБ

В прошлом году, только успел Гаврил Иванович Малыгин вернуться с промысла домой, в Архангельск, вызвали его в контору.

Гаврил Иванович пошел, размышляя о том, зачем понадобился он начальству, но так ничего придумать и не смог. А в конторе начальник сперва вежливо поздоровался с ним, потом стал расспрашивать о промысле, о здоровье, о внуках, а потом вдруг и говорит:

— Ну, вот что, Гаврил Иванович, давай-ка собирайся.

— Это куда же собираться-то мне? — удивился Гаврил Иванович. — Я и так только с моря.

— На Дальний Восток поедешь.

— Эва куда! А чего я там делать буду, на Дальнем-то Востоке?

— Заводят там зверобойный промысел. А специалистов по зверю не хватает. Мы тут посоветовались и решили тебя послать. Можешь поехать?

— Поехать-то хоть куда я могу, — сказал Гаврил Иванович. — Только не подходящее это дело. Ну какой я, к примеру, специалист? Я, батюшка мой, боцман и никакого другого дела не знаю. Да и зверя, я слыхал, бьют там не по-нашему. Там, говорят, на тюленя с берега выходят, а где с берега, там, я думаю, боцман ни к чему. А поехать — почему не поехать? Если для дела, я хоть куда могу.

— Вот в том и вопрос, — отвечает начальник, — что заводят там ботовый промысел. Боты уже отправили, скоро они на место придут, и зверя там вдоволь, а людей знающих нет. Боцманом на бот поедешь?

— А почему не поехать? Если боцманом, можно поехать. Мне в тех краях давно побывать хотелось. Уж больно мне любопытно на котика и на морского льва посмотреть. Зверь, говорят, занятный, а у нас тут не водится...

Вот так и случилось, что приехал Гаврил Иванович во Владивосток. Приехал и прямо с поез-

да — даже город не посмотрел — отправился на свой бот.

Новый бот ему очень понравился: чистенький, прочный, красивый и название неплохое: «Удар».

На «Ударе» стояли две мачты с парусами и двигатель в восемьдесят лошадиных сил. Небольшая машина, ну да и сам бот невелик. Зато был он построен так, что ему никакие льды не опасны. Если даже льдины прихватят и зажмут судно со всех сторон, все равно его не раздавит, а только выжмет на лед.

На таком боте не страшно идти в ледовое море. Но Гаврил Иванович с первого же дня, как пришел на судно, стал все щупать, пробовал, крепко ли, нет ли где гнили и слабины. Старый моряк знал, что лучше на берегу все проверить, а потом уж и плавать спокойно. «Удар» отправлялся не на прогулку, а в ледовое плавание на два месяца. За такой срок в море все может случиться.

На первый раз дали «Удару» задание: добыть две тысячи голов зверя — все равно какого, хоть нерпы, хоть лахтака, хоть сивуча. Задание не очень большое, но, чтобы его выполнить, нужно знать места, где искать зверя. Ведь и в море зверь не везде живет. В одном месте густо, а в другом, как говорится, — пусто. И вот, чтобы зря по морю не бродить, не тратить время на поиски, взяли на бот двух научных сотрудников.

Один из них, комсомолец Петя Никулин, прежде сам плавал матросом. Он вдоль и поперек прошел все Охотское море, все берега облазил и на самолете не раз летал надо льдами и над островами. Он не первый год занимался своим делом и составил целый альбом с картами. На этих картах было помечено, где какой зверь лежит, где пасется, в какое время куда плывет.

Гаврил Иванович познакомился с Петей, заглянул в его альбом и сразу решил, что Петя —

парень толковый, от такого большая помощь охотникам. И на вид он понравился боцману: высокий, курносый и ходил, как все на «Ударе», в ватной стеганой куртке, в таких же штанах и в сапогах с высокими голенищами.

А другой, Виктор Васильевич Хомяков, оказался хитрым бездельником. О морском звере знал он меньше любого матроса, но делал вид, будто только он один в этом деле и понимает. А держался так уверенно, что ему поверили и назначили в рейс.

На судно пришел он в модном пиджачке, в лакированных полуботинках, с плащом, перекинутым через руку. Он представился капитану, на других даже и не посмотрел и первым делом спросил, где его каюта и скоро ли обед.

Гаврил Иванович услышал это, посмотрел на Хомякова и покачал головой.

— Вот это работничек, — сказал он капитану. — Идет на зверобойку, а вырядился, как на бал. Про дело ничего не спросил, а насчет койки сразу беспокоился.

— Полно, Гаврил Иванович, — возразил капитан. — По одежке-то не встречай человека. Он, я слышал, парень знающий.

— Ну, да ведь я ничего, — сказал боцман, — встретить-то всяко можно. Как вот провожать будем?

— Поживем — увидим, — согласился капитан. — Давай, Гаврил Иванович, людей по местам. Будем отходить.

Боцман засвистел в свисток. Матросы забегали по палубе, а полчаса спустя «Удар» уже вышел из залива и взял курс на Охотское море.

«Удар» шел на север, и, хоть шел он открытым морем, с каждым днем все менялось кругом. Похолодала погода, вода стала темно-зеленой, потом кое-где появились редкие льдинки, потом пошел

частый лед. Он весело сверкал на солнце и с хрустом ломался, ударяя в борта.

Гаврил Иванович забрался на мачту и огляделся кругом. Оттуда, с мачты, казалось, будто кто-то разбросал клочки бумаги на зеленом столе. Но сколько ни смотрел Гаврил Иванович, ни на льдах, ни в воде не заметил он ни моржа, ни тюленя.

— Ничего, Гаврил Иванович,— сказал Петя, когда боцман спустился,— завтра встретим зверя. Готовь винтовки.

Боцман послал двух матросов в трюм. Они принесли целый ящик старых австрийских винтовок, распаковали и поставили на палубе. Эти винтовки заряжаются сразу на десять зарядов и стреляют толстенными пулями в медных оболочках. Боцман обтер винтовку, осмотрел, прикинул на руке, прицелился.

— Ничего винтовка, прикладистая,— сказал он,— для промысла в самый раз. Только метко ли бьет? Лежали-то они сколько? Так, может, мушки посбиты или прицелы. А на зверя оружие нужно, чтобы без промаха било. Пристрелять придется.

Он пристроил к передним вантам лист фанеры, приколол к нему бумажную мишеньку, а с кормы, с другого борта, стал стрелять. Так он отобрал исправные винтовки, а потом каждый выбрал себе оружие по руке и по глазу. Винтовки прочистили, смазали, разобрали патроны. Запаслись ножами и баграми. К вечеру всё подготовили, можно бы и начинать промысел, только зверя по-прежнему не было.

А утром, едва рассвело, всюду на льдинах показались тюлени.

Хомяков поднялся на мостик, посмотрел направо, посмотрел налево.

— Ну вот, я же говорил, что нынче зверя встретим,— сказал он капитану и отправился завтракать.

А Петя Никулин стоял рядом с боцманом на палубе и разглядывал зверя в бинокль.

— Ну как, Гаврил Иванович,— спросил он,— нравится наш зверь?

— Так что ж, зверь как зверь, обыкновенный,— ответил Гаврил Иванович,— будкий, похоже, а так ничего, гладкий зверь.

Зверь и в самом деле оказался будкий. Как только раздался первый выстрел, все нерпы на милю кругом скользнули со льдин на воду и, высунув круглые головы, смотрели умными глазами на охотников. А на воде нерпу нельзя бить, потому что она сразу тонет.

Гаврил Иванович посмотрел на такую охоту и загрустил о родных северных морях.

— Это, Петя, разве промысел: в час по шутке? — жаловался он.— Вот ты к нам приезжай. Там у нас на льдах зверь лежит спокойный. За день такая, как наша, артель по тысяче промышляет и больше...

— Подожди, Гаврил Иванович,— утешал боцмана Петя,— вот найдем залежку, увидишь, что и тут зверя хватает. Недаром же наше море Охотским называется.

Но пока что дело шло совсем плохо. За два дня набили с полсотни нерпы, и капитан забеспокоился: приближалось осеннее время, штормы, туманы, а в шторм да в туман какая уж там охота! Тут гляди в оба: как бы на мель или на скалы не выскочить.

Нужно было торопиться, и капитан решил созвать совещание.

Когда Пете дали слово, он полистал свой альбом и сказал просто:

— Раз такое дело, сейчас нужно к Шантарам идти. Там сивуч на островах густо лежит, и я так думаю, что там мы за неделю план выполним.

Хомяков молчал, слушал, что другие говорят,

а когда ему дали слово, важно прокашлялся и произнес значительно:

— Учитывая сложившуюся на данном этапе промышленной кампании обстановку, я считаю, что в настоящий момент следует перенести активные действия в район архипелага Шантарских островов. В указанном районе я надеюсь обнаружить на осенних за-

лежках столь значительные скопления ластоногих, в частности сивуча, что можно предположительно рассчитывать на ежедневное выполнение до четырнадцати-пятнадцати процентов плана.

Многим показалось, что речь Хомякова самая умная. А боцман толкнул в бок соседа и, улыбувшись, сказал шепотом:

— Вот мастер языком молоть. Ведь слово в слово что и Петя сказал, только длинно, мудрено и непонятно.

В общем, так и решили: идти к Шантарам. Проложили новый курс на карте и под утро вышли к острову Сахарная Голова. Этот остров торчит из воды, как колокольня, а вершина у него больше полгода покрыта снежной шапкой. На этом острове осенью живут сивучи.

Гаврил Иванович был очень доволен таким решением. Он давно мечтал поохотиться на морских львов, и теперь его старая мечта должна была сбыться. Он еще до рассвета вышел на палубу и глаз не спускал с моря: все глядел, не откроется ли впереди остров. Но тут, как назло,

едва рассвело, упал на море густой туман и не то что остров на горизонте, а верхушку мачты и ту не стало видно.

«Удар» встал на якорь. Люди разошлись по каютам, а боцман все ходил по палубе, смотрел, слушал: не потянет ли ветерок, не разгонит ли белые клочья тумана.

Вдруг он поднял голову, понюхал воздух и пошел к капитану.

— Похоже, у нас с наветра много зверя лежит,— сказал он.

— А ты почему знаешь, что с наветра и что много?

— Ветром дух несет, сильно моржом пахнет,— сказал боцман.

— Вон что,— улыбнулся капитан,— ну, однако, пойдём поглядим, понюхаем.

Он надел меховую куртку, теплую шапку и вышел на мостик.

— Молодец ты, Гаврил Иванович. Моржом не моржом, а зверем действительно пахнет,— согласился капитан и велел поднимать якорь.

Самым малым ходом, чтобы в тумане не налететь на мель, «Удар» пошел против ветра. Прошли так час.

Вдруг сильнее потянул ветер с берега, и все на судне сразу услышали далекий крик, лай, вой, писк и визг. Точно тысяча собак затеяли драку. Потом сквозь эти звуки услышали шум прибоя впереди и опять бросили якорь.

И, хоть рядом был зверь, и много зверя,— все равно нельзя было начинать промысел, потому что туман стал еще гуще. Так заволокло, что вытянешь руку и пальца не увидишь.

Простояли до утра. А утром туман разнесло, и открылся совсем рядом остров Сахарная Голова.

Внизу вокруг острова и на его склонах башнями торчали высокие острые скалы, а у самой

воды расстилался узкий каменистый пляж. И на пляже и на скалах — всюду виднелись сивучи. Тут их сотни были, а может быть, и тысячи.

Гаврил Иванович в бинокль рассматривал морских львов, то и дело покачивая головой. Он и вырос и состарился на зверобойке, а таких зверей еще не видывал. Они были коричневые, величиной с корову, а по виду вроде тюленя, только с ушами и с гривами.

Тюлень на льдину с трудом влезает. А эти на самые вершины скал забирались да еще и дрались там. Они налетали друг на друга, кусались, били один другого здоровенными лапами. А внизу, на пляже, ползали потихоньку маленькие сивучата. При этом все они, и маленькие и большие, ревели на разные голоса.

С «Удара» спустили четыре шлюпки и моторный катер. Разобрали винтовки, багры, крючья. Мотор не стали заводить и на веслах подошли к берегу. Катер поставили на якорь, шлюпки вытащили на пляж, чтобы их не унесло, и широкой цепью раскинулись по краю острова.

А сивучи сперва и внимания не обращали на охотников. Только маленькие сивучата, извиваясь, как ящерицы, поползли к воде.

Но, как только раздались первые выстрелы, огромные сивучи стали прыгать со скал прямо вниз, и казалось, что они тут же и разобьются об острые камни. Но они как ни в чем ни бывало, словно мячики, высоко подпрыгивали на своих лапах, снова падали на камни и торопливо ползли к морю. И так страшно скалили они свои огромные белые зубы и так грозно ревели, что молодые матросы дрогнули и стали отступать к лодкам.

— Эй ты, герой! — покрикивал Гаврил Иванович, хватая за рукав то того, то другого. — Не бойся, не съест тебя зверь, только сам ему

Как только раздалась первые выстрелы, огромные сивучи стали прыгать со скал.

в пасть не лезь. Ты не смотри, что он страшный. Винтовка-то тебе на что дана? — И, почти не целясь, он тут же послал пулю в голову огромному зверю. Меньше чем за час сотни туш уже лежали на берегу.

— Амба! — крикнул Гаврил Иванович и замал над головой винтовкой.

Выстрелы сразу замолчали. Катер подошел к берегу, с палубы подали длинный буксир и катером принялись стаскивать туши в воду. В воде их счалили, подцепили под корму и не спеша повели к борту «Удара».

С воды на длинной стреле поднимали зверя на палубу и скоро столько навалили, что и пройти стало негде. А когда всю добычу подняли на борт, Гаврил Иванович взял большой нож и стал учить молодых матросов снимать шкуры с убитого зверя.

Он подвешивал сивуча за задние лапы, сверху донизу посреди брюха распарывал шкуру острым, как бритва, ножом и приговаривал с усмешкой:

— Вот мы тебе шубу-то расстегнем. У тебя теперь шуба-то не по времени. Дай-кась я тебе, барин, раздеться помогу!

С этими словами он запускал руку в прорез и подрезал изнутри толстое сало. Так он снимал всю шкуру, укладывал в трюм шерстью вниз, а сверху маленькой лопаточкой круто засыпал солью.

До поздней ночи шла работа на «Ударе», но все равно всю добычу не убрали, отложили на завтра и разошлись спать. Один Петя Никулин остался на палубе. Он измерял туши рулеткой, взвешивал их, рассматривал внутренности и все, что замечал, записывал в толстую тетрадку. А Хомяков только раз вышел из каюты, потянулся, покурил и сказал Пете:

— Я прошу вас, товарищ Никулин, повнимательнее относиться к работе.

Утром снова отправились на охоту, и на судне осталось только четыре человека. Капитан остался на случай, если поднимется шторм, чтобы было кому управиться с судном. Боцман — сдирать шкуры: он делал это скорее и лучше всех. Повар — чтобы приготовить обед охотникам. А Хомяков остался просто так. Ему лень было вставать с койки.

Гаврил Иванович ловко обдирал зверя и потихоньку мурлыкал песенку. Морские львы ему очень нравились. Они были большие, как моржи, и безобидные, как тюлени. Лучше зверя для промысла и не придумаешь.

Работал Гаврил Иванович не торопясь, рассматривал сивучей. Заглянул он к ним и в желудки — поинтересовался, чем сивучи питаются. Там нашел он морские ракушки, раздавленные могучими зубами, рыбёшек и почти у всех — крупные камни-голыши.

Гаврил Иванович повертел камни в руках, осмотрел со всех сторон и пошел к Хомякову в каюту.

— Виктор Васильевич, — сказал он, — объясните мне, пожалуйста, зачем сивучи камни глотают.

Сивуч глотает камни, чтобы лучше, устойчивее держаться на воде. Этого боцман не знал, и Хомяков тоже не знал, но он и виду не подал.

— Это, боцман, не ваше дело, — сказал он строго. — Ваше дело шкуры обдирать, вот вы этим и занимайтесь. И мне не мешайте. Ясно?

— Ясно! — обиделся боцман и вернулся на палубу. А про себя решил: «Мне-то ясно, а тебе-то, лодырю, ничего не ясно. Ну подожди же ты, проучу я тебя при случае...»

И тут вдруг заметил боцман, что во рту у одного сивуча что-то блеснуло.

Гаврил Иванович внимательно осмотрел зверя, содрал с него шкуру, а тушу повесил на мачте.

А когда капитан вышел на мостик посмотреть, как идет охота, Гаврил Иванович окликнул его:

— Товарищ капитан, вот полюбуйтеесь-ка извольте. Я сорок лет на зверобойке, а таких зверей не видывал и не слыхивал.

— А что такое, Гаврил Иванович,— откликнулся капитан,— чем тебе зверь не понравился?

— Почему не понравился? Мне понравился, только вот зуб у него золотой.

— Полно врать-то, Гаврил Иванович,— сказал капитан, но все-таки спустился с мостика и заглянул в пасть убитому зверю. Там и в самом деле блеснул золотой зуб.

Капитан потрогал его пальцем, попробовал покачать и рассмеялся.

— А ты, я вижу, шутник, Гаврил Иванович.

— Шутка шуткой,— сказал боцман,— а нужно бы, я думаю, Хомякову-то показать. Ведь все-таки редкость, не каждый день такое увидишь.

Тут как раз и Хомяков вышел на палубу.

— Что случилось? — спрашивает.

— Да вот,— сказал боцман,— зверь тут попался необыкновенный. С золотым зубом во рту.

Хомяков решил сперва, что боцман просто смеется над ним. Он раздулся, как индюк, ничего не сказал и хотел было уйти, но боцман успел подмигнуть капитану, и тот вмешался.

— Правда, Виктор Васильевич, взглянули бы,— сказал он серьезно.

Хомяков подошел, заглянул зверю в пасть, ковырнул зуб ножом — думал, вывалится. Но зуб сидел прочно, как влитой, и блеснул золотом. Тут Хомяков растерялся. Что сказать, он не знал и промолчать боялся. Чтобы замять разговор, он напустился на боцмана.

— А зачем же вы ободрали его? — спросил он строго.

— А что же, мне его целиком, что ли, солить?

— Нет, зачем целиком? Нужно было обмерить его внимательно, сфотографировать, описать, а тогда уж и шкуру снимать для чучела. Такого зверя в музей доставить нужно. Вы же понимаете, что случай необычный, крайне интересный.— И пошел, и пошел. А когда наговорился вдоволь, сказал, что необходимо составить акт.

— Ну что ж, составьте,— согласился капитан.— Все трое и подпишем.

Хомяков пошел к себе в каюту и скоро вынес готовую бумагу. Он написал, что такого-то числа на острове Сахарная Голова с бота «Удар» добыли сивуча, у которого в нижней челюсти обнаружен золотой зуб. А боцман Г. И. Малыгин по небрежности снял шкуру с этого зверя и засолил вместе с другими.

Потом он сам подписал акт и дал подписать капитану. Тот подписал, даже и не поморщился, а боцман достал очки, долго их протирал, потом два раза вслух прочитал акт, снял шапку, почесал в затылке...

— Да,— сказал он,— неважное дело-то получается. Не знаю, как и руку свою тут ставить. Вроде ведь себе приговор. Ну, да ведь от своей вины все равно не уйдешь, давайте уж подпишу.— И, взяв ручку, он расписался под актом.

Вечером охотники вернулись с промысла, и Хомяков показал акт Пете Никулину.

Тот прочитал, ничего не понял, еще раз прочитал и спросил:

— Это что, в стенгазету, в отдел юмора, что ли? Так, по-моему, совсем и не смешно.

— При чем тут юмор,— строго возразил Хомяков,— пойдите посмотрите сами.

Петя отправился к боцману. Тот показал ему челюсть, которую успел вырезать у необыкновенного зверя. В ней не хватало одного зуба, а на его месте торчала сплюснутая толстая пуля в медной

оболочке. Она прошла через черепную кость зверя, отшлифовалась до золотого блеска, вышибла зуб и прочно встала на его место.

— А ведь прав ты был, Гаврил Иванович, — сказал капитан в тот же вечер. — Хомяков-то наш специалист языком болтать, а в деле ничего не понимает.

Когда весть обо всей этой истории разнеслась по судну, Хомякова подняли на смех. Матросы один за другим стучали в его каюту, а когда он откликался, кричали на весь коридор.

— Товарищ Хомяков, — спрашивал один, — можно мне зверя обдирать? У него задние ласты подкованы.

— Виктор Васильевич,— говорил другой,— там зверя убили. На груди у него значок ГТО. Зверь ничего, здоровый, видать, все нормы сдал. Может, вам его в каюту принести?

— Товарищ ученый,— надоедал третий,— может, выйдете акт составить? Зверь попался очень чудной: щеки бритые, на брюхе ремень с медной пряжкой, а шкура на застежке.

Хомяков только огрызался, а потом и отвечать перестал.

В три дня «Удар» набил полные трюмы. Капитан повел судно домой. Боцман сидел на палубе, плел веревочный ковер и был очень доволен.

— Эх, хомяк, хомяк, попал ты старику на зуб! — смеялся Гаврил Иванович.

Когда «Удар» пришел во Владивосток, Хомяков, ни с кем не попрощавшись, ушел с судна, и на «Ударе» его больше не видели.

А челюсть с золотым зубом Гаврил Иванович подарил мне на память. Она и сейчас лежит у меня на столе, только зуб почернел.

ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Это случилось шестого ноября, как раз накануне праздника. Весь день мы носились по океану, безуспешно гоняясь за китами, а когда стемнело, все свободные от вахты собрались в маленькой кают-компании китобойца «Партизан».

Ветер еще днем стал крепчать, медленно прибавляя в силе, а когда стемнело, точно с цепи сорвался — разыгрался жестокий шторм. С ревом, обгоняя друг друга, катились по морю темные холодные валы, украшенные белыми гривами. Наше маленькое суденышко то взлетало на самую вершину пенного гребня, то проваливалось в яму

между волнами, тяжело ударяясь днищем о черную воду.

Но мы давно привыкли к штормам и меньше всего в тот вечер думали о погоде.

Кают-компания на «Партизане» уютная. Под мягкими диванами по-домашнему, как самовар, шипело паровое отопление. Из-под красивого абажура падал электрический свет. А то, что кружки приходилось держать в руках, чтобы чай не расплескался,— это не беда. Ведь были мы все-таки не дома, не на берегу, а в открытом океане, в позднее штормовое время.

Обычно, собравшись вот так, за чаем, мы разговаривали кто о чем и, бывало, подолгу засиживались за этими разговорами. Но в тот раз нам не до разговоров было. Нам предстояло сделать важное дело.

Весной, выходя на промысел к берегам Камчатки, мы приняли обязательство добыть шестьдесят китов. Работать пришлось тяжело: с весны штормовая погода мешала промыслу, потом наступила небывалая для тех мест жара, и киты ушли на север. Но все-таки за восемь месяцев нам удалось загарпунить шестьдесят три кита. Мы, понятно, очень гордились своим успехом и к празднику решили всей командой послать во Владивосток рапорт о нашей победе.

Уже готова была радиограмма. Передавая из рук в руки капитанскую авторучку, мы уже ставили под рапортом свои подписи, но тут наш гарпунер Кнут Иоганович Нордендаль, или просто Кнут Иванович, как мы его называли, потребовал дописать, что он объявил себя ударником.

В таком деле отказать Нордендалю было никак невозможно, и пришлось весь рапорт переписывать заново.

В тот год советские китобои первый раз промышляли в Тихом океане. Дело было новое, не-

знакомое. Опыта у нас не хватало, и на каждом китобойном судне вместе с советскими моряками плавали иностранные специалисты — инструкторы. Одним из них и был Кнут Иванович — немолодой уже норвежец. Он семнадцатый сезон плавал гарпунером. Служил он на норвежских и на голландских судах, командовал китобойцем в немецкой флотилии и с англичанами плавал. Говорил Кнут Иванович на шести языках и столько всего насмотрелся за свою жизнь, что его трудно было чем-нибудь удивить.

Он и у нас на «Партизане» сперва ничему не удивлялся. Кое-как говорить по-русски он выучился еще в порту, пока мы готовились к промыслу. В первые дни, когда вышли в море, в наши разговоры он не вмешивался, только подгонял нас в работе да поругивал за то, что мы не очень скоро и не очень умело выполняли его приказания.

Впрочем, каждый раз, погорячившись, он тут же принимался извиняться и даже острил как умел.

— Кнут есть кнут, — говорил он добродушно, — кнут должен мало-мало стегать тот, кто ленивый.

Но скоро ему и ругать нас стало не за что: народ на китобойцах плавал молодой, смышленный, и месяца не прошло, мы к работе привыкли и гарпунера научились понимать с полуслова.

А вот он нас понимать научился не скоро. Да и трудно было ему понять советских людей.

С первых же дней промысла началось соревнование между китобойцами: кто больше китов забьет за сезон. Это Кнут Иванович по-своему понял сразу.

— Да-да, — сказал он, — кто больше забьет. Это как футбол. Сорено-ваня — это тоже кнут: стегать ленивых. Так? Это хорошо!

Но когда, услышав об успехах других китобойцев, мы радовались их победам, — этого он никак не мог понять.

— Мы забили больше — мы рады, мы кричим: «Ура!» Это я понимаю, — говорил он. — Они забили больше, мы позади. Деньги им, слава им, красивый флаг — им. А мы кричим: «Ура!» Это я не понимаю.

Но к концу сезона он и это научился понимать и в тот вечер потребовал записать в рапорте свои обязательства: весь свой опыт передать молодым советским морякам и не упускать ни одной возможности увеличения добычи.

Вот из-за этого и пришлось переписывать рапорт.

Второй помощник капитана принес чистый лист бумаги, старательно вытер стол ладонью, ладонь вытер о штаны и только собрался писать — тяжелая железная дверь, выходящая прямо на палубу, приоткрылась, и вместе с влажным ветром протиснулся в щель радист.

Он через стол протянул капитану исписанный бланк и сказал взволнованным голосом:

— Михаил Михалыч, SOS от шхуны «Крестьянка». Прочтите-ка!

Капитан встал, выплеснул чай прямо на палубу, повесил кружку на один из крючков, ввинченных в потолок, и вслух прочитал радиограмму:

— «SOS, шхуна «Крестьянка», нужна немедленная помощь. Всем судам в районе Берингова моря. 6 ноября 22 часа 15 минут местного времени. 61 градус 30 минут северной широты, 175 градусов 15 минут восточной долготы. От сильных размахов бортовой качки переместился груз в трюмах. Вода не откачивается, машина не работает, руль заклинило. Капитан Козлов».

Мы все знали капитана Козлова и шхуну «Крестьянка» знали. Мы не раз встречали ее в плаваниях и в порту и теперь представили ее себе,

маленькую и беспомощную, во власти разгулявшегося шторма.

Сразу стало холодно и неудобно, точно вместе с телеграммой ворвалась в кают-компанию буря. Все так же шипело отопление под диванами, но уже не песенка самовара слышалась нам в этом звуке, а злобный свист холодного ветра.

— Наладьте со шхуной прочную связь, — сказал капитан. — Сообщите, что мы идем на помощь. Боцман, готовьте спасательные средства и шлюпки. Команде надеть штормовое и всем наверх. Общее руководство за мной. Всё!

Секунду спустя порожние кружки уже качались над опустевшим столом, а мы по своим каютам натягивали поверх ватных костюмов непромокаемые штаны и пиджаки, шапки-зюйдвестки и рукавицы.

Боцман зажег полный свет над палубой. Ползая на четвереньках, чтобы не смыло волной, матросы доставали стальные канаты, багры, спасательные пояса. Другие снимали чехлы со шлюпок, проверяли там весла и аварийный запас. В полчаса все было готово.

А капитан вместе с Нордендалем тем временем поднялись в рубку, развернули карту и отыскивали место, где в это время находилась «Крестьянка». Капитан обвел это место четким маленьким кружочком и вышел на мостик. Там, поглядывая то и дело на светящуюся картушку компаса, стоял рулевой.

Капитан громко назвал новый курс. Рулевой, быстро перебирая спицы, закрутил штурвал. «Партизан» повернул круто вправо, и сейчас же волны и ветер обрушились на него сзади, словно не хотели пустить нас на помощь погибавшей в океане шхуне.

Чтобы свет не мешал глядеть вдаль, капитан приказал погасить все огни на палубе. После яр-

кого света сразу стало так темно, будто судно нырнуло в воду. Но скоро глаза привыкли к темноте и стали различать белые гребни, с шумом бежавшие нам вдогонку.

Так прошли мы часа полтора. Потом далеко-далеко за кормой чуть посветлел горизонт. Мутная полоска рассвета с каждой минутой шире и ярче растекалась по небу. Потом небо позеленело, стали видны волны, потом огненным столбом брызнул в небо ослепительно яркий солнечный луч, и стало совсем светло.

И, словно чудом, вместе с темнотой пропал ветер. Он затих сразу, будто ему надоело играть с волнами. Серые водяные горы все еще толпились вокруг, но они стали вдруг бессильными и вялыми. Они еще раскачивали наш маленький корабль, но уже чувствовалось, что это последние удары шторма.

Мы во все глаза смотрели по сторонам. «Крестьянки» нигде не было видно. Но радист все время держал с ней связь и уверял, что она недалеко. Тогда наш гарпунер-ударник решил забраться на мачту и посмотреть, нет ли где поблизости затерявшейся шхуны.

Кнут Иванович весил без малого сто килограммов. Он был толстый, как бочка. Но он очень ловко лазал по мачтам, по трапам и по канатам и скорее всех нас умел находить в море фонтаны китов.

Когда кит всплывает подышать, он с такой силой выдыхает воздух, что вода могучим фонтаном поднимается на несколько метров кверху. Не будь этих фонтанов — кита и за сотню метров трудно было бы заметить. А по фонтанам китобой еще издали сразу замечают кита и быстро настигают его в море.

Для китов эти фонтаны — самое большое несчастье. Зато для нас — это большое удобство:

иначе не имели бы мы тысяч тонн превосходного жира, вкусного мяса и многих других продуктов, которые почти задаром дают нам киты. Ведь китов ни кормить, ни пасти не нужно. Они сами пасутся и кормятся в океанах, да еще сигналият своими фонтанами: «Эй, китобои! Вот я где!»

Кнут Иванович знал все повадки китов и по виду фонтана за несколько километров мог сказать, какого вида, какого размера кит, сытый он или голодный, пасется или отдыхает. И понятно, что, когда шла охота, он считался самым главным на судне. На промысле даже капитан беспрекословно выполнял все его приказания. Но в ту минуту мы были не на промысле, и, прежде чем лезть на мачту, Кнут Иванович попросил разрешения у капитана. Конечно, капитан разрешил.

Кнут Иванович поглубже натянул свою шляпу — он всегда и на судне и на берегу носил дорогие мягкие шляпы, закурил кривую трубку, не спеша надел кожаные перчатки и, взявшись за ступеньку трапа, легко подтянулся на ней. Потом подтянулся на второй руке, а потом, быстро перебирая ногами, побежал вверх, как будто перед ним была не крутая веревочная лестница, а ровная тропинка.

Снизу казалось, что не шестипудовый человек лезет на мачту, а взлетает сам собой маленький воздушный шар.

Минуту спустя гарпунер по самые плечи стоял в узкой бочке, укрепленной на верхушке мачты, и только шляпа его виднелась снизу. Зато сам-то он видел во все стороны одинаково хорошо и, разыскивая шхуну, медленно обводил горизонт глазами, то и дело поднимая бинокль. Но и с мачты не разглядел он «Крестьянку», видимо, «Партизан» недостаточно близко подошел к ней.

Пока искали шхуну, небо очистилось от туч, выглянуло солнце. Море стало голубым и спокой-

ным. Волны совсем улеглись, и не хотелось верить, что еще так недавно все кругом кипело, как в котле, и ветер свирепо бросал на палубу горы холодной воды.

Стало тепло. Многие сняли ватные куртки и повесили их посушить над решетками кочегарки.

Повар приготовил завтрак и пришел приглашать капитана в кают-компанию. Но Михаил Михайлович решил не уходить с мостика:

в любую минуту могла показаться шхуна.

Наконец, не выдержав, он пошел к радисту узнать, что слышно со шхуны? Но не успел Михаил Михайлович дойти до радиорубки — навстречу ему вбежал радист с последним сообщением с «Крестьянки»:

«Опасность миновала. Вода в трюме продолжает прибывать, крен выправить не удалось, однако в случае хорошей погоды своим ходом дойдем до Олюторской. Машину и руль исправили своими средствами. В помощи не нуждаемся. Не беспокойтесь. Капитан Козлов».

Михаил Михайлович пробежал глазами телеграмму, сунул ее в карман и, взяв медный рупор, крикнул на мачту:

— Кнут Иванович! Слезайте. Завтрак стынет. А «Крестьянка» без нас обойдется. Давайте быстренько!

Кнут Иванович шариком выкатился из бочки, шариком покотился вниз по трапу... Вдруг он остановился, показал рукой куда-то направо и громко крикнул:

— Михаил Михалыч, кит!

И, пока мы всматривались в горизонт, стараясь разглядеть фонтан, замеченный гарпунером, тот уже спустился с мачты и, захлебываясь от волнения, уговаривал капитана:

— У нас шестьдесят три кита, Михаил Михалыч, пусть это будет наш шестьдесят четвертый. Я хочу сделать свой маленький подарок к вашему большому празднику.

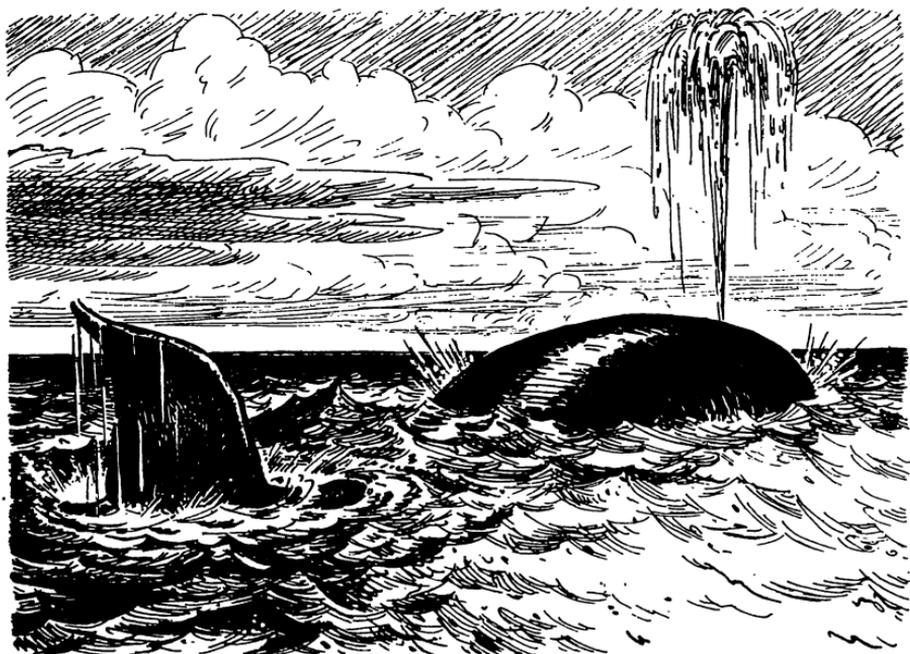
Возражать тут, понятно, было нечего.

— Держать на фонтан! — приказал капитан рулевому, а сам вместе с гарпунером спустился в кают-компанию. Наскоро проглотив завтрак, капитан снова поднялся на мостик, а Кнут Иванович пошел к пушке, укрепленной на самом носу судна. Он снял чехол, осмотрел пушку и стал заряжать ее.

Сперва он прочистил ствол тугим банником, похожим на головку огромного камыша. Потом сунул прямо в дуло шелковый мешочек с порохом, следом за ним загнал толстый пыж и плотно забил его шомполом.

Когда с этим было покончено, Кнут Иванович махнул рукой, и боцман — его главный помощник по промыслу — подхватил тяжелый гарпун из стойки, поднес его к пушке и засунул в дуло. Гарпун весь вошел туда, снаружи остались только лапы — каждая по полметра длиной, да резьба для гранаты.

Кнут Иванович проверил, хорошо ли привязан канат к кольцу гарпуна, потом достал из ящика острую гранату-наконечник, насыпал в нее пороху из мешочка, поплевал на резьбу и привинтил гранату к гарпуну. Теперь осталось только капсули поставить; но это Кнут Иванович всегда делал перед самой стрельбой. А пока что он встал у пушки, широко расставив ноги, взялся рукой за прицельную рукоятку, попробовал, как пушка ходит вверх и вниз, вправо и влево. Потом, как

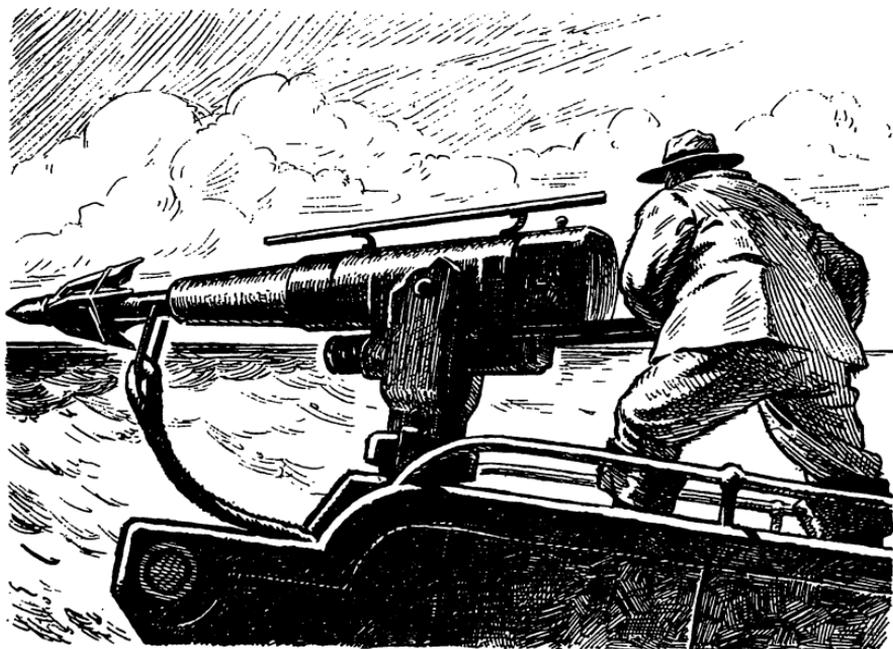

командир перед боем, еще раз окинул глазами море, палубу, снасти, людей и, убедившись, что кит уже недалеко, поставил капсюли и громко скомандовал:

— К промыслу, по местам!

Повторять команду ему не пришлось. Недаром Кнут Иванович вышколил нас еще с весны. На промысле каждый знал свое дело — в темноте разбуди, все равно никто бы не сбился. И тут, по первому слову команды, мы все встали, где кому нужно.

А «Партизан» тем временем несся вперед, туда, где каждые пятнадцать — двадцать минут поднимался над морем высокий белый фонтан. С каждым разом он появлялся все ближе и ближе,

и вдруг все сразу увидели впереди широкую, мокрую, блестящую спину кита.

— Полный вперед! — скомандовал Кнут Иванович.

«Партизан» рванулся вперед, но было уже поздно. Над водой на секунду показался черный треугольный плавник величиной с хорошую дверь, потом широкий хвост (этот уже с целые ворота) мягко шлепнул по воде, и кит исчез.

Мы, стоя на местах, тихонько переговаривались друг с другом:

— Ну и китяра!

— Здоров!

— Тонн на пятьдесят будет.

— Все семьдесят потянет.

А Кнут Иванович, стоя у пушки, внимательно смотрел на море и поднимал то правую, то левую руку. Этим он показывал Михаилу Михайловичу, куда править, и Михаил Михайлович послушно выполнял каждую команду гарпунера.

Так прошло минут двадцать. Вдруг у самой кормы заплескалась вода. Кит с шумом выдохнул воздух, да так близко от нас, что брызги фонтана упали на нашу палубу. Но на корме пушки не было, а повернуть китобоец, хоть он и считается поворотливым судном, — не скорое дело. Кит спокойно вдохнул свежего воздуха, еще раз показал нам спину и нырнул.

Кнут Иванович начал сердиться. Он прыгал возле пушки, размахивая руками, и «Партизан», послушный его воле, то бросался вправо, то влево, то замирал на месте, то кидался вперед.

И хотя мы за сезон привыкли и к китам и к охоте за ними — все равно каждый раз, когда огромная черная туша поднималась из воды, мы все, как по команде, показывали на нее друг другу пальцами и удивленно повторяли:

— Кит! Кит!

Вдруг высокий фонтан рассыпался прямо перед носом «Партизана». В ту же секунду раздался выстрел. Тугой клубок красноватого дыма вырвался из пушки и поплыл, рассеиваясь над водой. Кнут Иванович, чуть согнувшись, держался за прицельную рукоятку, и казалось, что сам он вот-вот бросится туда, куда полетел тяжелый стальной гарпун.

Раненый кит вздрогнул всем своим огромным телом и бросился вперед, поднимая буруны белых брызг. Вслед за ним, извиваясь кольцами и петлями, бежал толстый канат. Секунды не прошло после выстрела, где-то впереди ухнул приглушенный взрыв — это взорвалась граната, привинченная к концу гарпуна. Кит мгновенно согнулся

кольцом, распрявился, нырнул, но сейчас же вынырнул снова и выпустил короткий фонтан, только не белый, как прежде, а ярко-красный от крови.

«Партизан» остановился. Заскрипели тяжелые стальные блоки, канат натянулся, как струна. Кит бился метрах в ста от судна. Он извивался и так и этак, стараясь сорваться с гарпуна. Кит бился минут двадцать, наконец вздрогнул в последний раз, выпрямился, затих и медленно стал тонуть.

Включили лебедку. Загрохотали шестерни, закрутились чугунные барабаны. Мокрый канат, выжимая капли соленой воды, потянулся из моря, а за ним поднялась из глубины огромная туша.

И только тут мы заметили, что ветер снова закрепчал и по морю побежали белячки.

К вечеру ветер еще усилился, и зыбь стала выше, а к ночи разыгрался тайфун, да такой, что казалось, он хочет наверстать потерянное за день.

И опять «Партизан» запрыгал, как пробка, то по самую палубу зарываясь в воду, то вздымаясь над белым гребнем волны.

А мы опять собрались в кают-компании за праздничным столом и ждали капитана — он пошел в радиорубку прочитать последние радиogramмы.

Наконец дверь раскрылась. Михаил Михайлович вошел, но еще прежде, чем он заговорил, мы поняли, что настроение у него совсем не праздничное.

— Придется бросить кита, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — У «Крестьянки» совсем плохи дела, хуже, чем вчера. Пойдем к ней на помощь.

Мы не первого кита теряли в море. И не в первый раз приходилось нам уступать перед неумолимой силой океана. Мы все понимали: раз надо — значит, надо, капитану виднее. Тут уж спорить не приходится.

Мы один за другим встали из-за стола и разошлись по каютам одеваться.

Но Кнут Иванович, обычно такой дисциплинированный, на этот раз вдруг заупрямился: он вскочил, забегал по кают-компании, размахивая руками.

— Михаил Михалыч,— говорил он возбужденно.— Я понимаю, идти нужно. Но зачем бросать кита? Поставим сигнал на наш кит. Это пять минут, а кто знает, может, мы еще встретим его в море? Ведь тогда не пропадет мой подарок.

— Ну что ж,— сказал капитан.— Мало надежды, что мы его встретим, но сигнал поставить можно. Почему не поставить. Давай распорядись, боцман, да поживее.

Огромная туша прыгала по волнам, тяжелые цепи вырывались из рук, грозя отдавить палец или ногу. Работать приходилось очень осторожно, но мы все-таки быстро справились со своим делом. А гарпунер тем временем взял длинный бамбуковый шест с флагом на конце, воткнул его в брюхо киту, а чтобы шест не упал — три здоровенных штопора ввинтил прямо в тушу и, привязав к штопорам растяжки, укрепил мачту с флагом.

Наконец последняя цепь соскользнула с китового хвоста, и туша с поднятым над ней флагом стала быстро отставать от нашего быстроходного кораблика. Скоро ни кита, ни флага не стало видно. Стемнело. Кругом толпились одинаковые волны. Даже звезд на небе не было в эту ночь, но мы шли уверенно, выбирая дорогу по карте, навстречу ветру.

Только под утро заметили мы на горизонте высоко взлетавшие красные огоньки. Это со шхуны пускали ракеты-фальшфейеры, чтобы нам легче было найти ее в море.

Мы зажгли прожектор. Тугой пучок света раздвинул темноту, и мы увидели шхуну.

Невеселый вид был у маленького кораблика: «Крестьянка» держалась бортом к ветру, сильно накренившись, и так раскачивалась на волнах, что мачты почти касались белых гребней. Казалось, вот-вот шхуна ляжет и не поднимется больше. Мы обошли ее с наветра и остановились. Боцман с мостика забросил на палубу «Крестьянки» выброску. Там в двадцать рук подхватили тоненькую веревочку, потом вытянули толстый стальной трос, привязанный к ее концу, и закрепили его на носу шхуны.

«Партизан» дал малый ход, буксир натянулся, шхуна медленно развернулась носом по ветру и послушно пошла у нас за кормой.

К рассвету шторм стал затихать. Но считать шхуну спасенной было еще рано: вода в трюме по-прежнему прибывала, и люди, измученные долгим непосильным трудом, не успевали ее откачивать. С каждым часом крен увеличивался. Волны уже хлестали в бортовые иллюминаторы, и в любую минуту шхуна могла перевернуться.

По расчету нашего капитана маленькому кораблику осталось пять часов жизни, не больше, а до бухты Олюторской, где можно было откачать воду, оставалось не меньше десяти часов пути. И все-таки мы не хотели сдаваться. Мы самым полным ходом шли вперед в надежде на милость судьбы.

— Будь что будет,— сказал наш капитан.— Доведем — хорошо. Не успеем — придется брать людей к себе на борт. Ничего другого тут не придумаешь.

Так и шли по ветру, с полного хода распарывающая зеленые валы, катившиеся по океану. Кочегары старались вовсю, не жалея ни угля, ни сил, и длинный султан дыма, обгоняя наш маленький кораблик, черным облаком стелился над морем.

А мы, хоть нам и нечего больше было делать

на палубе, стояли на ветру, то с надеждой глядя вперёд — не откроются ли берега Камчатки, то оборачиваясь назад и с тревогой поглядывая на шхуну, которая кренилась все больше и больше.

Вдруг рулевой заметил на горизонте, в стороне от нашего курса, шест с флагом. Эта новость сразу облетела судно. Все глаза обернулись туда, где трепетал над волнами крошечный темный квадратик.

Кнут Иванович достал из футляра бинокль и, убедившись, что ошибки тут нет, закричал:

— О, вы видите, я не напрасно ставил сигнал! Вон он плавает, мой подарок. Удача!

Но об удаче не время было говорить. Идти подбирать кита — это потерять часа два хода, не меньше. Это каждый из нас понимал. А два часа могли решить судьбу шхуны. И, как ни обидно было снова бросать в море своего кита, Михаил Михайлович без колебания принял решение.

— Ничего не поделаешь, Кнут Иванович, — сказал он, — пойдем своим курсом. В таком деле рисковать не приходится.

Кнут Иванович молча грыз мундштук своей погасшей трубки. Он топтался на месте, точно очень торопился куда-то и не мог уйти. Нам не хотелось терять кита, а ему, видно, вдвойне обидно было расставаться со своей добычей. Но он был настоящим моряком, сам он не раз попадал в трудные переделки и, конечно, даже подумать не мог о том, чтобы из-за туши кита riskовать жизнью людей. И так расстроила нашего гарпунера вся эта история, что жалко было смотреть на него.

Вдруг он улыбнулся, сунул бинокль в футляр и с довольным видом стал потирать свои большие пухлые руки.

— Ага! — закричал он. — Мы уьем оба зайца

в один раз! Мы приведем кита, и шхуна не потонет. Вот как!

Мы сперва не поняли, что он надумал, и со всех сторон надели на него с вопросами. А он хитро улыбнулся, точно знал какой-то секрет и не хотел поделиться с нами. Выждав с полминуты, он расхохотался и заговорил торопливо:

— Почему ей тонуть? Потому что лежит на борту? Так? Ну, а мы не дадим ей валиться на борт, вот и все! А! — смеялся он. — Вы не знаете как? Ну вам простительно, вы мало плавали. Откуда вам знать такие вещи. А я плавал много. О, Кнут Нордендаль много плавал, много видел и много знает. Наш кит нам поможет. Вот кто. Мы привяжем его к шхуне с другого борта. Он не маленький, наш кит. Он весит семьдесят тонн. Он не даст ей опрокинуться. Нужно только привязать его хорошо. Вот и все!

И всем нам сразу стало ясно, что грапунер прав.

Михаил Михайлович тут же дал команду. «Партизан» повернул прямо на кита, а Кнут Иванович отобрал пятерых самых ловких матросов и стал вместе с ними готовить шлюпку.

Полчаса спустя мы подошли к киту. Надев пробковые нагрудники, пятеро смельчаков спустили шлюпку, обмотали кита цепями вокруг хвоста и вокруг плавников, подвели его к борту шхуны и крепко привязали стальными концами. Теперь сколько бы воды ни набрала «Крестьянка» — тяжелая туша кита все равно не дала бы ей опрокинуться.

Восемь часов спустя мы вошли в бухту Олюторскую, ведя на буксире кита и шхуну. Тут, в Олюторской, стояла наша китобойная база — огромный, как город, пароход «Камчадал». К нему на палубу за хвост подняли нашего кита и тут же принялись разделять огромную тушу. Ножами, похожими на хоккейные клюшки, резали

кита на куски, забрасывали их в горловины огромных мясорубок, а внизу, глубоко под палубой, в больших паровых котлах вытапливали китовый жир.

А «Крестьянка» стояла под бортом у «Камчадала», и паровой насос быстро откачивал из нее воду. Прямо на глазах шхуна теряла крен и поднималась из воды.

Вечером в большой столовой «Камчадала» и мы и моряки с «Крестьянки» — все вместе сидели за столом и ели вкусное жаркое, приготовленное из китового мяса. А потом мы снова собрались в своей кают-компании и принялись за прерванный рапорт. К празднику он опоздал. Но зато мы написали в телеграмме уже о шестидесяти четырех китах и, конечно, не забыли сообщить о том, что гарпунер, Кнут Нордендаль, иностранный специалист, объявил себя ударником.

КОСТЯНАЯ КОРОБОЧКА

Два дня пароход «Коряк» простоял в Петропавловске, разгрузился, поднял якорь и пошел дальше на север.

Погода стояла бурная. Те немногие пассажиры, которые остались на судне, слегли от морской болезни, и я думал, что до Олюторки, куда я добирался по служебным делам, не с кем будет и словом перекинуться.

К счастью, я ошибся. Поздно вечером, заглянув в кают-компанию, я заметил там незнакомого пассажира. Заложив ногу на ногу, он сидел, чуть покачиваясь, в капитанском кресле и дымил душистым табаком.

По столу ползала мягкая шляпа. Рыжая канадская куртка, подбитая белой стриженной овчиной, в такт размахам судна качалась на вешалке.

Я поздоровался, уселся напротив и закурил свою трубку.

Так мы просидели несколько минут, дымя и разглядывая друг друга. Лампа, привинченная к потолку, хорошо освещала наши лица.

На вид незнакомцу можно было дать лет тридцать шесть или немного больше. Ранняя седина чуть пробивалась на его висках. Он был тщательно выбрит, только темные усики топорщились над губой.

В том, что он русский и в этих местах не в первый раз, я не сомневался ни минуты. Но я мог бы поспорить на что угодно, что он долго прожил за границей. И не в костюме тут было дело. В манере держаться, в лице, в движениях от долгого пребывания в чужой стране всегда остаются едва уловимые, но прочные следы.

Обычно я легко угадываю профессию незнакомца. Но тут я стал в тупик. Так сидеть, как сидел он в девятибалльный шторм на валком, маленьком пароходике, мог только моряк. Но моряк никогда не надел бы шерстяные гетры, клетчатые бриджи и горные ботинки с «триконями».

Навязывать разговор незнакомцу мне не хотелось. Игра в молчанки тоже надоела, и я решил уйти. Я и ушел бы, так и не заговорив с ним, но, поднимаясь, я выронил маленькую коробочку, в которой держал табак.

В это время пароход сильно качнуло. Коробочка скользнула по палубе и, описав сложную кривую, оказалась прямо у ног незнакомца. Он, не вставая, протянул руку, поймал мою коробочку и уже хотел подать ее мне, но вдруг задержал руку и, пристально посмотрев мне в глаза, сказал:

— Продайте мне эту вещицу. А? Вам она не так уж нужна. Мне, право, нужнее, чем вам. Это моя коробочка. Лет... — он задумался на се-

кунду, — лет пятнадцать назад я потерял ее...

Коробочкой этой я совсем не дорожил. Она досталась мне случайно от знакомого моряка, а тот нашел ее среди обломков американской шхуны, прибитых к берегу.

Таких коробочек сколько угодно на севере. Местные жители искусно делают их из клыков моржа. И стоят они гроши. Единственно, что отличало мою коробочку от тысяч ей подобных, была надпись на английском языке и простенький рисунок, не очень тщательно выжженный на крышке. При некотором напряжении фантазии на рисунке можно было разобрать поварской колпак, а надпись в переводе означала: «Кухонная соль не делает повара старой солью».

Это непереводаемая игра слов. «Старой солью» англичане называют бывалых моряков. Это примерно то же, что по-нашему «морской волк».

— Ну что ж, — сказал я, — идет. Только вот как насчет цены?

— А сколько же вы хотите?

Я помолчал, будто прикидывая и не решаясь назвать цену.

— Вот так, — сказал я наконец. — Вы расскажете мне историю этой коробочки. Это и будет ценой. Устроит вас?

— Дороговато, — сказал незнакомец. — Я не очень люблю вспоминать об этом. Но пусть будет по-вашему. Ночи теперь длинные, а днем все равно нечего делать. Пойдемте ко мне, я расскажу, как это было...

— Для начала давайте познакомимся, — сказал он, когда мы пришли в его каюту. — Скалкин Петр Петрович. — Он протянул мне большую крепкую руку.

Я пожал ее и назвал. Петр Петрович предложил мне кресло, сам уселся на складном стуле, закурил и начал свой рассказ.

— Сейчас я горный инженер-разведчик. А в то время плавал поваренком на шхуне и мечтал стать капитаном. Ничего не вышло из этого, но я, признаться, и не жалею. О море хорошо мечтать, сидя на берегу, особенно в такую вот погоду. Вы слышали о Свенсоне? — спросил он неожиданно.

В Норвегии я знал многих Свенсонов. Там фамилия Свенсон встречается не реже, чем у нас Иванов. Я так и ответил.

— Нет-нет, — перебил меня Скалкин. — Те Свенсоны в Норвегии, бог с ними. Здешнего, дальневосточного Свенсона, не приходилось вам знать?

Я отрицательно покачал головой.

— Ну, не беда, — сказал Скалкин, — тут, на побережье, вы еще не раз услышите о нем. Здесь его и сейчас помнят. Он тоже, конечно, норвежец, но в Норвегии никогда не бывал. Родился он где-то на Аляске, считался американцем, а в этих местах проплавал лет двадцать пять и нажил миллионы.

Он вел здесь торговлю, этот Свенсон. Это называлось торговлей, а на самом деле это был настоящий грабеж. Старый мошенник обирал доверчивых чукчей и камчадалов, но, что и говорить, делал он это ловко.

Он не один здесь пиратствовал каждое лето. Как мухи на мед, слетались сюда торгоши-авантюристы. Другие держали тут склады, фактории, магазины. У Свенсона этого не было. Вместо приказчиков служили ему шаманы и здешние кулаки. Деньгами он не любил платить, платил водкой. Скупал шкуры и кость, вот такие коробочки тоже скупал. Они хорошо шли в Америке, и барыши у старика получались неплохие: за бутылку водки он иногда выручал раз в сто больше, чем платил.

Возил он сюда и ружья и на этом деле тоже умел неплохо набивать карман. Хорошее ружье охотник здесь ценит, бережет, уважает. Иной

«винчестер» всю жизнь служил бы хозяину. А Свенсон так поставил дело, что каждый год охотники покупали новые винтовки. Старик никогда не привозил патронов для прошлогодней партии оружия, и тому, кто хотел запастись зарядами, волей-неволей приходилось покупать новое ружье. Водку старик никогда не отпускал в долг. А оружие раздавал охотно, но потом за долги отбирал по дешевке лучшие шкуры.

При всем том его, пожалуй, даже любили здесь. На вид он был человек добродушный, простой, большой и сильный, как медведь. Такой памяти, как у него, я не встречал больше ни разу. Всех покупателей знал он по имени, здоровался с ними за руку, ходил в гости, пил с ними чай и ром, таскал на руках их ребят и говорил на всех языках побережья.

Я с ним познакомился в Петропавловске. Мне тогда исполнилось 17 лет. На Западе в то время шла война, а здесь у нас купцы, как в мирное время, сколачивали свои миллионы. Отец у меня пропал без вести на фронте, мать умерла от рака, и я один остался во Владивостоке. Весной предложили мне ехать на рыбные промыслы на Камчатку. Лето я проработал, а когда дело дошло до расчета, оказалось, что мне и домой добраться не на что. Тут я узнал, что на шхуну «Золотой лосось» нужен помощник повара. Понятно, я бегом помчался туда.

Вот так и познакомились мы со Свенсоном. По-русски он говорил хорошо. Он расспросил меня об отце, о матери, о том, как я жил прежде, пощупал мои мускулы, хлопнул по спине и сказал, что я могу оставаться на шхуне. В тот же вечер я принес на «Лосося» свой сундучок и пошел на камбуз чистить картошку.

Народ на «Лососе» плавал отчаянный — настоящие головорезы, но старик умел держать их

в руках и заставлять работать. Сам он был отличным моряком, не боялся никакой работы и, что бы мы ни делали, всегда подгонял нас. При этом он любил говорить, что хороший моряк рано или поздно станет капитаном.

Среди нас были и итальянцы и шведы, но говорили на «Лососе» по-английски, и я за полгода выучился языку. Стряпать я тоже выучился, но не сразу, конечно. Дело это нехитрое, но и к нему нужно привыкнуть. Вот, видите? — Скалкин потрогал маленький шрам над левой бровью. — Это память о моей первой каше.

Это было в начале моего первого плавания. Я мыл посуду на камбузе. Наш старший повар зашел ко мне и приказал на завтрак сварить саго. Утром, еще до рассвета, я затопил плиту, насыпал полкастрюли крупы, залил водой и поставил на огонь. Как только вода разогрелась, крупа через край полезла из моей кастрюли. Я взял большую ложку, выплеснул полкастрюли за борт и долил воды. Минуты не прошло, каша снова полезла через край, и пришлось еще полкастрюли отправлять рыбам на завтрак. Когда я третий раз проделал эту нехитрую операцию, кто-то сзади так ударил меня по левому уху, что я потерял сознание и рассек висок о край плиты.

Когда я очнулся, надо мной стоял Свенсон. Он осмотрел мою рану, промыл, заклеил липким пластырем и, похлопав меня по плечу, сказал добродушно:

«Пустьяки, Пит, это будет на память о том, как нужно беречь добро...»

И я не обиделся на старика, вот, честное слово, не обиделся.

Были, конечно, и другие приключения в моей нехитрой работе. Но, так или иначе, довольно скоро я научился готовить лучше нашего повара, и Свенсон сам не раз хвалил меня за стряпню. По утрам, когда я варил кофе для команды, он частенько приходил на камбуз. Он любил сам поджаривать хлеб себе на завтрак и тут заодно философствовал, учил меня жить и рассказывал о своей беспокойной молодости. Тут, на камбузе, я в первый раз и услышал о том, что «кухонная соль не сделает повара старой солью». Мне, конечно, было обидно. Я мечтал о капитанских нашивках, спал и видел себя «старой солью» и как-то даже попросил хозяина поставить меня вместо заболевшего матроса. Но старик уже привык к моей стряпне, и я остался поваренком.

Для этой должности я был слишком велик ростом и слишком силен. Матросы посмеивались надо мной, они прозвали меня «Миссис Скалки» и как-то раз, отобрав мою коробочку, раскаленным гвоздем выжгли на крышке поговорку. Это случилось в открытом море. Другой коробочки достать было негде. Так она и осталась при мне до того самого дня, когда шхуна пошла ко дну.

В Приморье уже шла гражданская война, а мы по-прежнему торговали. В тот раз, погрузившись в Сан-Франциско, мы шли к берегам Северной Камчатки. В трюмах «Золотого лосося» лежало тонн пять охотничьего пороха, ружья, патроны, ножи, спирт, керосин в жестяных бидонах и много другого добра. Мы держали курс на Олюторскую. На этот раз старик с нее решил начать «обход своих владений», как он называл эти рейсы.

Двадцать девятого мая, как сейчас помню, я встал пораньше, чтобы испечь хлеб, вышел из кубрика и, едва ступив на палубу, поскользнулся

и чуть не свалился. Зажег свет. Вся палуба от носа до кормы была залита черной вонючей жижой. Это механики ночью перекачивали горячее и разлили нефть по палубе. Мне-то было все равно — не мне убирать, но я заранее представил, как будет ворчать старик.

Я не ошибся. Пока я месил тесто, Свенсон вылез из своей каюты и пришел ко мне. Он был в скверном настроении и, пока возился со своим хлебом, все время ворчал о бездельниках, о неряхах и о том, что палуба на корабле — святое место.

На «Лососе» все, кроме вахтенных, спали. Стоял полный штиль. Море кругом лежало удивительно спокойное, и прямо из моря вставало огромное красное солнце.

Старик загляделся, а заглядеться было на что — восходы в тех местах красивы необычайно, уж я-то насмотрелся на них. Он забыл про свою сковородку. Вдруг масло вспыхнуло, камбуз сразу осветился. Старик выругался и через дверь швырнул сковородку прямо за борт.

В камбузе сразу стало еще темнее, а секунду спустя на левом борту вспыхнуло желтое пламя. Должно быть, горящие капли упали со сковороды и нефть на палубе загорелась сразу в нескольких местах. Огонь быстро разбежался во все стороны. Я сразу понял, какая опасность нам угрожает, и, признаться, струсил не на шутку. Каждую секунду огонь мог добраться до трюма, где у нас лежал порох, а тогда всем нам пришлось бы не сладко. Мне стало не по себе.

А Свенсон был удивительно спокоен: он, сторонясь от огня, подошел к колоколу и пробил пожарную тревогу. Команда высыпала на палубу. Люди одевались на ходу и смотрели, как желто-красные языки огня подбираются к трюмам. Механик выскочил из машины с огнетушителем в руках. Вся палуба уже пылала, и он все приме-

ривался, откуда начинать тушить пожар. Он нелепо прыгал, прицеливаясь то туда, то сюда, и не знал, на что решиться.

Свенсон посмотрел на него и расхохотался. Он-то мог смеяться. На «Лососе» стоял катер с керосиновым мотором, и в такую погоду ничего не стоило добраться на нем до берега. А то, что сгорит судно, ничуть не беспокоило старика. И шхуна, и груз, и даже будущие прибыли были надежно застрахованы Свенсоном, и он ничего не терял от пожара.

Нам было хуже: у каждого в сундучке лежали тоненькие пачки долларов — всё наше богатство, заработанное в этих плаваниях. Мы знали, что их-то уж никто не вернет нам, когда пойдет ко дну «Лосось». Все сразу вспомнили о деньгах, и кто-то уже бросился в кубрик, но Свенсон рывкнул так, что никто не посмел уйти с палубы.

Старик приказал спускать катер, а механику крикнул:

«Бросьте, чиф, поздно!»

На «Лососе» всегда работали быстро. На этот раз страх подгонял людей, а Свенсон одним взглядом своих холодных глаз удерживал людей от паники. Минуты не прошло — катер уже качался под бортом. Свенсон взглянул на меня и движением головы показал — прыгай, мол! Повторять ему не пришлось — я первый прыгнул на катер и только тут, оказавшись в безопасности, почувствовал, как мне страшно. Захотелось закурить. Я пошарил по карманам и вспомнил о своей коробочке. Она осталась на судне. О том, чтобы возвращаться за ней, не могло быть и речи. Тут я вспомнил рисунок и надпись. «Кухонная соль», — подумал я о себе и почувствовал, как краска заливает мое лицо.

Один за другим вся команда перебралась на катер. Старик, как и положено, спрыгнул послед-

ним и приказал подалее отходить от шхуны. Матросы отпихнулись баграми, и катер, медленно двигаясь, стал отходить от горящего судна.

Механик возился с двигателем. Вдруг он побледнел, обнаружив, что на катере нет ни бутылки горючего. Как это случилось — я до сих пор не понимаю. Но в то время о том, как это случилось, никто из нас не думал. Мы все с тревогой думали о том, чем это кончится.

Положение сложилось незавидное. Охотское море — море коварное. Штили здесь подолгу не бывают, а в шторм на маленьком катере, лишенном управления, продержались бы мы недолго.

Когда Свенсон осознал это, он медленно, как медведь, не говоря ни слова, стал наступать на механика, в упор глядя на него своими жесткими серыми глазами. Механик встал навтыжку и бледный как снег ждал своей участи. Остальные расступились, расчистив для старика дорогу.

Наконец, подступив на полшага, Свенсон левым кулаком снизу вверх быстрым движением ударил механика в глаз, а правой рукой в то же мгновение схватил его за горло. При этом он захрипел так, словно не он душил, а его душили.

Мы все поняли — еще секунда, и механик навсегда перестанет дышать. Но никто не сдвинулся с места. Старика боялись...

И вот тогда неожиданная удасть накатила на меня. Я бросился к Свенсону, толкнул его так, что, пошатнувшись, он выпустил горло механика и сел на банку. Сорвав куртку, я сунул ее в руки старику и, прежде чем кто-нибудь успел сказать слово, сбросил с ног деревянные туфли-колодки и вниз головой кинулся за борт.

В несколько взмахов я добрался до «Лосося». Вскрабкаться на палубу в то время для меня не представляло никакой трудности. Оглянувшись, я заметил брошенный огнетушитель, подхватил

его, ударил о палубу и песчаной струей промел дорожку сквозь пламя к фонарной кладовке. Я знал, что там в запаянных бидонах лежало килограммов триста керосина. Один за другим бидоны полетели в воду...

«Довольно! — кричали мне. — Хватит, иди назад!»

Но я не слушал. Я выбросил все, до последнего бидона. Потом я кинулся в кубрик и выбросил все сундучки, кроме тех, которые были прикованы к койкам. Когда я покончил и с этим, вся палуба уже пылала, как огромный костер. Зажмурив глаза, я бросился к борту прямо через огонь. Я слышал, как затрещали в огне мои волосы, но тут же нащупал фальшборт, перевалился через него и оказался в воде. Секунду спустя глухой взрыв раскатился над морем. Мне показалось, что горячая волна окатила меня сзади. Я обернулся... «Лосося» не было на воде. Обломки и щепки всплывали из глубины. Некоторые еще дымились...

Как я попал на катер, не помню. Когда я очнулся, матросы баграми вылавливали бидоны и сундучки. А Свенсон стоял надо мной. Он улыбался, точно ничего не случилось.

«Ну-ну, — сказал он, когда я открыл глаза. — Молодец, миссис Скалки. Теперь все в порядке, и повар сделался моряком».

А мне стало страшно. Так страшно, как никогда еще не бывало. У меня стучали зубы, всего меня трясло, как от холода. Я не мог смотреть на Свенсона, мне страшно было увидеть механика. И тут, наверное, я и решил расстаться и со Свенсоном и с морем. Тогда без всяких приключений мы добрались до Олюторки. Там пожили на берегу, раскинув лагерь, как робинзоны, а через полтора месяца пришел пароход и доставил нас в Сан-Франциско.

Свенсон уговаривал меня пойти с ним в новый

Я ударил огнетушитель о палубу и песчаной струей промел
дорожку сквозь пламя к фонарной кладовке.

рейс, но я отказался. Тогда старик, кряхтя, выдал мое жалованье, не прибавив ни копейки. Он только сказал на прощание:

«Ладно, Пит, я не в обиде на тебя. Когда подведет живот, можешь вернуться ко мне. Для тебя всегда найдется местечко, и, скорее всего, матроса, а не повара».

К осени он снарядил новую шхуну. А я остался на берегу. Мне вскоре и в самом деле пришлось подтягивать пояс. Я голодал, но к Свенсону так и не пошел. Я долго скитался по Америке, прибавляясь случайными заработками. Потом мне удалось зацепиться за нефтяные промыслы. Там дело пошло лучше, чем на море, и скоро я стал мастером на буровой. Потом я скопил немножко денег, сел пассажиром на пароход, добрался до Японии, а оттуда перебрался в Советский Союз. Вот и все...

Я достал коробочку и протянул Скалкину.

— Возьмите,— сказал я,— и, если не секрет, скажите, каким ветром вас занесло опять в эти края?

— Да, я и забыл,— хватился Скалкин.— В тот раз возле нашего лагеря на берегу мы нашли черные поля, вроде асфальтовых мостовых. Тогда я не знал, что это такое, и удивлялся, глядя на старика. Он ножом отковыривал куски черной твердой, как камень, земли и рассовывал себе по карманам. Он никому не говорил, зачем ему это нужно. Но однажды утром, придя на камбуз жарить свой хлеб, он вслух размечтался о нефти... Еще тогда я кое-что понял, и вот теперь еду проверить свои предположения.

...Мы разошлись под утро. На другой день Петр Петрович с бригадой рабочих высадился на берег. Когда катер отвалил от борта, Скалкин помахал

мне рукой на прощание, и больше я его не видел. В Олюторке у меня было много всяких хлопот, а потом я просто забыл об этой встрече.

Но недавно, читая газеты, я узнал, что в тех местах начинают разведочное бурение на нефть. И мне сразу представился мой ночной собеседник. Вот тогда и вспомнил я свою костяную коробочку, а заодно и всю эту историю.

БЕЛУШОНОК

За лето на больших белух Васька вдоволь насмотрелся на промысле. А вот маленьких белушат ему ни разу не приходилось видеть, и, когда вместе с крупным зверем в невод попал белушонок, Васька очень обрадовался. Он стрелой помчался на берег, присел на корточки рядом с белушонком и стал его разглядывать.

Белушонок лежал у самой воды, неуклюже ворочался и шлепал по песку плоским, широким хвостиком. Морда у него была тупая, рот беззубый, туловище круглое, вроде толстой морковки, а по бокам торчали два маленьких плавничка. В общем, был он похож на большую белуху. И кожа на нем была такая же — как облупленное крутое яйцо. Только у взрослых белух она и цветом, как крутое яйцо, а у белушонка черная, с синевой, как спелая слива.

Тут Васька понял, почему у белух другой раз бывают черные горбы. Это белушата сидят, прижавшись к матерям.

Ваське стало жаль белушонка. Он погладил его и сказал ласковым баском:

— Эх ты, беденький, куда же ты с большими-то полез? Гулял бы себе по морю...

Белушонок ничего не ответил, только вздохнул и моргнул узкими глазками.

Тем временем ловцы таскали зверя из невода. Вода возле берега бурлила и пенилась, как кипятилок на огне. Белухи — огромные звери — носились во все стороны, били широкими хвостами, налетали друг на друга, выскакивали из воды, ныряли, кувыркались, но уйти из невода не могли. Бросится белуха в одну сторону — тут берег. Повернет назад, бросится в другую — там сеть.

Стоя по пояс в воде, ловцы накидывали веревочные петли на широкие хвосты зверей, потом вдсятером, ухватившись за конец, тащили белуху на песок. Иную вытащат — она бьется, шлепает по песку хвостом, прыгает — подойти страшно. А другая лежит смиренно, как неживая, только изредка вздохнет протяжно и ухнет, выпуская воздух из дыхала.

Наконец последнюю белуху вытащили на песок и сели тут же отдохнуть и покурить.

А Васька глянул на море и вдруг заметил, что рядом с опустевшим неводом плавает большая белуха. Он подошел к старшему ловцу.

— Смотри-ка, дядя Антон, — сказал он. — Вон зверь у невода ходит. А ты говорил, что белуха невода боится.

— Зверь, говоришь? — Антон из-под руки глянул на море. — И то, зверь. Эй, ребята! — обернулся он к ловцам. — Несите-ка сельдяной невод, поймаем вон того зверя. Да живо!

Ловцы побежали за неводом, а Антон еще раз поглядел на море и объяснил Ваське:

— Это того белушонка мамка. Вишь вот зверь, а детенка своего не бросает. Боится она невода — как не бояться, — а от белушонка ни-ни, ни за что не уйдет.

Ловцы принесли невод, погрузили на лодку и, взявшись за весла, стали обметывать одинокую белуху. Васька посмотрел на них и опять присел возле белушонка.

— Вот теперь и мамку твою за тебя поймут, — сказал он, — глупая твоя мамка: и тебя не уберегла и сама теперь попадетсЯ. Не то что мой папка, мой — умный знаешь какой? Вон он на катере зверя караулит.— И Васька рукой показал на море.

Там, за полкилометра от берега, покачивались на волнах две большие низкие лодки с белушьими неводами и стройный высокий катер.

Белушонок опять промолчал, открыл только рот и чуть шевельнул плавничками.

Коротким неводом ловцы быстро окружили белуху и потянули к берегу. Она далась легко, только под конец забилась и выкинулась на песок чуть не до половины. Ее за хвост повернули мордой к морю, вытянули еще немного и оставили у самой воды.

Это была очень большая белуха — больше самого здорового быка. Она тяжело дышала, раздувая белые бока, и тоже моргала глазами.

Васька не очень вежливо ухватил белушонка за хвост и поволок по песку к пойманной белухе.

— Пойдем, я тебя к мамке отведу,— сказал

он, — хоть напоследок друг на дружку посмотрите, попросааетесь.

Тут увидел он управляющего промыслом, вышедшего на берег.

— Петр Ильич, — крикнул Васька, — гляньте, кто попался-то!

— А ты и рад, дурачок, — сказал управляющий. — Моя бы воля, я бы их всех отпустил, и больших и маленьких. Да ничего, брат, не поделаешь. Наша должность такая. Не таскай ты его, не мучай. Давай-ка лучше зверя сочтем. — И он принялся считать белух, лежавших на берегу. Их оказалось больше сотни. Потом управляющий пристально оглядел спокойное море и чистое небо, окинул глазом горизонт и тут заметил маленькое серое облачко.

— Придется, ребята, зверя повыше поднять, — сказал он ловцам, — к вечеру как бы шторм не разыгрался. Смотрите, добычу не смыло бы.

— И то, — согласился Антон. — У меня с утра кости ломит. К погоде, не иначе. Да и чайки вон на воду не садятся... Давайте-ка, ребята, авралом.

Уставшие за день ловцы нехотя поднялись и стали оттаскивать белух подальше от берега. Звери были тяжелые, а людей на промысле и без того не хватало. Чтобы убрать до вечера всех белух, приходилось с этим делом спешить. А тут как раз дежурный на вышке дал сигнал — поднял красный флаг на короткой мачте. Это означало, что показался зверь.

Васька поглядел на море. Там белые и черные горбы то и дело поднимались из воды и пропадали снова, и даже издали было понятно, что идет большой косяк зверя.

А управляющий не на белух смотрел, а на катер. Он боялся, как бы зверя не прокараулили. Если солнце бьет в глаза, белуху в море плохо видно.

— Эх, хорош косячок,— сказал управляющий.— Семен бы только не проворонил.

Васька услышал эти слова и обиделся за отца.

— Как же, проворонит,— сказал он.— Сами не провороньте, а папка вон катер заводит.

На катере и в самом деле завели мотор. Белый дымок показался за кормой. Катер двинулся с места, сперва тихонько, потом, натянув буксиры, сразу рванулся вперед и помчался, огибая косяк и таща на буксире обе лодки. С задней два человека белыми охапками сбрасывали за корму тяжелый невод.

Почувяв недоброе, весь белуший косяк круто свернул в сторону. Но было уже поздно. Сеть зыбкой стеной встала на пути к открытому морю, и белухам невозможно было прорваться.

На берегу ловцы спешили, как могли, с уборкой, но дело все равно шло медленно. Управляющий сам то и дело брался за лямку. Тут он вспомнил, что есть на промысле старая лошадь Машка. На ней возили дрова для кухни и воду с ключа.

— Эй, Васька,— крикнул управляющий,— полно тебе с белушонком играть, давай-ка работать!

— А чего делать-то? — спросил Васька.

— Вот сейчас Машку приведут, так ты садись на нее верхом да будешь белух возить. Ясно?

— А чего же,— согласился Васька,— это можно.

Он любил ездить на Машке верхом. Лошадь была послушная, и Васька легко с ней справлялся. Его посадили на лошадь, он взял в руки повод. Рабочие накинули лямку на хвост белухе, Машка тронула и не спеша потащила зверя.

— Эй, с дороги! — покрикивал Васька и подгонял лошадь.

А катер уже повернул к берегу. За ним длинной цепочкой лежали на воде поплавки. И ни одна

белуха не могла пройти под ними. Если бы огромный зверь ударил с ходу, он пробил бы невод, как паутину. Но белухи подплывали поближе к сетке и, увидев белые ровные клетки, так пугались, что, разом повернув, торопились уйти подальше от страшного невода. А невод стягивался крутой дугой и вот-вот должен был совсем закрыть зверю дорогу к морю. Похоже было, что на этот раз косяк не уйдет.

На берегу работа остановилась. Ловцы смотрели на невод и гадали, сколько белух вытянут на этот раз. Сказать этого пока никто не мог, но видно было, что зверя попало очень много.

Испуганные белухи забились, подняли брызги. Вода в неводе забурлила, побелела и глухо зашумела, словно где-то неподалеку гремел водопад.

Как раз в это время Васька подъехал к матери

белушонка, и Антон набросил ей на хвост петлю. И, если бы Васька сразу тронул лошадь, наверное, ничего бы и не случилось. Но он решил напоследок еще поговорить с белушонком. Он подъехал к нему поближе и сказал:

— Ну, прощайся со своей мамкой. Теперь я ее прямо на завод свезу...

Тут на берег накатилась небольшая волна. И то ли испугалась Машка, то ли не хотела ноги мочить, только она попятилась задом и наступила на хвост белухе. Та рванулась и, почуяв под собой воду, собралась с силами, вся изогнулась, как рыба, сильно отпихнулась хвостом и сразу оказалась в море.

Лямка была длинная. Прежде чем Васька опомнился, белуха уже далеко отплыла от берега. Она с разгона так дернула лямку, что лошадь от неожиданности села на задние ноги и сползла

в воду. Она тут же попыталась встать, но под водой песок жидкий, как кисель.

Машка не удержалась, сползла еще глубже, а секунду спустя только голова лошади осталась над волнами.

Машка отчаянно билась. Глаза ее налились кровью, ноги работали, как пароходные колеса, но как ни старалась, не могла она справиться с белухой. Та повернула в открытое море и понеслась вперед. Она шлепала хвостом, глубоко ныряла и снова поднималась из воды, чтобы вздохнуть.

Лошадь вместе с Васькой тащились за ней, как на буксире.

На берегу, увидев это, ахнули. А Васька даже и не заметил, как все это произошло. Он только схватился крепче за шею лошади и что есть силы прижался к ней. Секунду спустя он понял, что белуха тащит их в открытое море, сжал Машкину шею еще крепче и отчаянно закричал:

— Папка, тону!

Он бы, наверное, и еще раз позвал отца. Но тут горькая вода набралась ему в рот, он захлебнулся, цветные круги закружились перед его глазами, и все пропало... Он уже не видел и не слышал ничего, но по-прежнему, как клещами, сжимал ручонками шею лошади.

А невод уже притонили. Катеру осталось пройти метров двести. Уже вышел на нос матрос, чтобы бросить конец веревки на берег. Но, как только белуха потащила Ваську, рулевой, заметивший его, круто отвернул катер от берега, наперерез зверю.

— Руби конец! — приказал Семен матросу. А сам выхватил бинокль из футляра и быстро глянул на море, на берег, на невод.

До берега и так было рукой подать, а в бинокль он показался еще ближе. В неводе билось сотни

три жирных, крупных белух. Та белуха повернула и пошла вдоль берега. А Васька по-прежнему крепко держался за шею лошади.

«Успею!» — решил Семен.

Матрос уже замахнулся топором, но Семен ему под руку крикнул так, что услышали даже на берегу:

— Стоп, не трогать невод!

На секунду показалось всем, что Семен хватился поздно. Топор блеснул на солнце и с глухим стуком ударил по канату. И все ждали, что вот разлетится пополам канат и зверь лавиной пойдет в море из невода. Но ничего не случилось. Матрос в последнее мгновение успел вывернуть топор, и он ударил по канату плашмя.

В ту же секунду Семен бросился к рулевому.

— Лево на борт! — крикнул он.

— Есть лево на борт! — откликнулся рулевой и перекатал рулевое колесо. Катер рыскнул кормой и круто свернул к берегу.

— Ничего, ребята, поспеем! — сказал Семен так, словно просил прощения у команды катера. — Поспеем, вот увидите. Держи конец! — крикнул он тут же и сам кинул на берег выброску.

На берегу подхватили ее, выбрали конец каната и всем народом взялись тянуть крыло невода к берегу. Потом заложили канат на ворот, и работа пошла еще быстрее. Широкий полукруг, образованный неводом, с каждой секундой становился уже, и вода внутри него кипела и пенилась от бешеной толчеи зверя.

— Смотри, Антон, не упусти! — крикнул Семен и, оттолкнув рулевого, сам встал к штурвалу. — Давай самый полный! — скомандовал он в переговорную трубку. — Самый полный, слышишь!

Мотор фыркнул и загудел с надрывом. Белый дым повалил из выхлопной трубы. Катер взмылил воду за кормой и понесся следом за той белухой.

Все, кто был на берегу, с волнением следили за этой удивительной гонкой. Ни Васьки, ни Машки с берега не было видно. Только маленькая черная точка бежала по воде, и никто не знал, жив ли еще Васька.

— Пропал Васятка,— сказал кто-то из рабочих.

— Не пропадет, парень крепкий,— отозвался другой.

— Да много ли мальчонке нужно? Глотнет воды разок, и все тут...

— Вот белуха, зверь глупый,— сказал Антон,— а и та, гляди-ка, за детенышем на смерть идет. А он невод сперва привел, а потом сына пошел выручать. Выходит, зверь детеныша больше нашего любит. Так, что ли?

— Не дело болтаешь, Антон,— перебил управляющий.— Белуха зверь глупый, это ты верно сказал. А у Семена расчет. На то он и человек. Спасет он сына, не бойся, только бы руки не отпустил...

Катер неся, не сбавляя хода. Расстояние между ним и белухой быстро сокращалось. Семен передал штурвал рулевому, а сам опять взялся за бинокль.

Васька держался крепко. Когда подросел катер и белуху вместе с лошадей взяли на буксир, мальчика насилу оторвали от Машкиной шеи. Он весь побелел, глаза у него закатились, а закоченевшие синие пальцы никак не хотели разгибаться.

Отец взял Ваську на руки и отнес в свою каюту. Там он раздел его, положил на койку, растер сухим шарфом и стал делать ему искусственное дыхание. Он разводил сыну руки, сильно нажимал на живот, снова разводил руки...

Наконец Васька вздохнул. Потом его вырвало горькой водой, он закашлялся, открыл глаза и порозовел немножко.

— Папка, тону,— прохрипел он и опять забылся.

Катер причалил к берегу. Лошадь и белуху вытащили на песок. Машка стояла как вкопанная и прядала ушами. А белуха долго билась на берегу. Рабочие поохали, покричали, а потом все опять принялись за зверя.

Только к самой ночи убрали всю добычу. На этот раз попало двести восемьдесят штук.

Всю ночь работал завод. К утру больше половины добычи успели разделать, а утром, в шесть часов, завод закричал тонким гудком, и Васька проснулся.

— Папка, тону,— прошептал он спросонья, но сообразил, что уже не тонет, и, увидев отца, который за столом пил чай, спросил: — Папка, а Машка утонула?

— Все живы, и Машка жива,— ответил отец.

БУТЫЛКА С «КРАСНОГО ЯКУТА»

Китобойная флотилия, продвигаясь на северо-запад, шла во Владивосток. Позади остались просторы Тихого океана, узкая дорожка Панамского канала, бурная Атлантика. Двадцать пять тысяч пройденных миль лежали за кормой, а впереди, совсем уже недалеко, ждали моряков родные берега.

Флотилия шла строем: впереди «Камчадал» — огромный пароход-завод, за ним, как утята за уткой, три маленьких китобойца.

От восхода до заката в наблюдательных бочках, на мачтах китобойцев, стояли самые глазастые моряки. Они внимательно оглядывали невысокие волны, стараясь отыскать фонтаны китов, но океан, зеленый, как раствор купороса, давно уже не радовал глаз китобоев. От горизонта до

горизонта расстилался он однообразной пустыней. В этот день так ничего и не увидели...

С утра влажная духота стояла над океаном. Тропическое солнце жгло нещадно. На палубе доски лопались от жары, пузырями вздувалась краска. Днем мало кто по своей охоте оставался на палубе, зато, едва зашло солнце, вытащив из кают тюфяки, матросы, кочегары, мясники и салотопы устроили на палубе парохода сплошную ночлежку. Жарко было и тут. Но тут хоть иногда пролетал над головами людей короткий порыв ветерка, и люди вздыхали с облегчением.

Ночь стояла тихая и темная. За кормой в легком тумане светились огоньки китобойцев. Все шло как надо, по-хорошему... И вдруг страшный взрыв, раздавшийся где-то на корме, разбудил команду «Камчадала».

Спросонья люди не знали, за что приниматься. Одни с тюфяками в руках торопились в каюты, другие тащили добро на палубу. Одни спешили на корму, другие бежали на нос. Цепляясь босыми ногами за снасти, люди падали, налетали в темноте друг на друга...

— Крюйт-камера взорвалась! Котел рвануло! На старую мину напоролись!

Эти новости, неизвестно откуда рождавшиеся, мгновенно облетали все судно и сейчас же умирали, уступив место другим.

Что случилось на самом деле, никто не знал, и многие невольно ждали, что вот-вот раздастся еще взрыв.

Среди прочих был на «Камчадале» матрос, по фамилии Убейволк, а по прозвищу Задерикоза. Он первым оказался возле спасательной шлюпки, сорвал брезент и, свесившись со шлюпочной палубы, завопил не своим голосом:

— Ребята, шлюпки спускай!

Второй раз крикнуть ему не пришлось. Рядом

с Задерикозой откуда-то из темноты появился капитан. Он сложил руки рупором и голосом, привыкшим отдавать команду, властно крикнул:

— Не было тревоги! Прекратить панику!

Этот окрик, как холодный душ, подействовал на встревоженных людей. Сразу стихло на палубе и стало слышно, как бултыхает винт за кормой и пыхтит в глубине парохода машина.

Кто-то догадался включить освещение. Вспыхнули лампы. Яркий свет залил палубу, осветил скомканные белые простыни, как снег лежавшие на палубе, сбитые полосатые тюфяки, полураздетых людей, смущенно поглядывающих друг на друга.

Потом открылась машинная дверь, и старший механик, длинный, чуть сторбленный, весь потный от жары, с руганью вышел на палубу.

— Немцы хитрецы,— закричал он, отыскивая глазами капитана,— луну, говорят, придумали, а порядочного баллона сделать не могут! Вон, понюхайте, аромат какой.

В то же мгновение все, кто был наверху, ясно ощутили резкий запах нашатырного спирта. Он быстро расплывался над палубой. И сразу все стало ясно: взорвался большой баллон с аммиаком в холодильной камере.

Холодильник ставили в Германии, по дороге, и теперь механик ругал немцев.

Ночная тревога, поднявшая на ноги экипаж, оказалась сущим пустяком. Люди, успокоившиеся и немножко сконфуженные, отыскивали свои тюфяки и не спеша укладывались досыпать ночь. Со шлюпочной палубы, воровато озираясь, спускался Задерикоза.

— Шлюпки-то будем готовить или подождем? — спросил боцман, встретившись с матросом на трапе.

Внизу расхохотались. Но Задерикоза будто и не заметил шутки.

— Шлюпки — это первое дело, — важно сказал он. — У меня тоже был случай: налетели мы на мину. И вот как у нас — паника, капитан струсил, голову потерял. Пробоина — что твои ворота, судно тонет. Так бы и пошли рыб кормить. Да спасибо, я не растерялся: сразу к шлюпкам, распорядился как следует, по порядочку. Вот тем только и спаслись.

Задерикоза врал до рассвета. А утром прямо из океана поднялось жаркое солнце, и тысячи веселых зайчиков забегали по бортам, по надстройкам, по мачтам. О ночной тревоге скоро забыли, но прошел еще день, и пришлось вспомнить о ней.

Только сели за стол в большой кают-компании «Камчадала», вошел завпрод, перепачканный мукой, и, позванивая связкой ключей, болтавшихся на пальце, подошел к капитану.

— Беда, Иннокентий Иванович, — сказал он громким шепотом, — в холодильнике жара, как в духовке. Запасных баллонов нет, холод ушел, и хотите верьте, хотите нет: все мясо тронулось. Что теперь и делать, не знаю.

— Не было печали, — сердито сказал капитан и отодвинул тарелку. — Раз тронулось — за борт его. Что же тут еще поделаешь? Нечего сразу разводить. Вы уж сами и распорядитесь, Николай Иванович, пообедают люди, и сразу авралом...

После обеда завпрод выкликнул охотников. Их нашлось больше чем нужно. Ходить за продуктами в холодильник все любили на «Камчадале». Там было холодно, как зимой. На тонких трубочках, змейками тянувшихся по стенам, рос белый иней. Тут после тропического зноя палубы всегда можно было отдышаться, можно было смахнуть рукой пушистый снежок с морозильной трубки

и холодной ладонью провести по уставшему от зноя лицу.

Но теперь иней растаял. На трубках висели грязные желтые капли. В холодильнике стало душно, как в заброшенном погребе, пахло кислыми яблоками, испортившимся мясом и какими-то грибами.

— Беда,— сказал завпрод, окинув глазами свои владения. Сокрушенно покачав головой, он показал глазами на мясо, висевшее вдоль стенки, и добавил грустно: — Ну что же, ребята, давайте...

Матросы снимали с крючьев обмякшие, покрывшиеся серым налетом бараньи тушки, большие куски мяса, свиные окорока... Взвалив на спины тяжелую ношу, они выбегали на палубу и складывали у фальшборта груды добра.

Завпрод еще раз посмотрел на свои пропавшие запасы, потрогал мясо пальцем, понюхал и, вздохнув, сказал, наконец:

— Вали за борт...

Кому-кому, а завпроду было от чего расстроиться. В Гонолулу, где в последний раз стояла флотилия, завпрод по дешевке купил много мяса и надеялся, что хватит до конца рейса. А тут, раз такое дело, снова придется придумывать, чем кормить команду...

Тяжелые куски полетели за борт.

Как раз в это время подбежал Задерикоза с тушей барашка на плечах. Он сбросил барашка прямо за борт в воду. Туша плюхнулась, подняв брызги, и стала медленно тонуть. Вдруг рядом с барашком появилось в глубине длинное светлое пятно. Барашек рванулся в сторону и пропал.

Приглядевшись, все, кто стоял у борта, увидели небольшую стайку огромных коричневых рыб. Они плыли за «Камчадалом», обгоняя друг друга, рыская острыми носами, как собаки, бегущие по следу. Когда мясо падало в воду, перевернувшись

кверху белыми животами, они хватали кусок и, вырывая друг у друга, торопились в сторону.

— Акулы! — крикнул кто-то, и к борту со всех сторон стал сбегаться народ.

Задерикоза метнулся было в сторону, но, увидев, что ничего страшного нет, тоже протолкался поближе к борту.

— Позапрошлый год мы пароход из Америки гнали, — принялся он рассказывать. — В море у нас машина испортилась. Пришлось стоять двое суток. Тогда вот тоже акулы кругом ходили. А я взял нож и пошел купаться. В один день четыре штуки заколол. Три-то маленькие, метра по полтора, а одна здоровенная попалась, метра три, а то и больше...

— Да ты, оказывается, герой! — сказал боцман.

Но Задерикоза сразу заскромничал:

— А никакого геройства тут нет. Тут только смелость нужна. Я бы хоть сейчас с ними пошел воевать, да капитан пароход не остановит...

— А зачем останавливать. Мы тебе акулу на палубу доставим, а ты нам покажи, как с ними справляешься!

— Так это не то, это же плевое дело. И не интересно даже, — сказал Задерикоза.

Но остальным затея понравилась. Боцман притащил из кладовки кусок стального троса, механик послал свободного от вахты кочегара отковать крючок. Через четверть часа тот принес свое изделие: здоровенный крюк в палец толщиной. На одном его конце была загнута небольшая петля, на другом — зарублена бородка, как на гарпуне.

Крюк привязали к концу троса, насадили на него кусок мяса. Боцман осмотрел крючок и наживку, плюнул на нее, как в детстве плевал на червяка.

— Ловись, рыбка, большая и маленькая! — сказал он и закинул удочку.

Акулы разом бросились на наживу. Та, что была ближе всех, уже нацелилась, но другая вынырнула из глубины и, опередив остальных, проглотила мясо вместе с крючком.

Трос натянулся. Двое матросов, державших его, поехали по железной палубе, как по катку. Боцман восьмеркой набросил конец троса на кнехты. Акула забилась, метнулась, нырнула в сторону. Но вдруг канат ослаб и завился кольцами.

— Сорвалась! — с досадой сказал боцман и потянул трос на палубу.

Когда поднялся из воды конец удочки, все увидели, во что превратился крюк: вместо него болтался привязанный к тросу прямой железный пруток. Акула разогнула крюк как булавку.

— Ну, Задерикоза, придется тебе повоевать. Рыбешка-то, оказывается, не больно тихая, — засмеялся механик. — Поди-ка, Вася, в машинную кладовку, там на нижней полке прутковая сталь есть, скажи, я велел, да из нее и откуй. Да закалить не забудь! — крикнул он вдогонку кочегару.

Пока в машине ковали новый крючок, люди продолжали таскать мясо из холодильника. Но теперь его не сбрасывали за борт, а складывали тут же на палубе для наживки. Неожиданная забава увлекла всех моряков. Даже капитан спустился с мостика и, улыбаясь, смотрел на рыболовов.

Наконец принесли новый крючок. Боцман ударил им о железную стойку, и крючок зазвенел, как хороший топор.

Снова наживили, снова закинули удочку. На этот раз акуле не удалось разогнуть крючка. Взявшись всей командой, огромную рыбину подняли на борт. Перевалившись через поручни, она сорвалась с крючка и стала неистово биться на палубе. Огромная пасть, полная острых зубов, то и дело открывалась и закрывалась. Хищные

круглые зеленые, как у кошки, глазки злобно смотрели по сторонам, словно выбирали, на кого бы наброситься.

Задерикоза никак не ожидал от акулы такой силы и резвости. Ему не раз приходилось видеть акул. Он прежде плавал на рыболовном траулере на севере. Случалось, что вместе с треской попадали в трал большие акулы, но там они лежали на палубе как мертвые. То были глубоководные акулы. Когда их поднимали из воды, огромных рыб распирало внутреннее давление, и они сразу подышали. А эта и не собиралась как будто издыхать. Она по-прежнему билась. Задерикоза струсил не на шутку, попятился, потом повернулся и помчался, шлепая босыми ногами по горячей, как плита, палубе.

К пойманной акуле никто и подойти не решался. Наконец боцман взял пожарный лом и замахнулся, целясь в голову огромной рыbine. Но тут сквозь толпу протискался главный повар негр Персифаль Гревс.

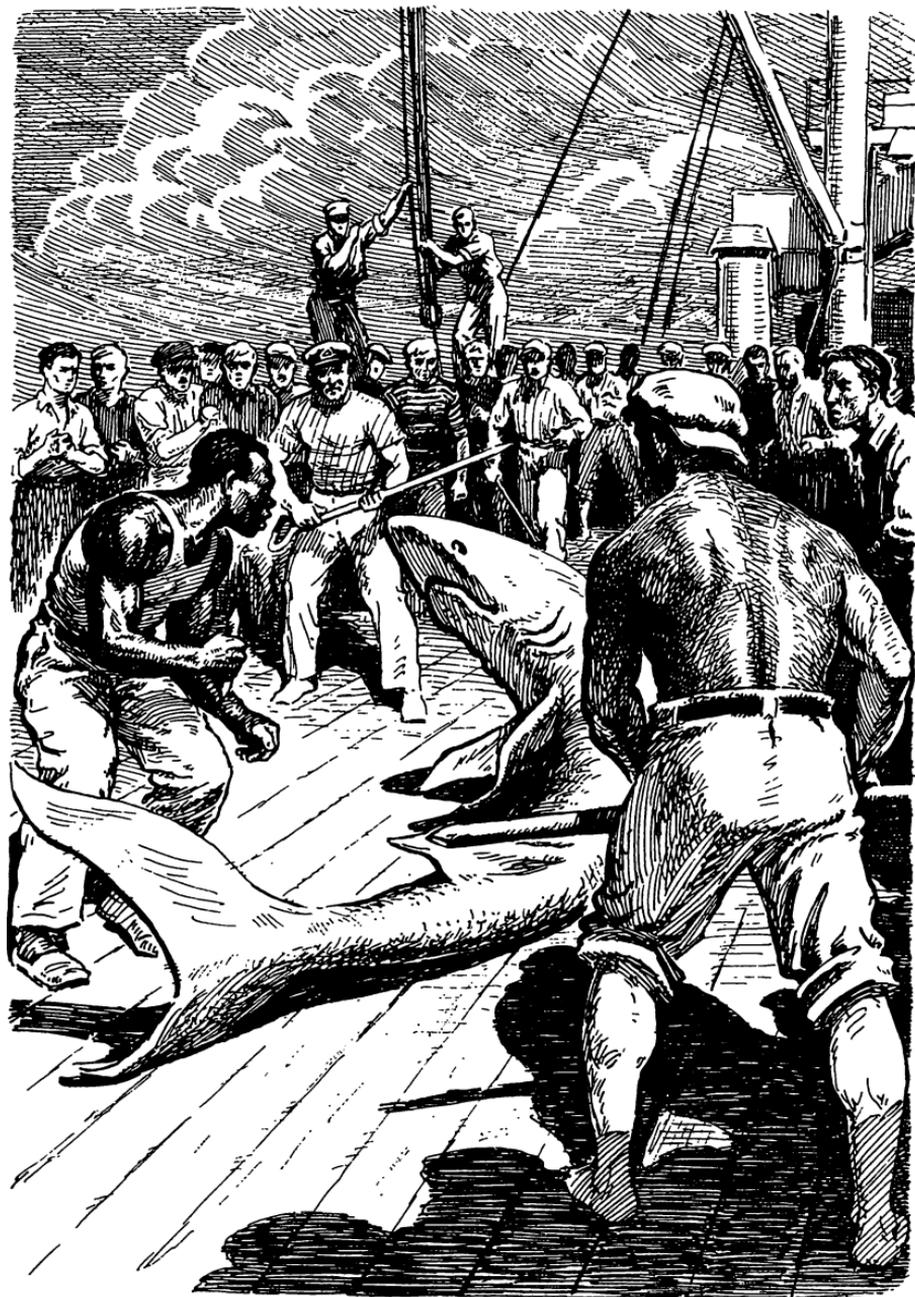
В руках он держал толстую палку, остро заструганную с обоих концов, как «чижик».

Вытянув руку, негр дождался, пока акула во всю ширину открыла свою огромную пасть, подскочил и точным движением сунул палку ей в рот. Акула разом сжала зубы, но палка вонзилась в обе челюсти, и рот у акулы так и не закрылся.

— Ай да повар! Молодец! Этот и правда в воде с акулой справится,— заговорили со всех сторон.

А Персифаль, очень довольный, обернулся и сказал:

— Акула мой враг. Шесть лет назад акула откусила ногу моему брату, и теперь ему придется ходить на костылях. В Америке безногому негру очень плохо жить. Если у него нет брата, он, как акула с палкой во рту, умрет с голоду.

К пойманной акуле никто не решался подойти.

Боцман набросил петлю акуле на хвост. Лебедкой подняли огромного хищника над палубой. Акула побилась еще и успокоилась, слегка раскачиваясь из стороны в сторону.

Моряки обступили ее, рассматривая со всех сторон. Некоторые даже щупали огромную рыбину. На брюхе кожа у нее была белая и гладкая, как у лягушки, а на спине — коричневая и шершавая, как напильник. Кверху торчали острые, как шипы, костяные пупырышки. Пока разглядывали акулу, в первом ряду появился Задерикоза.

— Ты чего же так поздно? — спросил боцман. — Без тебя тут сладили.

— А чего же не подождали? — ответил Задерикоза, ничуть не смутившись. — Я за ножом бегал. А теперь, чего уж, теперь с ней и связываться не стоит. Сбросить ее за борт, пусть там с голоду подыхает.

Но тут капитан вмешался в разговор.

— Редкостная акула попалась, — сказал он, — большая очень. Раз уж так повезло, надо шкуру с нее содрать, засолить да во Владивосток доставить. Хорошее чучело для музея получится.

Так и сделали. С акулы сняли шкуру, уложили в ящик, круто пересыпав солью, а тушу поволокли к борту. Тут из распоротого брюха огромной рыбины вывалились на палубу потроха.

— Задерикоза, вот тебе с кем воевать-то, — сказал боцман. — Спихни-ка это всё за борт да окати палубу.

Задерикоза взял небольшой багор и перевалил мокрую грудку через фальшборт.

Акулы набросились на новую подачку. Две из них вцепились в акулий желудок, разорвали его пополам и пропали в глубине. И тут из-под воды вынырнула, ярко сверкнув на солнце, большая бутылка.

— Бутылка! — закричали со всех сторон, по-

казывая друг другу пальцами.— Эй, смотри, бутылка. Да вон она!

Капитан тоже заметил бутылку, посмотрел в бинокль, и ему показалось, что в бутылке лежит что-то белое, похожее на бумагу.

Рядом, почти борт о борт с «Камчадалом», шел китобоец «Партизан». Там тоже заметили бутылку и показывали на нее друг другу.

Капитан взял рупор и крикнул:

— Михаил Михайлович! Бутылку видите? Не теряйте ее из виду, подберите, вскройте и, если что дельное, доставьте к нам на борт!

— Есть подобрать! — ответил капитан.

Китобоец отработал задним ходом, остановился и, медленно разворачиваясь, пошел к бутылке. Один из матросов перешагнул через фальшборт, держась за поручни, нагнулся к самой воде, подхватил бутылку и высоко поднял ее над головой. И вдруг, вместо того чтобы догнать «Камчадала», китобоец быстро, набирая ход, помчался в сторону. Матросы, собравшиеся на борту «Камчадала», посмотрели туда и сразу поняли, чем вызван неожиданный маневр: там, куда спешил «Партизан», поднимались над морем фонтаны китов. Это были первые киты, замеченные со времени последней стоянки.

Началась охота. И хоть следить за такой охотой всегда интересно, бутылка, подобранная «Партизаном», не давала команде «Камчадала» покоя.

В наше время, когда в каждом порту есть телеграф, а на каждом морском судне радиостанция, бутылки с письмами стали в море большой редкостью. Пошли разговоры о таких бутылках. Задерико́за, как всегда, уже собрал вокруг себя целую толпу и самозабвенно врал, на ходу придумывая разные невероятные истории. На этот раз его слушали с интересом.

— Бутылка — это дело серьезное, — важно го-

ворил Задерикоза. — Мы вот тоже на севере нашли однажды бутылку, а там написано было, что иола на Медвежьем острове разбилась и вся команда с голоду пропадает. Ну, мы, конечно, прямо туда. Спасли тогда этих моряков. Так они нас благодарили. А еще я бутылку раз нашел на берегу, на Сахалине. Пошел купаться, гляжу — вроде камень плавает. Что бы, думаю, такое? Поглядел — бутылка. Старинная, вся ракушками обросла. Ну, когда разобрались, оказалось, что она лет полтора-раста плавала и всю землю кругом обошла. В той бутылке английский адмирал писал, что команда взбунтовалась и высадила его вместе с офицерами на остров. Туда-то уж, конечно, не пошли: где ж там, через полтора-раста лет? Поздно! А я тогда эту бутылку и письмо в Англию отправил, а потом мне оттуда награду выслали. И сам я тоже бутылку запечатывал. Это когда мы на мину налетели. Да, видно, она и до сих пор где-то плавает: океан-то большой, не сразу выловят.

Когда Задерикоза наговорился всласть, пошли рассказы о том, как судили матроса, нарочно бросившего бутылку с письмом о крушении, которого на самом деле не было, но больше всего говорили о той бутылке, которую подобрали на «Партизане».

— Вот помяните мое слово — это старинная бутылка. Тоже небось лет сто проплавала, — уверял Задерикоза.

Тем временем охота на кита шла своим чередом. Китобойцы гонялись за морскими великанами. Издали китов невозможно было разглядеть. Только фонтаны взлетали то тут, то там. А китобойцы останавливались, замирали и вдруг полным ходом бросались в сторону фонтана. Из труб маленьких стройных корабликов валили густые клубы черного дыма и развевались позади, как

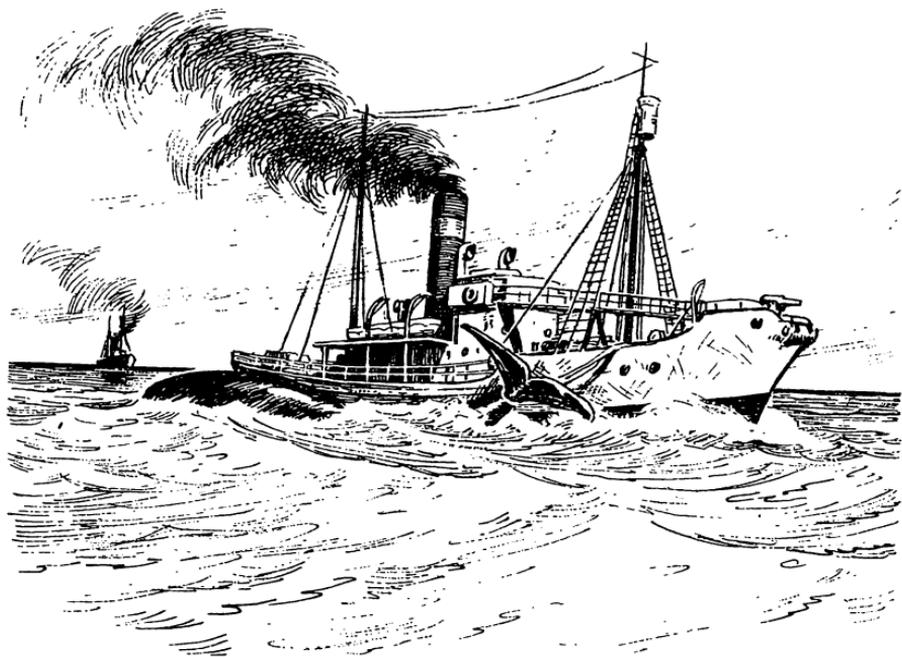
хвосты. И сами китобойцы были похожи на каких-то проворных зверьков, играющих с добычей.

Уже под вечер над носом «Партизана» поднялось тугое облачко дыма, и по морю прокатился далекий звук глухого выстрела — это догнали кита и всадили ему гарпун в спину.

Потом «Партизан» долго возился с китом, принимая его на буксир, наконец там справились с этим делом и с тушей под бортом пошли догонять «Камчадала».

На «Камчадале» готовились к приемке. На палубу вынесли крючья и ножи, открыли люки, отвинтили крышки жиротопных котлов. Но, хоть каждому хватало работы, нет-нет, а вспоминали бутылку.

Наконец «Партизан» подошел и вместе с китом передал на «Камчадал» письмо, принесенное морем.

Капитан прочитал его, улыбнулся и приказал вывесить на специальной доске возле главной мачты, где вывешивали все важные сообщения.

Один за другим матросы подходили к доске, читали письмо и разочарованные расходились по палубе.

А в письме по-русски, по-английски и по-японски было напечатано:

«Эта бутылка брошена с парусного моторного судна «Красный якут» с целью изучения течений. Нашедшего просят написать, когда, где и как найдена эта бутылка, и отослать письмо по адресу, напечатанному на обороте.

Капитан парусно-моторного судна «Красный якут».

Задерикоза прочитал письмо, покачал головой:

— Как же, знаю я это судно. Они каждый год эти бутылки бросают. Тоже дело нужное, а как жё? И я с ними ходил, этих самых бутылок, наверное, не одну сотню своими руками за борт выбросил. Вот только давеча забыл рассказать. И капитана ихнего знаю. Хороший человек, душевный. Меня уважал очень. Вот ведь где пришлось встретиться: можно сказать, у акулы в животе.

— А тебе самое место — у акулы в животе. Только зря команду взбудоражил, — сказал боцман и громко скомандовал: — На лебедках. Не зевай, поглядывай! Вира помалу! Кита принимать приготовиться!

ПОТОМОК ВИКИНГА

Норвежский пароход «Эрик», груженный мукой, шел на остров Сахалин, в Охту, и в тумане сбился с курса. Он крепко сел на мель, пропорол левый борт и погнул гребной вал.

Капитан не хотел просить помощи. Он решил сняться своими силами: часть муки на кунгасах свезли на берег, остальную сбросили за борт, потом на катере завезли якоря за корму и попробовали судовыми лебедками сдернуть «Эрика» с мели. Но грунт оказался слабым. Якоря пахали песок, а пароход так и не сдвинулся с места.

Тогда «Эрик» дал сигнал бедствия.

Я в то время был боцманом на портовом ледоколе «Богатырь» и не поверил, когда услышал, что нас посылают на помощь. Наш ледокол все лето простоял на приколе, и в порту говорили, что мы давно приросли к берегу. Казалось, что на сборы уйдет неделя. Но мы приналегли и собрались в тот же день.

Четыреста тонн угля погрузили за восемь часов, взяли водолазов, доски, цемент и вечером еще засветло вышли из порта.

«Богатырь» делал по семнадцати миль в час, и все-таки никто не верил, что мы поспеем вовремя: в ноябре Охотское море редко бывает спокойным, а шторм за два часа превратил бы «Эрика» в щепки. Но ему повезло с погодой: тринадцать суток подряд не было свежего ветра.

Мы пришли на четвертый день рано утром. Я вышел на мостик. Наш капитан Леонтий Игнатьевич Стариков был уже там и любовался рассветом. Среди моряков этот Стариков слыл чудачком. Он писал картины масляными красками и капитанский салон на «Богатыре» превратил в мастерскую художника. На свои картины он

перевел столько холста, что его хватило бы на оснастку хорошего корабля.

Длинный, стройный, как мачта-однодеревка, в фуражке с позеленевшим «крабом», он стоял, широко расставив ноги, и смотрел, как расходится туман. Освещенные солнцем, яркие как огонь ключья отрывались от воды и таяли в воздухе.

«Эрик», чуть накренившись, огромной серой тушей вылезал из тумана. В гилляцкой деревушке на берегу дымили костры и выли собаки. Дальше синей зубчатой стеной поднимались сахалинские сопки.

— А красиво, понимаете, — сказал Стариков и поднял бинокль.

По тому, как он ощупывал «Эрика», видно было, что теперь уже смотрит моряк, а не художник. Бинокль скользнул по грузовой линии, задержался на секунду у якорных канатов, обшарил палубу, поднялся на мачту и на трубу.

— Ишь, руку-то растопырил, как полисмен, понимаете, — улыбнулся Леонтий Игнатьевич и протянул мне бинокль.

Я оглядел пароход и только тут понял, о какой руке он говорит. На трубе была нарисована ладонь, а под ней — три огромные красные кляксы.

— Это марка компании «Олсен». У них все пароходы так разукрашены. Ну, вот что, понимаете, забирайте-ка людей да заводите буксир. А водолазы пусть пластырь подводят. Довольно загорать. Дернем его за ноздрю да поведем.

Мне пришлось крепко поработать в тот день. Пароход в восемь тысяч тонн — это не рыбацкая шампунька. Надо подумать, как взять его на буксир, а тут еще пришлось помогать водолазам. Они то и дело поднимались из воды, фыркали, как моржи, требовали доски, цемент, болты.

Мы весь день провозились на аварийном пароходе, и весь день нам в глаза лезли эти красные

руки. Они были всюду: на белых шляпках, на ведрах, на спасательных кругах. Точно кто-то захватал окровавленной ладонью всё, что было на палубе «Эрика».

— Придет же в башку такая фантазия! — удивлялись наши матросы. — Здесь поплаваешь, нагладишься — и сам бандитом станешь.

Впрочем, матросы на «Эрике» вовсе не были похожи на бандитов. Добродушные, веселые ребята, все в одинаковых синих свитерах. Они помогали нам крепить буксир, угощали нас сигаретами и с удовольствием курили нашу махорку. К вечеру водолазы наложили пластырь. Они с двух сторон обшили пробоины толстыми досками, налили между ними цементный раствор, а мы обнесли вокруг борта «Эрика» двойную петлю каната, передали буксир и с полного заднего хода дернули.

На «Богатыре» стояла машина в пять тысяч сил. Канат разрезал воду, задрожал и захрустел. Петля обтянулась с такой силой, что краска под ней задымилась, а кое-где и вспыхнула желтыми огоньками. Из-под кормы ледокола поднялась желтая пена. С «Богатыря» и с «Эрика» все смотрели на канат и гадали: выдержит или лопнет. Вдруг «Эрик» вздрогнул всем корпусом и удивительно мягко сошел с мели. Водолазы еще раз осмотрели пластырь, и поздно вечером, попрощавшись с норвежцами, мы вернулись на ледокол. Туда же перебрался и капитан с «Эрика». Он, должно быть, считал неприличным командовать пароходом, который идет на буксире.

«Богатырь» взял курс на Владивосток.

Ночью я вышел на палубу и встретил капитана. По ночам Стариков часто выходил покурить.

— А пассажир-то наш, оказывается, миллионер, сам хозяин компании «Олсен», — сказал Леонтий Игнатьевич. — Я бы на его месте и плавать

не стал, а ему вот не сидится, понимаете. «У нас, говорит, все в роду — моряки, и мне надо плавать». А какой там «надо», просто игрушка это для него, развлечение от безделья. Я у него и про руку спросил, так он мне целую легенду сплел. Интересно: был у них предок Эрик Олсен, пират. Грабил купцов, людей вешал, товары раздавал дружине, а золото складывал у себя в трюме. Столько накопил, что и балласта не надо. Все дороги загородил: ни пройти, ни проехать. А английскому королю это острый нож: всю коммерцию ему старик испортил. Вот он и послал против Олсена свой флот. Тут старику и досталось: все его корабли потопили и дружину перевешали на реях. Только он один и ушел на своем корабле, да и то весь израненный. Пришел домой и чувствует, что отплавал, пора помирать. А там у него было два сына-близнеца. Он их позвал к себе на корабль и распорядился: «Двоим на корабле командовать не годится: садитесь на шлюпки, а как я спущу флаг, так гребите ко мне. Кто первый положит руку на палубу, тот и будет хозяином». Ну, братцы приналегли на весла, и один обогнал другого на полшлюпки. Еще бы чуть, и быть бы ему хозяином, да малость перестарался: сломал весло. А другой тут как тут и уже лезет на борт. Ну, а этому стало обидно, так он выдернул меч, отхватил себе руку и швырнул на палубу. И пришлось старику отдать ему корабль. Ничего не поделаешь: первым руку положил. Вот видите, какая история. А этот, который у нас, прямой потомок того безрукого, и тоже такой, что руки не пожалеет. Интересный мужик. Ну, спокойной ночи, боцман, посматривайте за буксиром, а я пойду посплю до утра.

Я обошел ледакол и постоял на корме. С буксирной лебедки тянулся стальной канат. Он был толщиной с бутылку, но дрожал, как леска, на

которой бьется пескарь. «Эрика» не было видно, только ходовые огни из темноты глядели нам вслед.

К утру мы заметно продвинулись к югу, но в Куросиво еще не вошли. Было прохладно. Сопки надели белые шапки, и с моря казалось, что весь Сахалин ежится от холода. Небо обложило серыми тучами, но воздух над морем стоял прозрачный. В бинокль видны были даже деревья на берегу.

Оба капитана прогуливались по палубе. Стариков показывал норвежцу Сахалин, море и чаек с таким видом, будто все это принадлежало ему, Старикову.

Норвежец был ниже ростом, но шире нашего капитана. Фуражка и теплая куртка сидели на нем плотно и складно. На груди у него болтался отличный бинокль. Он то и дело подносил его к глазам.

Говорили они по-английски. Норвежец цедил слова, не выпуская изо рта толстой сигары, а Стариков широко открывал рот, махал руками и чуть не после каждого слова прибавлял по-русски «понимаете». Он на всех языках говорил одинаково нескладно и непонятно.

Они до обеда простояли на мостике, а потом заперлись в салоне. Вечером капитан вызвал меня к себе. Норвежец, сидя в кресле в углу салона, читал старый английский журнал. В другом углу стоял мольберт с начатым портретом.

Леонтий Игнатьевич смешивал краски на палитре. На нем поверх форменной тужурки был синий, перепачканный красками халат. Стариков писал быстро, и на портрете уже можно было узнать норвежца.

Когда я вошел, он положил палитру и познакомил меня с норвежцем.

— Это боцман, понимаете, а это капитан Олаф Олсен. Вот что, понимаете: нас тайфун догоняет, — сказал он и, повернувшись к Олсену, повторил: —

Тайфун, шторм, вилд, понимаете? — и ду-нул: — Фу-фу.

Потом, должно быть для убедительно-сти, взял со стола радиосводку погоды и два раза ткнул в нее карандашом.

— Так вы того, боцман, приготовьте бросательные концы, пробки, шлюпки. А команда пусть спит, пусть в «козла» не иг-

рают... и сами отдохните. Ну все,— и положил сводку на стол.

Я ушел, отдал распоряжения и обошел ледокол. Все было в порядке, все на месте.

Небо очистилось. На розовом фоне заката сопки казались черными и плоскими, как на дешевом японском веере. Чайки носились вокруг ледокола. Ветра не было, кормовой флаг обвис. Я спустил его, снес в штурманскую и зажег ходовые огни. Стало заметно теплее. Мы вошли в Куросиво.

В каюте было душно. Не раздеваясь, я лег на койку. Вода чуть слышно плескалась где-то за бортом. Когда на мостике пробило десять, я погасил свет и задремал.

Меня разбудила качка. Где-то хлопала дверь. В закрытый иллюминатор била волна. Непромокаемая куртка качалась на вешалке. Я надел ее, заглушил иллюминатор крышкой и вышел на палубу.

Дул свежий теплый ветер. Звезды над головой качались, как на качелях. Все море светилось голубым сиянием. Волны лениво взбирались на низкую палубу и с шумом скатывались в море

синими огненными водопадами. Куросиво полно разных светящихся тварей.

Оба капитана, Олсен и Стариков, стояли на мостике. Олсен в черном резиновом плаще, в сапогах и в кожаном шлеме казался настоящим викингом. Вместо сигары он сосал короткую трубку. А Стариков в длинном рыжем роконе, перепоясанном ремешком, и в зюйдвестке, подвязанной тесемками, выглядел высокой тощей старухой. Он увидел меня и крикнул:

— Ну, началось. Я говорил... Через час разойдется вовсю. Вы смотрите, чтобы никто там не сыграл за борт.

Через час действительно разошлось. Ветер ревел так, что не стоило разговаривать. Палуба пропала под волнами. Казалось, что одна надстройка уцелела от всего ледокола. «Богатырь» взбирался на волну, падал вниз, кланялся направо и налево. Я никогда не видел такого крена. Мне казалось, что мачты ложатся горизонтально.

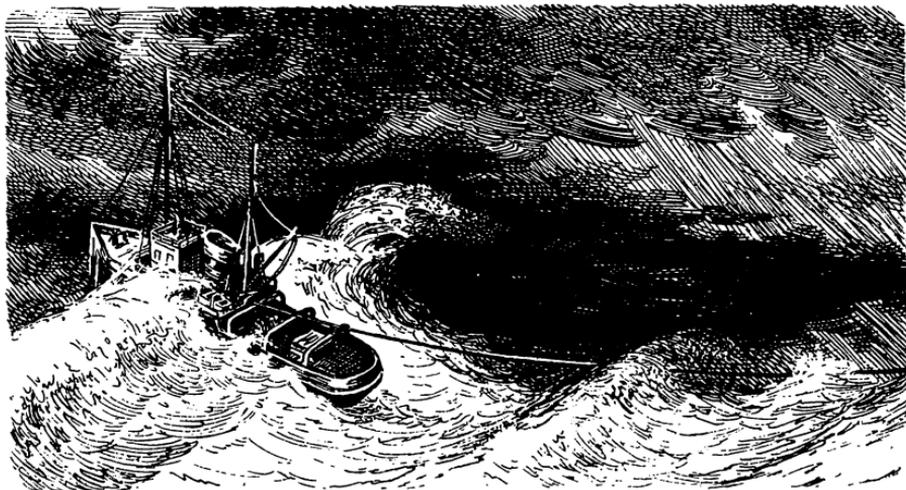
«Эрик» рвался за кормой. Его огни то появлялись, то пропадали. Потом на мачте замелькала сигнальная лампа. Радиист прочитал: «Вода прибывает».

В этом не было ничего удивительного. Еще бы вода не прибывала в такую погоду в распоротых, наспех залатанных трюмах.

«Эрику» приходилось плохо. Разобьет пластырь — и тогда погибнет и пароход и сорок человек команды. В такую погоду не спасают ни шлюпки, ни пробковые жилеты. Хорошо еще, если мы сами успеем выскочить из этой бани.

«Богатырь» стонал и кряхтел. Канат рвался за кормой. Лебедка скрипела.

Казалось, вот-вот спрячутся огни «Эрика» и не появятся больше. А тогда поспевай на лебедку. Прозеваешь, не отдашь вовремя или заест буксир — и прощай! «Эрик» в пять раз больше

«Богатыря»: как клюнет, так и нырнет за ним, как поплавок за ершом.

Но огни «Эрика» снова поднимались над волнами, и все понимали: это еще не конец. Еще час, два, может быть, пять часов «Эрик» продержится.

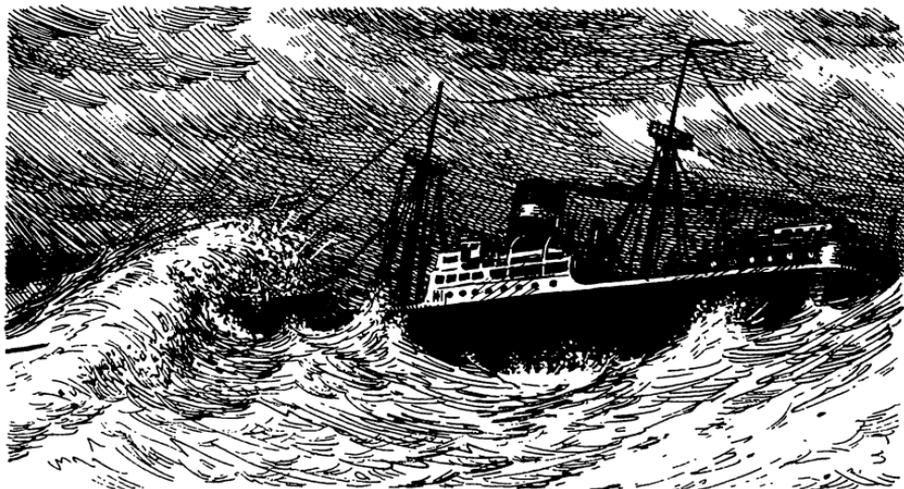
А кто знает, сколько продержится шторм? В Охотском море тайфуны дуют по десять суток подряд, а пока что барометр упорно показывает бурю.

Но ветер вдруг сразу упал. Стало душно и тихо, как в погребке. Волны бесшумно вздувались и пропадали. Олсен выбил и снова набил трубку. Я чиркнул спичкой, и она не погасла. Олсен, Стариков и я — все трое закурили от нее. Я бросил ее, когда огонь обжег мне пальцы.

Наш капитан тревожно поглядывал по сторонам. Он снял зюйдвестку и прислушался.

Потом он заговорил, и странно было слышать его голос. За все это время мы не сказали ни слова.

— Повезло, понимаете, в самую середку заплыли. Давайте, боцман, людей на правый борт, пойдем снимать команду с «Эрика». А буксир

отдавайте, к чертям. Пароход все равно пропал, а так, чего доброго, конец на винт намотаем.

Потом, повернувшись к Олсену, он почти то же сказал по-английски. Олсен слушал молча, и я ждал, что он ответит.

— Нет-нет,— сказал он наконец.— Простите, капитан Стариков, но, если бы я вел вас на буксире, я не бросил бы ваш пароход посреди моря. Впрочем, это мое частное мнение, хозяин здесь вы.

— Что вы, капитан Олсен, сейчас центр тайфуна пройдет. Все равно придется бросать, а так хоть людей вытащим.

— Мои люди привыкли рисковать. Ни матросы, ни офицеры не уйдут с корабля. На «Эрике» все — настоящие моряки.

Леонтий Игнатьевич хотел что-то ответить, он открыл было рот, потом вдруг плюнул и крикнул:

— Отставить, боцман! Пойдем так, понимаете,— и надел зюйдвестку.

С моря катился нарастающий шум. Потом потянул ветерок. Потом твердые, как дробь, брызги забарабанили по стенкам надстройки. Море опять

зашумело. У левого борта встала водяная стена и обрушилась на нас сверху.

На этот раз «Богатырь» окунулся вместе с надстройкой. Мы едва удержались за поручни. Когда вода схлынула, оказалось, что не хватает двух шлюпок. Одна из них еще болталась на канате. Следующая волна оторвала и унесла ее.

Стало вдруг очень холодно, и море сразу погасло. Ледокол обступила ночь, черная, как тушь, и ветер, упругий, как резина.

Огни «Эрика» то появлялись, то пропадали. Наш капитан ушел в рубку. Олсен, облокотившись на поручни, смотрел в темноту. Это был настоящий моряк, викинг.

Я не мог решить, кто был прав — Стариков или Олсен.

Впрочем, теперь было все равно. Осталось одно: ждать, надеяться и пробиваться сквозь бурю. И никто не мог сказать, выиграем мы или проиграем.

Опять тревожно замелькали огоньки на мачте у «Эрика». Капитан высунулся и поманил меня. В рубке было тихо и жарко. Радист работал ключом. Голубая контрольная лампочка вспыхивала на столе.

— Дело дрянь, понимаете,— сказал Леонтий Игнатьевич,— донки у них не справляются. За полчаса в трюмах прибыло на два фута. Скоро нырнут... Ну что там? — обернулся он к радисту.

— Сидит глубже марки,— ответил радист.— Часа полтора, больше не продержится.

— И чего я, дурак, послушался? Ему парохода жалко, а на людей наплевать,— сказал капитан.— Выходит, он крепче деда, тот руку отрубил, а этот сам утонит за копейку и людей перетопит... Так вот что, боцман, подойти к ним нельзя, все равно разобьет... А если что, людей попробуем снять. Как-нибудь вытащим. А вы встаньте на лебедку

и смотрите не проморгайте, а то и нас, как сом гусенка, утянет.

Он вышел на мостик. Ветер с силой захлопнул за ним дверь.

— Ну, попали в кашу,— сказал радист.— Жалко ребят. Немногие выскочат.

Я собрался идти на корму к лебедке.

Когда я выходил, оба капитана под руку вошли в рубку. Спускаясь по трапу, я схватился за холодные поручни и вспомнил о рукавицах. Я оставил их на столе у радиста и вернулся за ними в рубку.

Наш капитан стоял посреди рубки, широко расставив ноги и балансируя руками. Когда я вошел, он обернулся и сердито посмотрел на меня.

— Боцман, пошлите сюда двух матросов, надо проводить вниз этого господина,— сказал он, кивнув в сторону Олсена.— Укачался наш моряк, понимаете, сдрейфил. Давайте, говорит, отдадим буксир. А что там люди — это ему наплевать, своя шкура дороже. Вот он какой, потомственный викинг! Только и хватило до первого случая. Ну, идите, боцман, к лебедке, не надо матросов. А вы, капитан Олсен, останетесь здесь,— закончил он по-английски.— Вам нечего делать на мостике. Как-нибудь обойдемся без ваших советов.

Олсен сердито посмотрел на Старикова, ничего не ответил и сел в кресло. Я обвязался концом и прихватил себя к лебедке, чтобы не смыло.

Волны свирепо налетали со всех сторон. Лебедка дрожала, буксир ходил и рвался за кормой. Холодная соленая вода то и дело накрывала меня с головой, и тогда казалось, что все уже кончено. А когда корма «Богатыря» вздымалась и канат уходил отвесно вниз, казалось, что самое страшное только начинается. Но канат выпрямлялся — и опять за кормой появлялись крошечные звездочки — огни «Эрика».

Я долго стоял на лебедке. Ноги устали принаравливаться к качке; руки заоченели, надоело думать о шторме. Хотелось посидеть в теплой комнате, попить чаю с малиновым вареньем. Хотелось спать. Я очнулся от окрика капитана.

— На лебедке! Отставить, понимаете! Пронесло! Маяк открылся!

Полчаса спустя мы вошли в тихую бухту Ольги. К утру наши помпы выкачали воду из трюма «Эрика».

Я вышел на палубу. Утро было холодное и спокойное. Наш капитан стоял у двери салона и тонким ножичком скоблил натянутый на раму холст. Свежая краска сходила легко. Леонтий Игнатьевич стряхивал ее за борт, и глупые чайки хватали цветные полоски и дрались из-за них. Я поздоровался и присмотрелся. Капитан соскабливал портрет Олсена.

— С добрым утром, как спали? — сказал капитан. — А я вот делом занялся, не пропадать же холсту. А гостя дорогого я назад, на «Эрика» списал. Не люблю миллионеров, понимаете.

СЧАСТЛИВЫЙ СТАРИК

Телеграмма пришла на рассвете, а утром мы уже собрались в конторе и обсуждали неприятную новость.

На белушьем промысле Люги прошлой ночью огонь уничтожил склады. Сгорела теплая одежда, сгорели продукты. Это бы еще полбеды. Людей, в крайнем случае, можно перевести на соседний промысел. А вот то, что сгорели белушьи невода, — это хуже. Таких неводов на Сахалине взять негде, а морем из Владивостока тоже в эту пору не доставишь. Летом-то это дело нехитрое. Но лето

давно прошло. Стояла глубокая осень. По Татарскому проливу холодные северные ветры уже гнали льды.

Послать бы ледокол. Да кто же нам разрешит посылать ледокол из-за такого пустякового дела? Для нас-то, конечно, это дело совсем не пустяк. А в порту есть свои дела, поважнее: вот-вот нагрянут морозы, ледоколы каждый день нужны будут на проводке больших кораблей. А на простом, неледокольном судне пробиваться туда, на Люги, навстречу льдам — безнадежное дело. Об этом и думать нечего.

Оставалось одно: махнуть рукой и пропустить весенний ход белухи.

Пропустить весенний ход зверя — все равно, что совсем не ловить. Весной следом за льдом зверь идет прожорливый, напористый, смелый. Идет несметными косяками и целыми косяками заходит в невода. Вот тут и берут его, пока он не стал осторожным, пугливым и сытым. Считанные дни продолжается весенний «рунный» ход белухи, но за эти дни ловят больше, чем за все остальное лето. Но что ж поделаешь, если сети сгорели?

— Ставим крест на весне? — спросил кто-то, когда мы наговорились досыта.

— Выходит, что так, — поддержали другие. — Запишем на Люги недолов.

Обидно было принимать такое решение, но ничего другого придумать мы не сумели.

Тут в комнату зашел капитан Шайтанов. Он закурил свою прокопченную трубку и уселся верхом на стуле. Пока мы, перебивая друг друга, рассказывали ему о том, что случилось, он молчал, попыхивая табаком, поглядывая в окно. Кажалось, ему дела нет до нашей беды.

Наконец мы замолчали. Шайтанов повернулся так, что стул крякнул под ним. Вынув трубку изо

рта, он зажал ее в волосатом кулаке, обвел нас выцветшими серыми глазами и, помолчав, спросил хрипловатым баском:

— Больше ничего не можете предложить, молодые люди?

А что мы могли предложить? Все утро мы только и делали, что предлагали, да так ничего дельного и не придумали. Мы промолчали.

Тогда Шайтанов встал, широко расставив ноги, нацелился мундштуком своей трубки в окно, точно решил выстрелить из нее, как из пистолета, и чуть прищурился, вглядываясь в даль.

Мы все, как по команде, посмотрели туда же.

За окном низкие тучи торопливо неслись над сопками.

Дул свежий ветер. Залив стал белым от пены. Пароходы, качаясь на волне, низко кланялись друг другу мачтами. Маленькие шампуньки и катера прыгали, как поплавки, дергая якорные канаты.

Шайтанов описал мундштуком широкую дугу и нацелил его на маленькую шхуну, притаившуюся у восьмого причала.

— Вон, видите «Север»? — сказал он, обернувшись. — Если найдется десяток моряков, я хоть завтра поведу его на Люги.

Тихий, как утренний бриз, шепоток пробежал по конторе.

— На «Севере» в Татарский пролив, в лед? На этой гнилушке? Да что он, с ума сошел? «Север»... Ему в печку пора, а не в ледовое плавание.

Корабли живут меньше, чем люди. Лет тридцать — сорок, вот и весь корабельный век. Но бывают такие счастливцы корабли, которые плавают по две корабельных жизни. Вот так и «Север». Этот проплавал семьдесят один год! Хаживал он в холодных полярных морях и в жарких тропических водах. Попадал в такие бури, когда

ветер срезает мачты и рвет паруса, и в штили, когда парусники неделями болтаются на одном месте. Он два раза тонул и три раза горел, но из всех бед выходил как ни в чем ни бывало, и слава самого счастливого судна прочно укрепилась за ним в порту.

Все это так. Но счастье счастьем, а чудес в наши дни не бывает. И так каждую весну все моряки удивлялись, что «Север» опять, подняв паруса, пыхтя разбитой машиной, выходит в море. А тут вести его на Люги, да в такое время. Посылать в Татарский пролив. Его ветхие борта часа не выдержат напора льдов. Проще никуда не ходить, а здесь, в порту, пустить его ко дну.

Просто смеется Шайтанов, решили мы.

А он смотрел на нас и впрямь улыбался и молчал, точно хотел угадать, что мы думаем.

— Ну что ж, молодые люди, найдем моряков, а? — спросил он наконец и шагнул от окна к большой карте, висевшей на стене.

На карте, сверху вниз, похожий на рачью клешню, протянулся остров Сахалин. Слева, на верхнем его конце, маленьким черным кружочком был отмечен белуший промысел Люги.

Шайтанов ткнул мундштуком во Владивосток и провел линию вверх, вдоль Татарского пролива.

— Не трудно догадаться, — сказал он, — что здесь я не пойду. Это, сами понимаете, безнадежное дело. Пойдем мы вот так. — И он прочертил другую линию, восточнее острова, по открытому морю. — Льдов тут нет, обойдем Сахалин с востока, повернем на запад и будем со льдом спускаться к югу, пока не нажмет покрепче. До Люги скорее всего не дойдем. Но я выброшу шхуну вот тут где-нибудь, — он показал где, — и выгружу сети. Судно, конечно, погибнет, но сети доставим. А зимой там дороги хорошие, можно и лошадьми подвезти. Дело, в общем, не сложное, но здесь

нужны смелые люди: выбрасываться на Сахалине зимой, сами понимаете, не каждый решится.

И снова шепоток пробежал по конторе:

— Умно придумал старик! «Север» стоит гроши. Все равно ведь на слом. Молодец!

Тут наскоро, чтобы последние сомнения рассеять, прикинули на счетах, и вышло, что Шайтанов кругом прав: жир и кожи тридцати белух с лихвой окупят отжившую свой век шхуну. А вес-

ной не по тридцать, сотнями, а то и тысячами белух каждый год берут на Люги. Значит, стоит попробовать!

Теперь дело за смелыми людьми. Впрочем, и смельчаков тут же нашлось больше, чем нужно. Я сам был очень доволен, что Шайтанов без спора согласился взять меня вторым помощником в этот рейс.

В тот же день мы стали готовить «Север» к походу. Провозились весь день и всю ночь и еще целый день. Пришлось сменить подгнившие снасти, кое-где проконопатить палубу, набить на борта ледовые пояса. А старенькую машину даже и перебирать не стали: до места дойдет, как-нибудь дотянет, а дальше уже и не нужно.

Все, без чего можно было обойтись в этом беспрецедентном, последнем рейсе, сняли с судна и оставили на берегу. Отвинтили медные рейки с трапов и ручки с дверей. Снесли на берег фаянсовые чаши умывальников из кают, вынесли ковры, дубовую мебель, картины, лампы-кенкеты. И от этого, куда ни посмотришь, казалось, что судно безжалостно обворовали грабители.

Мне досталась забота о грузе. Бондари забили

сети в бочки. В бочки же сложили аварийный запас продовольствия, закатали в трюмы и туда же, на самый низ, погрузили тонн двадцать песку, чтобы не идти «пузырем». Груза-то «всего ничего» у нас было, и пришлось брать балласт, чтобы не так болтало в море.

И все же поболтало нас крепко. С вечера, как только мы вышли в море, встречный ветер задул с такой силой, что, казалось, вот-вот наш «Север» нырнет под волну и не вынырнет больше. Но шхуна каждый раз бочком выбиралась из-под воды, отряхивалась, как утка, и упрямо шла вперед до тех пор, пока новая волна холодной стеной не вставала перед ее бушпритом.

Наверху, на палубе, трудно было устоять. Впрочем, нам и делать нечего было на палубе. Все, кроме вахтенных, чуть ли не круглые сутки сидели в крошечной кают-компани, без конца пили чай, болтали без умолку. Рыжий механик смешил нас прибаутками, припасенными к каждому слову; старший помощник играл на гитаре.

На четвертый день ветер стих, а к вечеру подул снова, только на этот раз в корму. «Север» выпустил паруса «бабочкой» и понесся, как гоночная яхта, едва касаясь пенных гребней волн. Стало теплее, и качало не так жестоко, но все равно никто не хотел без нужды выбираться из прокуренной кают-компани.

Удивительный это был рейс! В любом плавании на любом корабле половина усилий команды уходит на то, чтобы сохранить судно. А тут одна забота была у нас — дойти до места. А что будет с нашим кораблем — это уже ничего не значило. И поэтому, вроде как посторонние, как гости, чувствовали мы себя на «Севере».

Никто не чистил медные части, по старинной моде украшенные цветочками. Никто не подкрашивал борта и надстройки. Отскочила краска —

пускай. Размоталась клетневка на тросе — обрезать, чтобы не болтался, не мешал конец, и все. Блоки скрипят — пускай скрипят, все равно мазать не стоит, до Люги проскрипят как-нибудь.

И так во всем, за что ни возьмись.

В последний трудный рейс шел маленький старый кораблик, ободранный, залатанный кое-как, давно утративший свою былую красоту. И все-таки шел он гордо, словно знал, что идет на подвиг, и гордо нес над кормой полотнище красного флага.

На восьмое утро нам встретились первые льдинки. В тот же день Сахалин остался у нас с юга, и мы повернули на запад. «Север» накренился на борт, и волны зелеными горами полезли на палубу.

Льды кругом сгущались. Отдельные рыхлые льдинки все чаще и чаще скребли по ветхим бортам нашего судна. С каждым часом чувствительнее становились их удары. Захлодало.

И хотя по-прежнему звенела гитара в кают-компании и самовар, привинченный к столу, тихонько пел свою песенку, но как-то и здесь чувствовалось, что приближается решительная минута. Все чаще и чаще мы все вдруг замолкали и задумывались, чем кончится наш необычный поход.

Еще засветло мы свернули на юг и вступили в пролив. Теперь каждый час приближал нас к цели. До промысла оставалось не больше ста миль.

Ветер снова переменился, зашел нам в корму, и это очень кстати получилось, потому что залив сужался, льды сгущались, и с каждым часом труднее становилось старику «Северу» выгребать среди льдов. Мы снова подняли паруса, шхуна прибавила ход и скоро вошла в густое, как каша, ледяное месиво. Теперь все время льдины терлись о наши борта, в мочалки раздирая дубовые доски ледового пояса. И, как ни старался Шайтанов

избегать столкновений с крупными льдинами, они все злее наседали на шхуну, и с каждым ударом жалобнее трещали ее борта.

Шайтанов не сходил с мостика. Он в бинокль осматривал льды и неприветливые сахалинские берега. Все чаще и чаще взгляд его останавливался у подножий прибрежных скал, где белела полоска прибоя.

Под утро он вызвал меня, приказал выкатить бочки из трюма. Мы выставили их на палубе и крепко связали длинным канатом.

Потом все оделись потеплее, обвязались пробковыми нагрудниками и рассовали по карманам консервы, галеты и спички. Рыжий механик последний раз смазал машину, вытер руки клочком чистой пакли и вышел на палубу.

Наконец, опустив бинокль, капитан сам встал к рулю. Перекатав спицы штурвала, он положил руль «лево на борт».

«Север» круто накренился под двойным напором ветра и льда, но тут же, сбросив с палубы воду пополам со льдом, выправился и, раздвигая льды, пошел прямо к берегу.

Скалы быстро надвигались на нас. Казалось, сплошной отвесной стеной вставали они над морем. И мне вдруг стало страшно: вот сейчас наш кораблик с полного хода врежется в гранитную стенку, расколется, как орех, волны закрутят и разметут обломки.

Я пожалел, что пошел в этот рейс. Должно быть, и другим было невесело. Все молчали.

Сбившись на самом носу судна, мы смотрели на берег. Каменная стена неумолимо надвигалась на нас, и казалось, что она всей своей громадой клонится к воде и вот-вот сорвется, опрокинется и вместе с корабликом вдавит нас в море.

Когда уже совсем близким стал берег, мы увидели узкую расщелину, промытую в скале горной

речонкой. В бинокль Шайтанов заметил ее раньше нас и выбрал ее последним пристанищем «Севера».

Теперь уже не минуты, теперь секунды решали успех дела. Считанные метры остались до берега.

Вдруг судно вздрогнуло тяжелой дрожью. Что-то заскрежетало под килем.

От толчка я чуть не упал на палубу, но успел ухватиться за поручни и посмотрел за борт. Белая пена кипела вокруг. Снизу что-то невероятно тяжелое било наше старое суденышко, и от каждого удара «Север», стоя на месте, вздрагивал всем корпусом.

Вдруг он приподнялся. Под килем снова заскрежетало, и огромная волна, накатившись сзади, сбила меня за борт. Ледяная вода ослепила меня и бросила на скалы. Я больно ударился спиной. Тело горело от холода. Кругом бешено шумела пена. Руки заоченели, пальцы не сгибались, и я никак не мог ухватиться за выступ скалы.

Вдруг все переменялось. Ветер над моей головой внезапно стих, вместо пены кругом поднималась и оседала зеленая вода. Она уже не хлестала о берег — она дышала медленно и спокойно.

Оглянувшись, я увидел, что «Север» вошел в устье речонки и, накренившись на борт, заклинил расщелину, заслонив нас от ветра.

Кое-как, скользя и ушибаясь, я выбрался на берег и огляделся. Волны, налетавшие с моря, перекачивались через палубу «Севера», и с каждой волной он ниже оседал под страшными ударами. Бочки с сетями смыло в воду, они качались у самого берега. Один за другим выбирались на скалы наши ребята. А старик Шайтанов по-прежнему стоял на мостике, держась за спицы штурвала.

Он что-то крикнул мне, но в узком ущелье стоял такой грохот, что я ничего не расслышал.

«Север» кренился все больше и больше, медленно оседая, пока совсем не лег на борт. Тогда

С полчаса по пояс в ледяной воде мы провозились
с тяжелыми бочками.

Шайтанов спокойно, как в купальне, прыгнул в воду и поплыл к берегу. Несколько рук потянулись навстречу его посиневшим от холода рукам.

— Ну-с, молодые люди, спички есть? — спросил он, как только оказался на берегу.

Механик достал из кармана жестяную коробочку со спичками и окоченевшими пальцами стал открывать крышку.

— Давайте сюда, — сказал капитан, — да наберите чего-нибудь посуше. Ну, бегом, бегом, скорее согреетесь! Да не все, двоих хватит. Остальные займитесь бочками, а то унесет, чего доброго.

С полчаса по пояс в ледяной воде мы провозились с тяжелыми бочками, а когда выкатили их все до одной, под защитой скалы уже пылал высокий костер. Мы сели у огня и стали сушить одежду.

— Вот так, товарищи, — смеясь, сказал Шайтанов, когда все собрались у костра, — разрешите поздравить с благополучным прибытием в порт назначения. Груз сдан на склад, команда уволена в отпуск. У меня всё, товарищи.

Час спустя мы раскинули лагерь. Из бочек и брезентов построили отличную палатку, из сетей сделали постели, сложили очаг и зажили робинзонами на берегу. Еды было вволю, топлива сколько угодно. А через два дня шторм затих, и в нашем лагере стало совсем как на курорте.

За эти два дня волны добились ветхий кораблик.

А еще через десять дней пролив замерз, и мы по льду перешли на соседний промысел.

Зимой на лошадях сети увезли на Люги, но это сделали уже без нас. Мы пешком добрались до нефтяных промыслов и на самолете улетели в Хабаровск.

Лететь нам пришлось как раз над тем местом, где закончил свое последнее плавание наш старик «Север». Самолет шел низко. В окно ясно были

видны остатки нашего лагеря, бочки с сетями и выброшенные на берег обломки судна. А через полчаса, когда мы сели в Николаевске и шум мотора стих, Шайтанов сказал, ни к кому не обращаясь:

— Счастливый старик!

И мы потом долго спорили, о ком он сказал — о себе или о «Севере» и о его удивительном конце.

БАНДИТ

I

Небо, и без того темное, еще потемнело, точно свинцом налилось. Ветер налетел, подхватил твердые, как крупа, снежинки, закрутил их, поднял столбом, унес куда-то, и опять стало тихо-тихо кругом.

Володя остановился, глянул на компас и поправил за плечами тяжелый рюкзак. В рюкзаке, в самом низу, лежали консервы и шоколад. Над ними — вяленая рыба, сухари, а на самом верху, туго скатанный, связанный ремешками, теплый спальный мешок. На поясе у Володи с одной стороны висел большой охотничий нож, с другой — пистолет в кобуре.

— Жарко! — сказал Володя.

Он расстегнул ворот меховой куртки, забросил за плечи длинные уши оленьей шапки, глянул на компас и зашагал дальше. Твердый ледяной наст, проламываясь под тяжестью шагов, звонко захрустел у него под ногами.

Володя давно ждал пурги. Низкие тучи весь день ползли по небу. Налетая порывами, подхватывая и крутя снежинки, холодный ветер сразу набирал силу, и тогда казалось, что вот уже началось, понесло... Но ветер так же внезапно зати-

хал, и тысячи снежинок с легким звоном падали на холодный наст.

Тогда Володя оглядывался на след, посматривал на компас и прибавлял шаг. Он очень торопился. Он решил не отдыхать, пока не начнется пурга. Ведь в пургу — хочешь не хочешь — все равно придется отдыхать. Было бы только где.

На гладком ледяном поле может и вовсе замести в пургу. Но тут повсюду по пути попадались ропаки и торосы, и Володя так выбирал путь между ними, чтобы на случай беды было где укрыться. Ропаки он обходил, через торосы приходилось перелезать, карабкаясь на четвереньках, но лучше уж так, чем на голом месте оказаться в пургу.

А Бандит бежал сзади. И он тоже сторонкой обходил ропаки, перебирался через торосы, но ему было легче: он ничего не нес.

Вдруг ветер разом застонал, засвистел, и в ту же секунду все пропало: и ропаки, и торосы, и небо. Только снег, колючий, жесткий снег, сплошным потоком мчался куда-то, кружась и завывая на лету.

— Бандит, ко мне! — крикнул Володя и бросился туда, где приметил торос повыше.

Тут, под торосом, тоже было не больно уютно: лед, обглоданный ветрами, жесткий холодный снег. Но зато ветер сюда не залетал, и казалось даже, что здесь потеплее. А когда Бандит уселся у ног и принялся скусывать лед с широких, как лыжи, лап, Володя почувствовал себя совсем как дома. Он присел на снег, развязал рюкзак, дал Бандиту небольшую вяленую рыбку, а сам съел горсть сухарей и полбанки консервов. Потом он расстелил спальный мешок, забрался в него, положил рюкзак под голову и улегся на бок. Бандит устроился рядом, прямо на снегу.

— Ну, Бандит, мы с тобою нынче здорово

поработали,— сказал Володя.— Если дальше так пойдет, через неделю будем в Охотске.

Бандит ничего не ответил. Он только посмотрел на Володю умными серыми глазами и потеснее прижался к мешку. Володя закрылся теплым меховым клапаном, и скоро они с Бандитом заснули.

II

Как раз в это время на шхуне «Чукотка» собрались к ужину. За длинным столом уселось девять моряков — кто в полосатой тельняшке, кто в легком кителе, кто в сетке.

Маленькая чугунная печурка, привинченная к полу, раскалилась чуть не докрасна. В ней, шипя и гудя, пылали пористые камни, густо смоленные нефтью.

На столе стояло большое блюдо с макаронами. На потолке висела ярко начищенная лампа. Было и тепло и уютно, а ужин все-таки проходил невесело. Семерых товарищей не хватало за столом. Один из них — Володя Ченцов — ушел, а шестеро лежали на койках, больные цингой.

На шхуне больше половины людей плавали недавно. До этого плавания новички только понаслышке знали о цинге, а тут, как пришлось увидеть ее своими глазами, цинга нагнала на них страху. Молодым ребятам непонятно и страшно было, что здоровые люди ни с того ни с сего начинали вдруг жаловаться на слабость, бледнели, стонали по ночам, а наутро вставали вялые, с мешками под глазами. Больным ничего не хотелось: ни есть, ни гулять, ни работать, ни читать. Одна забота была у них — добраться до койки и укрыться потеплее. Потом у больных из десен выступала кровь, и они даже говорить переставали.

А старые моряки, которым не впервой приходилось зимовать на севере, те тревожились еще

больше. Они-то не раз видели цингу и знали, что тут хорошего ждать не приходится. Вот так полежит больной, потом у него начнут падать зубы, потом ноги и руки распухнут, одеревенеют, и тогда уж — лечи не лечи — нет от цинги никакого спасения. Тогда один конец — смерть.

Лечить цингу нужно с самого начала, а на шхуне лечить было нечем. От цинги одно лекарство: свежие овощи, зелень, молоко. А тут ни зелени, ни молока не было на много миль кругом.

«Чукотка» зазимовала в крошечной бухточке у маленького скалистого островка в Охотском море. На этом островке не то что овощей, на нем и травы не бывает. На скалах растет один мох, да и тот не очень густой. И звери там не водятся — только птицы гнездятся на скалах в летнее время. Ничего завидного нет на этом островке, и корабли туда редко заходят. А «Чукотку» загнала на этот островок нужда.

Поздним временем вышла «Чукотка» из бухты Нагаева. Туда завезла она полный груз продовольствия и лекарств на зиму, разгрузилась и пошла домой, во Владивосток. И хотя уже бурная холодная осень стояла над морем, но на шхуне и на берегу надеялись, что поздний рейс кончится благополучно.

Сначала все и шло по-хорошему. С разных сторон налетали на шхуну ветры, волны качали «Чукотку» на белых гребнях, но прочная, красивая шхуна, точно смеясь над ветрами, танцевала на крутых волнах, кланялась мачтами вправо и влево, а сама шла да шла вперед, оставляя за кормой пенный след.

Так прошли три дня. А на четвертый задул штормовой ветер с севера и такой мороз ударил, что соленые брызги замерзали прямо на лету. Шхуна стала обрастать слоем льда. Палуба превратилась в сплошной каток, на мачтах, на над-

стройках повисли огромные косые сосульки. Ванты стали толстыми, как бревна. Груз льда увеличивался с каждой минутой. Шхуна глубоко осела в воду, стала качаться медленнее, но зато размахи ее качки с каждым разом становились шире и тяжелее. Казалось, вот-вот она совсем ляжет на борт и уж больше не поднимется над водой.

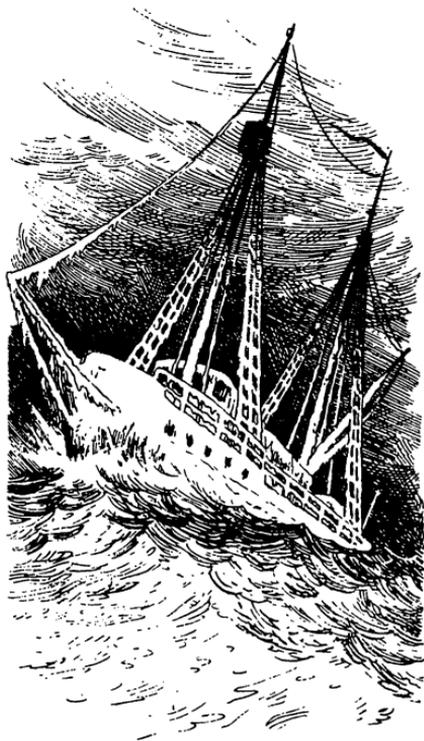
Тогда вся команда шхуны — кто с топором, кто с тяжелым ножом, кто с железным прутом — вышла воевать со льдом. Люди разбивали лед. Он разлетался на тысячи кусков, волны смывали осколки за борт, но ветер бросал на судно новые тучи брызг, и лед нарастал снова.

Некогда было ни отдохнуть, ни погреться. Проклиная ледяной шторм, люди два дня не сходили с палубы и отстояли шхуну.

Ветер сбавил, волны уменьшились, но зато мороз ударил еще крепче. В каютах зажгли печурки и камельки, и тут, на несчастье, вспыхнул пожар в радиорубке. Его погасили скоро, но огонь успел обглодать передатчик, и шхуна осталась без радиосвязи. Слышать-то землю слышали хорошо. Приемник не пострадал от пожара. А сами на землю не могли передать ни слова и, случись беда, так бы и пропали без вести.

А беда, как назло, караулила шхуну в море. Набежали тучи. Крупный снег повалил с неба, и полчаса не прошло — все море покрылось густым слоем «сала» — мокрой снежной кашей, которая вот-вот могла «схватиться», превратиться в лед, и тогда бы недобровать «Чукотке». Вот так и случилось, что завернула «Чукотка» к маленькому необитаемому островку. Здесь, в бухте, капитан решил переждать, пока потеплеет, а уж если накрепко, до весны, встанет лед, здесь же решил он и зимовать.

На зимовке всем сначала даже понравилось. После трудного рейса моряки отдыхали кто

сколько хотел. Делать было нечего, только по утрам всей командой выходили на лед и со всех сторон окалывали шхуну. Пешнями и топорами разбивали на куски намерзший за ночь лед, железными крючьями вытаскивали осколки и складывали тут же, возле шхуны. Скоро целая стена выросла вокруг «Чукотки», и со стороны могло бы показаться, что моряки строят потешную ледяную крепость. Но, конечно, не для потехи трудились люди. Лед окалывали, чтобы он не раздавил шхуну.

После околки завтракали все вместе. Потом читали, играли в домино, слушали радио. Приемник работал исправно, и все слышали, как несколько дней подряд с берега вызывали «Чукотку», разыскивая шхуну в море, спрашивали, где она, что случилось. Но ответить было нечем, и недели через две вызовы прекратились. На берегу решили, должно быть, что шхуна погибла во время шторма.

Когда отдохнули вдоволь, принялись за ремонт. Сменили подгнившие снасти, проконопатили палубу, кое-где заново покрасили надстройки. А механики разобрали машину, промыли керосином, заменили кое-какие части и собрали снова, чтобы весной, как позволит лед, сразу без задер-

жки выходить в море. И, хоть до весны еще далеко было, все на «Чукотке» только и думали о весне.

Когда закончили ремонт, опять стало много свободного времени у людей. Тогда капитан и механик стали заниматься с командой. Капитан учил находить дорогу в море по солнцу и по звездам, разбираться в морских картах и грузить суда. А механик объяснял устройство машины и рассказывал, как она работает и как управлять ею.

Народ на «Чукотке» подобрался дружный. Время проходило незаметно, и не успели моряки по-настоящему заскучать,— прошло два месяца.

И вдруг ни с того ни с сего заболел цингой боцман. На другой день слег еще один матрос, потом через неделю заболело сразу еще двое, и зимовщики приуныли. Вот тогда Володя Ченцов и отправился к капитану.

— Петр Михайлович,— сказал он.— А что, если на берег сходить да оттуда на нартах привезти овощей?

— Что ты, Володя! — ответил капитан.— Здесь до берега с лишним полтора ста миль. Кто же в такую даль пойдет?

— Да я бы и сходил,— сказал Володя.— Вы не сомневайтесь, Петр Михайлович, я по льдам ходить привычный. У нас на севере, на зверобойке, другой раз за день-то миль по тридцать оттопаешь.

— И не думай, Володя,— возразил капитан,— заблудишься, замерзнешь, зря пропадешь. Уж как-нибудь перезимуем. До весны-то всего ничего осталось.

Володя послушался. А на другой день заболел механик. Тогда Володя снова пришел к капитану. Капитан хоть и не так решительно, но все же и на этот раз не отпустил его. И только через два

дня, когда слег еще один молодой матрос, капитан наконец сдался.

— И так горько и так не мед,— сказал он,— ну, да, видно, быть по-твоему. Ступай, Ченцов, только смотри, осторожно. А то, глядишь, и сам пропадешь и нас не выручишь.

Потом он развернул карту, и они вдвоем с Володей долго обсуждали, как лучше идти, как одеться, что взять с собой, где делать привалы и ночевки. Решили, что Володя пойдет на Охотск, и капитан рассказал, по каким приметам узнать охотские берега.

В тот же вечер все зимовщики собрались в столовой, написали родным телеграммы о том, что живы и зимуют в море. За ночь сшили Володе спальный мешок из капитанской дохи, собрали рюкзак. А утром, когда все было готово и пришло время прощаться, Володя попросил, чтобы с ним отпустили Бандита.

— Харчей как-нибудь хватит,— сказал он,— а вдвоем в дороге все будет веселее.

Потом позавтракали поплотнее, на дорогу, по обычаю посидели молча, Володя оделся и пошел не спеша.

Все здоровые вышли его провожать. Володя крепко пожал всем руки и зашагал по льду.

— Прямо на север, так и иди, никуда не сворачивай! — крикнул вдогонку Володе капитан.— Как раз на Охотск и выйдешь. Да на компас почаще поглядывай!

— Есть на север! — ответил Володя.— Бандит, за мной!

Бандит сначала побежал за ним, потом сел на снег, вскочил, кинулся к капитану и, стоя около него, долго смотрел вслед Володе. А когда Володя скрылся за ропками, Бандит взвизгнул, отбежал немного, опять сел и вдруг сломя голову бросился за Володей.

— Вот что значит друзья-то! — сказал капитан, и, постояв еще, все не спеша пошли назад на шхуну.

III

Никто точно не знал, откуда Бандит взялся на «Чукотке». Известно было только, что Володя первый с ним познакомился.

Однажды в Амурском лимане «Чукотка» стояла на рейде и ждала прилива.

День выдался трудный. С утра выгружали шхуну, потом принимали новый груз, и к вечеру, когда отошли от причала и встали на якорь, все так намаялись, что замертво повалились на койки. А Володе спать не полагалось, он остался стоять на вахте.

Ночь выдалась тихая и темная. На небе ни звездочки, только высоко на мачте светился фонарь да на фарватере далеко-далеко загоралась и гасла мигалка.

От скуки Володя ходил по палубе и считал шаги. Но как-то все получалось, что он сбивался, и приходилось начинать снова. Потом ему захотелось закурить. Он в темноте набил трубку, чиркнул спичкой и тут заметил у машинной двери какую-то серую грудку вроде грязной пакли.

Володя решил, что это механики вытащили из машины грязную обтирку и бросили ее на палубе.

«Ишь, духи нечистые, им палубу не убирать, вот и швыряют где попало», — проворчал Володя и пихнул грудку ногой.

Но грудка вдруг заворчала, поднялась. Володя зажег другую спичку. Перед ним стоял огромный кудлатый пес, махал хвостом и скалился, но не сердито, а ласково.

«Ах ты, бандит», — сказал Володя и протянул руку, чтобы погладить пса. Тот не огрызнулся,

не отбежал, наоборот, придвинулся к Володе и потерялся о его ноги.

«Вон ты какой ласковый», — сказал Володя и погладил собаку. Она была очень тощая.

«Как же ты к нам на шхуну забрался? — допрашивал Володя. — Небось есть хочешь?»

Он принес с камбуза большую миску с макаронами. Собака в одну минуту управилась с ними, а потом всю ночь ни на шаг не отходила от Володи. Вахта прошла незаметно. А под утро пес свернулся клубком и заснул.

Когда к концу вахты, потягиваясь и зевая, вышел на палубу сменщик, Володя сказал:

«Ничего такого за ночь не случилось. Все в порядке, только вот лишний пассажир у нас на судне — Бандит».

«Какой такой бандит?» — удивился матрос.

«А вот какой», — ответил Володя и свистнул тихонько.

Пес послушно прибежал, стуча по палубе когтями.

«Вот он какой, Бандит, — повторил Володя и почесал собаку за ушами. — Вот он какой, Бандит. Должно быть, с причала к нам забежал. А знатный пес будет», — добавил он и пошел спать в каюту.

Пес наутро перезнакомился со всей командой, и скоро все на судне его очень полюбили. На сытных судовых харчах он скоро отъелся, шерсть у него стала блестящей и чистой, а кличка Бандит так за ним и осталась. Лапы у Бандита были мохнатые и широкие, как лыжи, морда обросла густой серой бородой, умные глаза смотрели хитро и весело. Красивый вышел пес. И сторож из него получился отличный: другой раз тюленя в море заметит и сразу — лаять. А уж если лодка подойдет поближе или на стоянке ступит на трап посторонний человек — тут Бандита не сразу и

успокоишь. Лаял он грозно, вид имел внушительный и характер неплохой: ласковый, послушный и добродушный.

Однажды с Бандитом вышел такой случай: у помощника капитана собрались гости — моряки с других судов. Они засиделись до поздней ночи. Вспоминали прошлое, рассказывали друг другу разные морские истории. Кто говорил правду, кто выдумывал, а под конец один рассказал страшную небылицу про старого боцмана. Этого боцмана похоронили в море, и вот будто бы после этого он каждую ночь стал являться к кому-нибудь из команды.

В маленькой каюте накурили. Круглое окошечко, выходявшее прямо на палубу, открыли настежь. И не успел рассказчик довести до конца свою страшную сказку — глянул в окошко, да так и замер: с палубы в каюту заглядывал старик, обросший густой седой бородой.

И хоть все понимали, что бояться тут нечего, а все-таки как-то не по себе стало. Даже сам помощник капитана и тот немножко испугался, но тут же узнал Бандита, расхохотался и протянул ему кусок колбасы. Бандит колбасу съел, облизнулся и отошел от окошка. А на «Чукотке» с тех пор еще больше полюбили Бандита и хвастали морякам с других судов:

«Ох и страшный зверь у нас на шхуне живет: семерых храбрых моряков до смерти перепугал».

Теперь Володя с Бандитом ушли, и, конечно, на шхуне без них стало как-то тоскливее.

Володя был парень ловкий, веселый и товарищ хороший. Для каждого было у него в запасе доброе словцо, каждому он готов был помочь, когда трудно приходилось в плавании, никогда не жаловался, а если опасная работа предстояла, Володя всегда первый бесстрашно брался за нее.

Но больше всего любили Володю за то, что

слово у него было твердое: если уж скажет — значит, сделает.

И теперь, хоть и жалко было отпускать с зимовки такого человека, все на судне надеялись: как ни труден путь — не сдастся Володя, дойдет до Охотска и придет оттуда и овощи и лекарства.

Об этом только и говорили целый день.

Рассчитывали так и этак, по сколько километров может за день пройти Володя; спорили, какая будет погода; прикидывали, сколько времени будут собирать нарты и сколько им идти из Охотска. И, как ни гадали, выходило, что к концу месяца, не позже, придет помощь с берега.

А на другой день, как раз перед ужином, поднялась пурга. И сразу всем стало невесело и тревожно. Моряки часто поглядывали на темные окна, за которыми бушевали снежные вихри, прислушивались к ветру. И разговаривали вполголоса, будто чем провинились друг перед другом.

— Ишь как завывает, — сказал один матрос. — Вот так покрутит недели две, и пропал наш Володя.

— Да и нам тогда несдобровать. Всех цинга, как котят, передушит. Весной и якорь поднять некому будет, — мрачно откликнулся другой.

— Ну-ну, нечего каркать напрасно! — строго осадил капитан. Он-то знал, что плохое настроение — верный союзник цинги.

А когда ветер завыл особенно жалостно и протяжно, юнга сказал:

— Это наш Бандитка скулит.

И всем вдруг представилось, что Володя лежит холодный, засыпанный снегом, а Бандит стоит над ним, высоко подняв морду, и воет.

IV

Володя спал крепко. Он даже ни разу и не проснулся за ночь. Утром, высунув голову из мешка, он увидел, что пурга улеглась, и сразу вскочил. Бандит тоже проснулся, отряхнулся, запрыгал вокруг хозяина и завиллял хвостом.

Володя вытряхнул мешок, сложил его, доел вчерашние консервы, дал Бандиту полрыбки и большой сухарь. Потом он умылся снегом, вытерся шарфом, надел рюкзак на плечи, посмотрел на компас и двинулся в путь.

К обеду они сделали привал. Поели, отдохнули немножко и сразу двинулись в дорогу. Долго шли, опять немножко отдохнули, а потом уже шли без отдыха до темноты. Погода стояла хорошая, и Володя спешил. Ведь шли они в таких местах, где на погоду никак нельзя рассчитывать.

Ночью опять поднялась пурга. Но к утру небо очистилось, и ветер улегся. Только много снега навалило за ночь, и идти стало гораздо труднее.

Володя часто проваливался по колено, а то и по пояс. Иногда приходилось выбираться, разгребая снег руками, и бывало так, что Володя за час проходил меньше километра.

А Бандит забегал вперед, стоял, обернувшись к Володе, и словно торопил его и удивлялся, что он так медленно идет.

Иногда он даже лаял. Иди, мол, поскорее!

И Володя отвечал ему как человеку:

— Тебе-то хорошо, у тебя вон лыжи какие. Кабы мне лыжи, пожалуй, и ты бы за мной не угнался.

В этот день прошли они совсем немного, а

устал Володя так, что к вечернему привалу пришел совсем без сил. Выбрав надежный ропак, он сбросил рюкзак, сел на него и минут пять сидел — набирался сил, чтобы развязать ремни и расстелить спальный мешок.

Зато потом три дня пути прошли легко. Старый снег поулегся, новый не выпадал, ветра совсем не было, и к концу шестого дня пути, по Володиным расчетам, выходило, что полдороги осталось позади. А продуктов в рюкзаке было еще порядочно, потому что Володя все время очень экономил.

Седьмой день пути тоже начался хорошо, но к полудню небо обложило тучами, а еще час спустя поднялась пурга. На этот раз она бушевала три дня подряд. И, хоть не терпелось Володе скорее идти дальше, пришлось смириться и три дня сидеть под торосом в крошечной снеговой пещерке. Сперва Володя отоспался, отдохнул, а потом целыми днями играл и разговаривал с Бандитом.

— Ничего, Бандит,— говорил он, оглаживая собаку,— отдохнем тут как следует, а как пурга уляжется, еще быстрее зашагаем. Зато как придем, ты у нас героем будешь. Купим тебе серебряный ошейник, на хвост шелковый бант привяжем, колбасы дадим — целый круг.

А Бандит слушал, чуть подняв ухо, скалился и как будто понимал, что ему говорит Володя.

Наконец погода утихла. Надевая рюкзак, Володя вскинул его на руке и встревожился: за эти дни рюкзак заметно полегчал, и Володя подумал о том, что придется уменьшить порции и себе и Бандиту.

Еще через три дня, как ни экономил Володя, они с Бандитом доели последнюю банку консервов, последнюю рыбку, и, поднимаясь с привала,

Володя заботливо уложил в рюкзак горсть сухарей и две плитки шоколада — все, что у них осталось.

Но зато и идти осталось совсем недалеко. Несколько раз Володе казалось, что он видит горы охотского берега. Но каждый раз, приглядевшись получше, он убеждался, что впереди не сопки, а ледяные валы, а то и просто низкие облака.

Наконец они с Бандитом поделили последний кусочек шоколада. Теперь ничего не осталось у них про запас, нечего было и в рюкзак укладывать. На привале Володя приделал ремни прямо к спальному мешку, а рюкзак бросил, чтобы не тащить лишний груз. Он хотел было бросить и тяжелый пистолет, но передумал и снова пристегнул кобуру к поясу.

Идти по снегу и прежде было нелегко, а тут с голоду и усталости пришлось совсем трудно. Все туже и туже подтягивал Володя ремень, все чаще и чаще приходилось делать привалы. На одном из них Володя прилег, чтобы немножко набраться сил, и незаметно для себя заснул.

Проснулся он от громкого лая. Бандит прыгал вокруг него, лаял и теребил за куртку. А кругом свистел ветер, и, звеня и кружась, неслись миллионы снежинок.

Володя забрался под торос, развернул мешок и улегся. Но перед тем, как заснуть, он крепко обнял Бандита, поцеловал его прямо в морду и сказал:

— Спас ты меня, зверь: еще бы чуть, замело бы меня совсем, тут бы мне и могила!

Тревожно прошла для Володи эта ночь. Сколько продлится пурга? Далеко ли до цели? Сейчас это было важнее всего на свете, а Володя и сам себе не мог ответить на эти вопросы. Одно он знал твердо: каждый день, каждый час отнимает у него

силы, а без сил в безбрежных снегах одна судьба у человека — холодная смерть!

Только под утро Володя забылся коротким сном, а когда проснулся, сразу легче стало на душе: пурга улеглась, небо очистилось, кругом лежала морозная тишина.

Очень не хотелось Володе вылезать из теплого мешка, но он поднялся, свернул мешок, забросил его за плечи и упрямо зашагал вперед. И опять показалось ему, что впереди, на горизонте, встают над ледяными полями высокие белые сопки.

— Ну, Бандит, прибавь шагу, пришли! — весело сказал Володя.

И хоть он к Бандиту обратился с этими словами, а сказал-то их больше для себя: уж очень ему хотелось самому поверить, что на этот раз ошибки нет, что впереди — берег.

Так и шли они до самого вечера. На последнем привале Володя совсем обессилел. Он с трудом расстелил мешок, залез в него и сразу заснул. Но проспал он недолго. На этот раз разбудил его пустой желудок, и, сколько ни старался Володя не думать о еде, мысли упрямо сворачивали на вкусные, жирные, горячие кушанья, и от этих мыслей заснуть было еще труднее. В эту ночь Володя плохо выспался, плохо отдохнул. У него едва хватило сил подняться, а когда он встал, голова у него закружилась, и он долго не решался нагнуться за мешком — боялся, что упадет.

«Все равно, — грустно подумал он наконец, — дойду сегодня — тогда пан. А не дойду — пропал! И так и так мешок мне не нужен».

И, глянув на теплый мешок, он собрал последние силы и зашагал вперед, туда, где неясной грядой виднелись в холодном тумане прибрежные сопки.

Едва передвигая ноги, прошел он часа полтора,

с каждым шагом теряя последние силы. В голове шумело от усталости, мысли сбивались, то уносясь в далекое прошлое, то забегая вперед. Но одна мысль, короткая и ясная, как свет маяка в ночной тьме, не оставляла Володю: «Вперед!» И ноги упрямо несли вперед тяжелое, почти уже неживое тело.

Вдруг тонкая льдинка подломилась у Володи под ногами. Он оступился, упал, а подняться уже не смог. С минуту он пролежал лицом вниз, неподвижно, но потом собрался с последними остатками сил и на четвереньках, как маленький, пополз по жесткому насту.

Бандит бежал рядом и с удивлением поглядывал на хозяина. Он решил, наверное, что Володя затеял новую игру, хотя по голосу и понимал, что ему не до игры сейчас.

А Володя не видел уже ни Бандита, ни дороги. Он об одном помнил: «Вперед!» И он полз вперед, то и дело проваливаясь по грудь и захлебываясь сыпучим снегом. Рукавицы он потерял и раскровенил себе руки. Красные капельки крови яркими пятнами ложились на снегу вдоль следа.

Наконец Володя не выдержал. Он лег на спину, надвинул шапку и потерял сознание.

Очнувшись, он увидел над собой Бандита. Рядом с ним лежали обе рукавицы — Бандит, должно быть, разыскал их в снегу, принес и теперь, гордый своим подвигом, спешил разбудить хозяина. Он лизал Володе руки, тихонько таял и добился своего: Володя очнулся, сел, обнял Бандита, поцеловал его. Потом он тихонько отстегнул пистолет.

— Бандит, — сказал он, и Бандит уткнулся ему в колени. — Бандит, я бы ни за что не сделал этого. Ты ведь знаешь, зверь, я в долгу перед тобой. Но из нас двоих я сейчас нужнее тем ребятам, которые остались на «Чукотке». Бандюга, милый, ты

уж прости меня, отвернись, я тебя застрелю, съем кусочек мяса и тогда дойду как-нибудь. Не смотри, Бандит, отвернись. Ну скорее,— сказал Володя еще раз, но Бандит не отвернулся. Он смотрел своими умными глазами прямо Володе в лицо, и тому показалось, что Бандит все понял.

Володя опустил пистолет, но тут же снова поднял его, нацелился, отвернулся и сам нажал спуск.

Выстрел далеко прокатился по снежному полю. Володя ясно слышал этот выстрел, но уже не видел и не слышал ничего больше. Он опять потерял сознание.

Очнулся Володя в комнате, на чистой койке. В углу жарко топилась печка. К Володе со стаканом в руке подошел человек в военной форме, с зелеными петлицами. Это был начальник пограничного пункта.

— Ну как, товарищ Ченцов,— спросил он,— получше теперь?

Володя от удивления ничего не ответил.

— Ну ничего-ничего. Вот мы вас подкормим немножко — опять молодцом будете. Натек-ка выпейте пока стаканчик кофе.

Володя залпом выпил кофе, и ему сразу стало легче.

— Товарищ начальник, я со шхуны «Чукотка». Она зимует... — начал было он.

— Знаю-знаю,— перебил начальник.— Капитан вместе с телеграммами положил в карман вашей куртки полный рапорт. Нарты уже собраны и, наверное, сейчас пойдут.

— А я-то как же попал сюда? — спросил Володя.

— Да очень просто: наши ребята шли под сопками, услышали ваш выстрел, ну пошли подобрали на нарты да и привезли сюда.

Бандит смотрел своими умными глазами прямо Володе
в лицо и, казалось, все понимал.

Володя сразу все вспомнил: и последние, самые трудные метры пути и умные глаза Бандита. Вспомнил и вдруг понял, что зря застрелил Бандита. Он хотел что-то сказать, но слезы комком подступили к горлу. Он чуть не заплакал. Но тут дверь открылась, и вошел пограничник, одетый в оленью малицу.

— Нарты готовы, товарищ начальник, — откозырял он. — Разрешите отправляться?

— Отправляйтесь, счастливого пути. Впрочем, постоит минутку. Вам, товарищ Ченцов, ничего не нужно передать на «Чукотку»?

— Ну что ж, привет передайте, да еще передайте, что я... застрелил Бандита, — тихо проговорил Володя и откинулся лицом в подушку.

— Какого бандита? Это интересно, — сказал начальник, но в это время дверь снова открылась, и в комнату ворвался Бандит.

Он кинулся к койке и громко залаял.

— Бандит, ты жив? — удивился Володя. — Как же так, неужели я промахнулся?

А Бандит уже лизал своему другу руки, тянулся к лицу, и Володя опять поцеловал его в морду.

— Идите, — сказал начальник пограничнику. — Передайте на шхуну, что все благополучно.

МЫС МУХТЫЛЬ

Старожилы говорили, что мыс Мухтыль — гиблое место. Рыба его будто бы обходит, белуха тоже, а если забредет шальная нерпа, так с одной нерпы много не возьмешь.

Но в то время нужно было оживить заброшенные промыслы по всему побережью. Тогда лучших рыбаков собрали в окружкем партии и сказали: «Берите что потруднее, а где полегче, там и без вас справятся».

Вот я и выбрал Мухтыль.

У меня в артели народ подобрался молодой, веселый, и нас не пугало, что еще до революции шесть откупщиков свернули в Мухтыле шею. За прибылью мои ребята не очень гнались, скорее хотелось попытать счастья на новом месте.

На Мухтыль мы пришли весной, когда еще лед не сошел. И в первое время нам действительно показалось, что место невеселое. Последними там побывали японские интервенты и, уходя, постарались всю: постройки сожгли, салотопку, должно быть, взорвали — так она была разворочена, котел завалили набок и из всего, что было на промысле, пощадили почему-то только две высокие жировые цистерны. Они как башни стояли на низком берегу, а кругом стлался густой кедровый стланец да торчали кое-где обглоданные ветром головешки. Вот какое нам досталось место!

Но мы долго горевать не стали. Первую ночь провели у костров, вторую проспали в шалашах, а через месяц у нас были уже и жилые бараки, и засольный сарай, и пристань, и сигнальная вышка с флагом; дома, правда, — без окон, двери — без петель, и спать приходилось на мху, но стекла и петли — этого добра на катере привезти ничего не стоит. Были бы зверь и рыба.

А зверя было вдоволь. Нерпа тут на льду

лежала непуганая, и мы за день солили шкур по пятнадцать, по двадцать. Когда сошел лед, у нас уже накопилось такое богатство, что можно было все лето отдыхать — все равно мы остались бы в барышах. Но мы, понятно, отдыхать еще не собирались. Мы в двадцать рук плели невода; запасали лед в ямы, сколачивали лодки-дощанки, чтобы как следует встретить весеннюю рыбу.

На путину нам дали катер, и мы вдвоем с мотористом пошли в город его принимать.

Лед на Амуре к тому времени уже прошел, сверху пришли пароходы, и в Николаевске было тесно от народа.

Николаевск в то время был тихий городишко. Но весной, когда съезжались сезонники на промыслы, там бывало пестро и весело. Толпами ходили лихие рыбаки, подпоясанные кусками белого невода, осаждали вербовочные конторы, шумели, а к вечеру собирались на берегу, и до утра над Амуром горели костры, слышались песни и гармошка.

На базар лучше и не суйся — задавят. Но нам нечего было делать на базаре, и мы обошли его сторонкой. Идем по улочке к пристани, а навстречу нам шагает тощий бритый старичок в старомодном городском пальто и в картузе с просаленной насквозь макушкой. Идет посреди улицы, месит грязь сапогами и ведет в поводу такую же тощую, как он сам, корову. А по тротуарам бегут за ним собаки и лают на все голоса. Собаки там ездовые, чистоплотные и в грязь зря не полезут.

— Куда ты, отец, на живодерку, что ли, ее? — спросил я шутя, когда мы поравнялись.

— Что ты, сынок, она еще скотина добрая. Ты скажи лучше, где тут на остров Сахалин вербуют?

Мы ему показали, где вербовочная контора, и пошли своей дорогой.

А вечером пришли на катер, подцепили кунгас

на буксир и совсем собрались в путь. Вдруг видим: на берегу, у костра, сидит наш старик и корова тут же жуёт солому.

— Ну, как дела-то, завербовался, отец? — спросил я.

— Нет, сынок, вербовать-то вербуют, да скотину вот на катер не берут. Знал бы — не взял.

— А ты кем вербовался-то? Директором, что ли?

— Зачем директором? Я повар, сынок. Повар первого класса, шеф-кулинар.

— Ну, раз ты повар, давай с нами ужинать. Пойдём на катер, у нас там и плита есть, — сказал моторист.

Набрали щепок на берегу, затопили плиту. Я достал всю посуду, какая нашлась на катере, а корову тут же, на берегу, привязали к мертвому якорю.

Старик снял картуз, снял пальто и пиджак, засучил рукава, вымыл руки прямо в Амуре и принялся колдовать над плитой. Стряпать-то, по правде сказать, было не из чего — из соленой рыбы, из картошки да из муки много не настряпаешь.

Но он, видно, и вправду был шеф-кулинар. Нож у него в руках замелькал как заводной и, казалось, он не режет им, а только показывает: этому куску лежать здесь, этому — лететь за борт, а этому — в ведро, мокнуть. И куски прыгали куда нужно.

Уха вспенилась — вот-вот убежит. Он только посмотрел на нее, провел сверху рукой, и пена осела. А тесто в ведре, наоборот, полезло кверху, точно раздулось, и он, казалось, только придерживает ложкой, чтобы оладьи не все сразу выплеснулись на горячую сковороду.

Ужин действительно вышел первоклассный: и та самая соленая кета — «амурская ветчина», как мы ее называли, которая давно в зубах навязла, в его стряпне стала как осетрина.

Мы ели и удивлялись. Старик тоже ел, но только он все качал головой.

— Разве это стряпня — в такой спешке да в тесноте? Мне дайте волю, я бы вам показал, как стряпают.

Потом он взял ведро и пошел доить корову. А мы переглянулись и недолго думая решили забрать старика с собой на Мухтыль.

Сговорились мы скоро и в тот же вечер притащили на катер его сундучок, корову завели на кунгас, навалили ей сена побольше, сделали загородку, чтобы не вывалилась от качки.

На Мухтыле мы сколотили старику маленькую хибарку рядом с кухней. Он там расставил свое нехитрое имущество, постелил на пол старый мешок, а на окно повесил занавесочки. В свободное

время он любил раскладывать пасьянсы и, когда заглянешь, бывало, к нему, не верилось, что это повар — скорее он был похож на старого учителя или на фельдшера. Звали его Николай Николаич.

В артели Николай Николаич прижился сразу, и видно было, что ему у нас нравится, хотя недели две он все фыркал и все ему было не по вкусу: и кухня тесна, и плита не форменная — куличей нельзя печь, и нет котлетной машинки, и нет медной ступки, и что это за стол без клеенки, и без тарелок, и без вилок...

Он нам всем так надоедал, что мы в первый раз как поехали в город, привезли и тарелки, и клеенку, и котлетную машинку, и кучу еще разных мелочей.

Зато, когда привезли, он нас каждый день стал удивлять сюрпризами: то вдруг к чаю у нас появлялись настоящие пирожные с кремовыми вензелями, то блинчики с вареньем из прошлогодней клюквы, то в жару после обеда полведра мороженого.

И мы все скоро так привыкли к его сюрпризам, что, собираясь в столовой, гадали, чем Николай Николаич удивит нас на этот раз. Но отгадать все равно никогда не удавалось, а спрашивать Николая Николаича было бесполезно. Если забежишь, бывало, на кухню и спросишь:

— Николай Николаич, что на ужин?

Он скороговоркой отвечал:

— Первое на ужин — лед застужен, второе блюдо — хвост от верблюда, потом — окунь свежий, потом — хвост медвежий, потом — курочка в соку, потом — лук в чесноку. Чего дам, того дам, не твоего ума это дело. Иди уж, садись.

Если же кому-нибудь случалось опоздать

к столу, Николай Николаич доставал серебряные часы луковицей, поворачивал циферблатом к провинившемуся и тут уж сердился не на шутку. А чтобы мы не забывали о порядке, он разыскал где-то ржавый болт, обмотал его чистой тряпочкой, повесил на столбе кусок рельса и каждый раз бил по нему болтом перед завтраком, перед обедом и перед ужином.

Вот этот порядок мы особенно почувствовали, когда рыба кета пошла рунным ходом.

Рыба — это как золото. Сколько ни поймай — все мало. Тут появляется настоящий азарт, как в игре. Не смотришь ни на что. В первые дни, когда рыба идет отдельными косячками, рыбаки не жалеют ни сил, ни здоровья, забывают о еде, об отдыхе и не могут остановиться, пока не свалятся замертво тут же, на берегу. Да и как остановишься, когда в косячке-то сотня рыб, а каждая рыбина чуть не полпуда весом.

Когда же придет настоящее руно, когда в море буквально можно воткнуть весло — так плотно идут жирные серебряные лососи, когда рыба тысячами сама лезет в сеть, тогда не хватает силы. Хочется взять еще, а руки уже не так тянут тяжелый невод, ноги сгибаются, едут по песку, а несметные богатства проходят мимо.

Вот тут и выручал Николай Николаич. Как ударит болтом, засосет под ложечкой, бросаешь невод и — в столовую. В столовой обсохнешь, наешься и только одолеет сон — тут над ухом опять Николай Николаич со своим болтом.

Артель наша весной вышла на первое место. Старожилы, правда, говорили, что рано загадывать, что осень еще себя покажет. Но мы и осени не боялись.

Дела наши стали крепко, так крепко, что мы откупили в собственность катер, а на осень затеяли восстановить котел, наладить паровые лебедки,

салотопку, водокачку и динамо для освещения.

Для этого нужен был человек, и я в городе подыскал старого пароходного механика, которого по возрасту не выпускали в плавание.

Он сидел на берегу на пенсии, скучал и готов был пойти хоть кочегаром, только бы поближе к морю. Звали его Карев Михаил Карпович.

Это был настоящий морской волк. Широкий, коренастый, насквозь прокопченный дымом, весь покрытый шрамами, мелкими морщинками и татуировкой. Только лысина у него была гладкая как стекло, но ее редко кто видел, потому что Михаил Карпович почти никогда не снимал форменной фуражки. Удивительнее всего были у Карева руки — огромные, как грабли, с узловатыми коричневыми пальцами, с изуродованными синими ногтями и на вид такие неуклюжие, что, казалось, дай ему иголку, не удержит. Но на самом деле он этими руками при случае чинил часы и регулировал барометры шкиперам с мелких судов.

Для нас это был самый подходящий человек. Нам нужен был мастер на все руки, да к тому же не очень дорогой.

Мы с Каревым вместе приехали на Мухтыль. Он осмотрел котел, постучал по нему каблуком, поскреб ногтем ржавчину и сказал, что сделать можно. На другой день он съездил в город, закупил инструменты и начал работать.

Весенняя рыба уже прошла. У нас было много свободного времени, и мы все помогали Кареву поднимать на блоках котел, ковать болты и нарезать трубы.

Работал он не торопясь, а по вечерам закуривал трубку и рассказывал нам какую-нибудь длинную морскую историю. Напрасно Николай Николаич звал нас ужинать. Он по нескольку раз принимался бить по своему рельсу, но мы не

поднимались до тех пор, пока история не доводилась до счастливого конца.

Через месяц котел поставили.

Когда Карев разжег огонь в топке и стал поднимать пары, мы все стояли тут же и наблюдали за ним. Николай Николаич и тот минут десять постоял в фартуке с дуршлагом в руках.

А Карев задирает голову посмотреть, как тянет дым, заглядывал в топку, щелкал грязным пальцем по новенькому блестящему манометру и прикладывался к котлу щекой — пощупать, как греется.

В топке весело трещали дрова, в котле, внутри, что-то звонко похрустывало, точно ломались пружинки. Медленно ползла стрелка манометра и, когда поднялась к красной черте, Михаил Карпович открыл какой-то кран, оттуда стрельнуло водой, засвистела невидимая струйка пара, ударилась в песок, прокопала ямку, и песок точно взорвался: разлетелся в стороны и задымился, как кипяток на морозе.

И столько силы было в этой невидимой струйке, что мы все сразу почувствовали: сумеешь направить ее куда нужно, она горы свернет.

И совсем другими глазами оглянулись и на холодное море, и на наши углые построечки, и на хмурые сопки, отгородившие нас от всего мира.

Пока мы стояли и молчали, Карев еще раз осмотрел весь котел, потом дернул сигнальную ручку, и тогда гудок на трубе захрипел, зашипел, выплюнул полведра горячей воды и вдруг загудел так пронзительно, что, должно быть, на двадцать миль кругом было слышно. Потом гудок замолчал, а от сопок откинулось эхо, только потише, точно с червонца дали рубль сдачи. И тут же, но совсем уже мелочью, медными копейками, зазвенел рельс: это Николай Николаич звал нас обе-
дать.

Карев подкинул дров в топку, закрыл поддувало.

— Ну, господа заводчики, вот вам и котел,— сказал он, обтирая руки паклей,— по-старому с хозяина бы теперь магарыч, да вас тут не разберешь, кто и хозяин.

Из всей артели один Николай Николаич не мог помириться с котлом. Он тоже, конечно, понимал, какую пользу принес нам пар. И, когда циркулярная пила со звоном резала толстые кряжи на дрова, Николай Николаич растирал в пальцах опилки, нюхал их и глубокомысленно говорил:

— Ишь, сила какая.

Но в душе он обижался и на то, что не он, а Карев стал первым на Мухтыле, и что порядок теперь равнялся не по кухне, а по котлу. Теперь Карев гудком созывал нас к обеду, а рельс, хотя и висел по-прежнему, но Николай Николаич понимал, что висеть ему осталось недолго.

Этого права — созывать нас к обеду — он сначала не хотел уступать и в первые дни, как подняли пар, пытался звонить по-старому. Но и Карев не уступил. Он следил за поваром из котельной, и, как только Николай Николаич выходил с болтом в руках, механик дергал сигнальную ручку.

Пустяк... А вот поди ж ты: из-за этого пустяка пробежала между стариками черная кошка. А тут, как нарочно, получилось так, что по целым дням на промысле оставались только они вдвоем да корова. Мы с утра брали топоры и уходили в лес валить кедры и лиственницы на дрова. Погода стояла жаркая, снег в сопках таял, и надо было не прозевать, использовать то время, когда

узенький ручеек, сбегавший в море, превратится в мутную, широкую реку. Николай Николаич копил свою злобу, молчал и дулся. Но так как ему непременно нужно было за кем-нибудь ухаживать, всю свою заботу он перенес на корову.

Наскоро состряпав обед для Карева, он выгнал корову на болото. Она щипала там сочную траву, а Николай Николаич собирал морошку, рвал ирисы и, вернувшись, украшал ими опустевшую столовую.

По вечерам он брал большой ломоть хлеба, круто посыпал солью и шел все к той же корове жаловаться на Карева. Корова с хрустом жевала хлеб, шлепала губами, вылизывала широкие ноздри, обдавала повара теплым молочным дыханием и грустно смотрела ему в глаза. Но, должно быть, она плохо его утешала, потому что он с каждым днем все злее глядел на механика.

Когда, кончив сплав, мы вернулись в поселок, старики уже открыто ненавидели друг друга. Видно было по всему, что они только ждут случая, чтобы сцепиться.

Нам сначала все это показалось смешным, и мы только удивлялись, отчего это у наших стариков так разыгрались страсти. Но скоро всем стало понятно, что тут не до смеха. На носу осень, путина, работать придется без оглядки, а тут, того и гляди, подерутся кухня с кочегаркой.

Надо было, пока не пошла рыба, расстаться с одним из них. Это стало понятно каждому. Но решить, с кем расстаться, было нелегко. С первоклассной стряпни Николая Николаича переходить опять на сухомятку никому не хотелось, а остаться без механика — это значит опять все взвалить на свой горб, потому что без Карева — мы это знали — машины и недели не прослужат.

Мы все присматривались к тому и к другому и день за днем откладывали свое решение.

Старожилы недаром пугали нас осенью. Она пришла незваная, неожиданная и в один день чуть не разрушила все, что мы сделали за полгода. С утра в тот день стояла такая жара, какая редко бывает на Охотском море. Желтые клочья пены неподвижно лежали на застывшей воде, как глет на свежей свинцовой плавке. Выгоревший за лето флаг на вышке обвис огромной розовой сосулькой, и какой-то догадливый паучок прицепил к нему свою паутину. Она золотым лучиком сверкала на солнце, и от этого небо казалось еще чище, а солнце — еще горячее. Воздух над болотом поднимался быстрыми, прозрачными струйками, а макушки сопок окутались кольцами густого тумана.

Мы смолили лодки на берегу. Кругом стояла такая тишина, что сырые дрова в костре то и дело пугали нас громкими выстрелами. Слышно было, как возится Карев с какой-то машиной и как Николай Николаич гремит кастрюлями. Где-то далеко ошалевшая от жары нерпа протяжно кричала «бэ-э, бэ-э», точно нарочно, чтобы подразнить нас. Катер и кунгас стояли неподвижно, как впаянные в море, и, казалось, никакая сила не сдвинет их с места. В воздухе остро пахло смолой.

Мы не поняли тогда страшного значения этой тишины. Нас только смутил немножко прилив, который с утра подступил к самой высшей своей границе и не хотел уходить от нее. Но и этого предостережения мы не сумели понять по-настоящему.

Вдруг вода, и без того высокая, поднялась сразу на целый дюйм. Подмытый песок зашелестел и струйками посыпался в море. Этот шелест по всему берегу раздался, как протяжный вздох, и сейчас же вслед за ним с севера зашумело что-то, точно из-за поворота выскочил курьерский поезд.

Обернувшись, мы увидели, что с моря со страшной быстротой катится на нас низкий белый вал. И раньше, чем мы успели вскочить, потянуло холодом, неподвижное море раскололось на тысячу сверкающих кусков, флаг расправился и тревожно затрепетал, а свежая смола на лодках мгновенно порыжела от песчинок.

Мы едва успели отбежать от моря. Огромная масса воды с грохотом обрушилась на берег, расшвыряла как щепки наши лодки, бросилась мутными реками нам вдогонку, залила костры, сорвала невод, развешенный для просушки, и медленно отступила назад, в море, унося и невод, и лодки, и все, что было на берегу.

А катер встал на дыбы, оборвал якорный канат, накренился на борт и понесся, как бешеный, в южный конец залива.

Для нас это было самое страшное: без катера много не поймает. Не сговариваясь, не рассуждая, подхватывая на бегу концы, топоры и ваги, мы бросились бегом мимо котельни, мимо столовой, к южному краю залива.

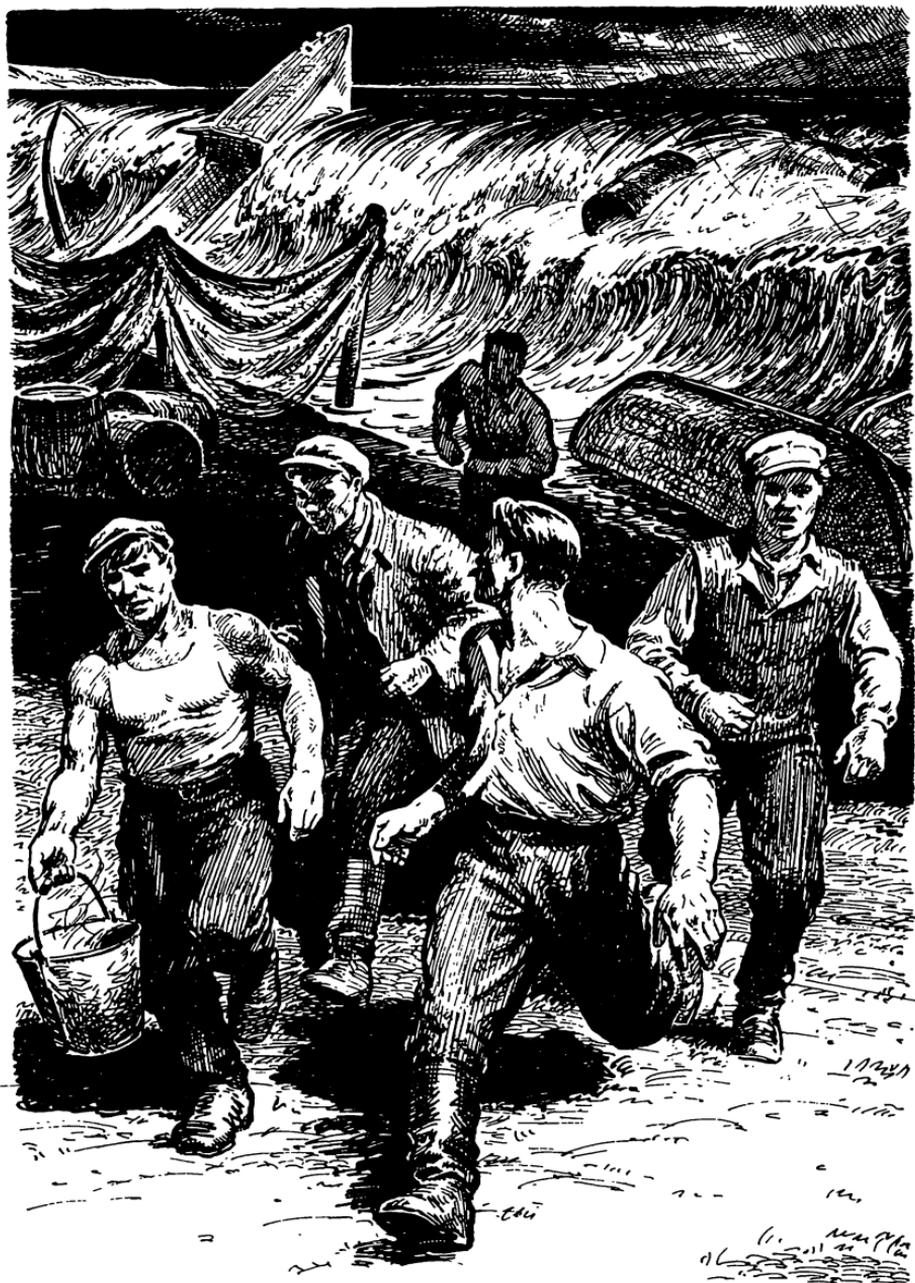
Мы успели как раз вовремя. Катер с проломанным бортом, точно раненый зверь, ворочался на мели, но каждую минуту волна могла снять его, оттащить от берега, и тогда бы все пропало.

Перекрикивая ветер, мы все разом бросились в воду и со всех сторон навалились на катер, стараясь покрепче опутать его концами. Так, должно быть, кидались наши предки на мамонта, попавшего в ловушку, и так же старались опутать его и усмирить, чтобы он не ушел, не вырвался и не раздавил их своей тяжелой тушей.

А ветер налетал, обдавал нас соленой водой, и каждая волна старалась вырвать из рук добычу.

Все-таки мы победили.

Небо неожиданно потемнело, хлынул холодный

Огромная масса воды с грохотом обрушилась на берег.

ливень, зато ветер сразу стих, и волны, сбитые дождем, угомонились. Потом сверкнула молния, грохнул гром, раскатился по сопкам, и все затихло. Только мутные ручейки журчали, скатываясь в море. Черная туча улетела, выглянуло солнце, и море опять засверкало, как разбитое зеркало. Шквал прошел. Можно было отдохнуть.

Вдруг с промысла донеслись неровные, пронзительные гудки: ту-ту-ту-ту-ту...

И столько тревоги было в этих гудках, что мы переглянулись и опять бегом бросились туда.

Над жилым бараком вместо крыши торчали голые стропила, толь черными клочьями свисал по стене. Большое окно в столовой вылетело начисто, под ним среди сверкающих осколков стекла лежал на боку измятый цинковый кипятильник. Странички какой-то книжки белыми клочьями повисли на кедраче. Пристани не было: на ее месте сгрудились изуродованные страшным ударом волны бревна и доски. Перевернутые лодки, выброшенные на берег, лежали у самой воды. Между ними скорчились на песке издохшие рыбы.

Нас никто не встретил — ни Карев, ни повар. Живы ли они? Вот, может быть, добежим до котельной, а они там лежат оба...

И сразу отлегло от сердца, когда из-за барака показался Николай Николаич. Он бежал к нам навстречу, размахивал руками и что-то кричал.

Что с ним стало! И без того старый и высохший, он как будто еще высох и постарел. Вобрав голову в плечи, он испуганными глазами заглядывал нам в лица, часто и тяжело дышал, хватался рукой за сердце, а другой показывал на море и твердил одно слово:

— Голубчики, голубчики...

В море, за белой полоской бара, мелькала черная точка. Может быть, и не было ее, а только казалось, но нам всем хотелось ее видеть.

Бессвязно, путаясь и сбиваясь, Николай Николаич рассказал нам о страшном событии. Когда ветер стал громить кухню, Николай Николаич бросился за помощью к Кареву. Тот послал его к черту: у него с этим шквалом своего дела по горло, в кочегарке тоже руки нужны. Старики чуть не подрались... А когда ветер стих и вода, отхлынув от берега, потащила в море кунгас, они забыли недавнюю стычку и вместе кинулись к морю. Карев с концом каната в руках успел забраться на кунгас. Николай Николаич остался на берегу. «Крепи конец, крепи», — кричал Карев, и Николай Николаич взялся крепить, да только неловко взялся и упустил. И не успел он оглянуться, как Карева вместе с кунгасом ветром и отливом потащило в открытое море. Карев стоял на носу кунгаса и ругался последними словами. А Николай Николаич беспомощно метался по берегу и ничего не мог сделать. Он едва понимал, что кричал ему Карев. Тот кричал: «Выброску». Но, пока Николай Николаич сообразил и сделал выброску из тонкой веревки, кунгас ушел уже далеко. Все-таки Николай Николаич попробовал бросить, да где там — не докинул. Спихнуть лодку тоже не хватило стариковской силы. И, наконец, когда кунгас утянуло за бар и голос Карева пропал за шумом отлива, повар бросился к гудку и вызвал нас.

Но и мы были бессильны. Катер лежал на мели с проломанным бортом, а наши утлые лодки хороши были только у берега. На баре зубчатой белой стеной сшибались отлив и прибой, и мы знали: сунься туда — разом зальет, опрокинет, и тогда не то что спасать, а если сам выберешься — и то хорошо. Это страшно и тяжело — сознавать свое бессилие и сидеть сложа руки, когда в море гибнет человек. Но каждый, кто плавал, не раз видел такие жестокие выходы моря.

И мы все знали, что если уж помочь нечем, то лучше и не поминать об этом друг другу, заняться каким-нибудь делом, забыться и так сохранить спокойствие, которое каждую минуту может понадобиться моряку.

Но Николай Николаич еще не научился понимать страшную силу моря. Он не хотел верить, что вот и мы, молодые и сильные, так покорно сдадимся и похороним человека, который только что был здесь, рядом, который еще жив и, не дай бог, думает, что он, Николай Николаич, нарочно, по злобе бросил конец.

Старик не мог успокоиться. Он уговаривал нас спускать лодки и плыть вдогонку, связать плот из бревен или наскоро залатать катер. Ему все это казалось открытиями, а нам — теми соломинками, за которые хватается утопающий и которые все равно никого не спасают.

Все, что могли сделать, мы сделали. Мы послали нашего лучшего скорохода на соседний промысел. Там есть телефон: можно поднять тревогу по всему побережью, отправить катера на поиски... Но до ближайшего промысла двадцать миль трудной дороги, и, пока доберешься туда, пока выйдут катера да пока будут искать, беспокойное Охотское море ждать не станет...

Мы знали это и молчали.

А повар и тут не успокоился. Он все приставал к нам и каждым своим словом, точно нарочно, подчеркивал и без того безнадежное положение.

Я не выдержал. В первый раз за все время я грубо прикрикнул на старика и прогнал его на кухню. Нужно было скорее занять делом людей, пока нервы у всех не расходились от усталости и от всей этой страшной истории. Ведь это сказки, что у моряков железные нервы: все люди как люди, моряки тоже.

Работы, к счастью, было довольно на каждого.

На то, чтобы прибрать промысел, починить постройки, развесить невода, распутать концы — не хватило бы и целого дня. А солнце уже скатилось за сопку, и с севера, с моря, надвигались на нас холодные сумерки.

Сам я пошел к котлу. Было время, когда я плавал кочегаром и с тех пор понимаю кое-что в этом деле. Котел еще не остыл. Топка погасла, но осталось еще фунтов двадцать давления, и от стенок шла густая мягкая теплота.

И мне вдруг стало страшно: вот котел еще теплый и кучка дров, заготовленная Каревым, лежит тут же, а самого его нет, и никогда больше он не вернется и не постучит своим синим ногтем по стеклу манометра.

Я разжег топку и стал поднимать пар. Завтра с утра котлу и лебедкам много работы. Надо будет растащить сломанную пристань, откачать воду из погребов, поднять на берег лес, напилить дров.

Еще много придется поработать, пока все будет по-старому, как было до шквала. А вместо Карева возьмем другого человека, надо будет съездить в город, поискать...

Когда стемнело, я вдруг вспомнил, что не ел целый день, и пошел на кухню. Николай Николаич сидел неподвижно у двери своей хибарки, смотрел на море и даже не обернулся, когда я спросил, нет ли чего поужинать. Я не стал его беспокоить, пусть сидит: нам тяжело, а ему еще тяжелее. Я отрезал ломоть хлеба и пошел назад, в кочегарку.

Опять стало тихо на Мухтыле. Слышно было, как ребята, укладываясь спать, ругают ветер, сорвавший крышу, и дождь, вымочивший одеяла.

Потом я набил топку, прикрыл поддувало и прилег тут же, у котла, на куче старых неводов. Это старик Карев устроил себе «гнездо»: он часто оставался здесь ночевать.

Мне показалось, что я только на секунду закрыл глаза, но на самом деле я, должно быть, спал долго и крепко. И, когда гудок заревел у меня над головой, я не сразу разобрался, в чем дело.

Николай Николаич с фонарем в руке, запрокинув голову, стоял у котла, дергал сигнальную ручку и один за другим посылал тревожные гудки в непроглядную ночь.

На нем было то самое пальто, в котором я его встретил в первый раз в Николаевске, и это городское пальто, и фонарь в руке, и сам Николай Николаич ночью в грязной промысловой кочегарке — это было так не похоже на правду, что мне показалось, будто я еще сплю.

Нет, я не спал. Я вспоминал весь этот страшный день, и другая разгадка пришла мне в голову: Николай Николаич просто свихнулся.

И не успел еще я решить, что тут делать, он распахнул дверь и бегом побежал на берег.

«Топиться», — мелькнуло у меня, и я бросился за ним. Из барака бежали туда же потревоженные гудком ребята.

А Николай Николаич вскочил на опрокинутую лодку и стал размахивать фонарем, точно хотел изловчиться и подальше зашвырнуть его в море. И, когда я подкрался и уже нацелился, чтобы неожиданно схватить его сзади, разгадка странного поведения нашего повара пришла сама собой: с моря, прямо на нас, глядели три огонька: красный, зеленый и над ними крошечный белый. Прямо на промысел шло самоходное судно.

Просто Николай Николаич не спал, смотрел всю ночь на море, высмотрел огни и решил гудком и фонарем зазвать их к нам, на Мухтыль.

У старика не было морского опыта, но несчастье подсказало, что делать, и вот, словно в награду за его тревогу, пришло судно, а вместе с ним появилась надежда.

На судне есть радио, сейчас сообщим «всем, всем, всем...». Кто-нибудь да найдет, не дадут погибнуть человеку.

Стало сразу легче на душе и у нас и, должно быть, у старика тоже.

— А ведь, может, и выручат,— сказал он.

И мы все молча согласились: да, может, и выручат. Молодец повар, не зря караулил.

По тому, как близко подошло судно, мы поняли, что это небольшая шхуна. Она прошла через бар, в самую бухту, бросила якорь, и теперь, должно быть, оттуда спускали шлюпку. Так и есть. Вот она отделилась и огненной точкой поползла по воде. Это фонарь на носу. От фонаря по воде расходятся блики, и слышно — стучат ключины.

Холодный ветерок потянул с моря, и на берег с ворчанием взобралась седая волна. Еще две такие волны, а с третьей и шлюпка выскочит на берег.

Я вдруг представил, как из нее выйдут незнакомые люди, узнают о нашем несчастье и разведут руками: радио нет, а самим идти не стоит. Где там, в море, искать какой-то кунгас?

И тут уж Николай Николаич не выдержит, непременно свихнется, когда рухнет за ним последний мостик к потерянному спокойствию. Может, это и лучше для него — совсем потерять память, чем жить и помнить все время, что Карев в последнюю минуту, захлебываясь горькой водой, проклинал его как убийцу, но мне стало жалко неповинного ни в чем старика, и я отослал его с берега.

— Давай-ка, Николай Николаич, сваргань чаю, что ли, встречай гостей,— сказал я.

Николай Николаич послушно заторопился на кухню. Минуту спустя шлюпка с хрустом врезалась в песок, и из нее один за другим стали выскакивать люди.

Я поднял фонарь и шагнул навстречу. Но, когда свет упал на лица этих людей, я попятился от неожиданности. Впереди, в своей вечной фуражке и в потертом кителе с позеленевшими пуговицами, на берег поднимался Карев. Мне нечего было сказать, и он заговорил первый:

— Что, не ждали? А я взял да пришел. Меня огонь не берет и вода не принимает. Старый моряк — вся грудь в ракуш-

ках, — рассмеялся он и сунул мне свою широкую лапу.

Я бросил фонарь и ухватился за нее двумя руками, точно Карев собирался бежать.

Потом кто-то поднял фонарь, кругом тесным кольцом сбились ребята.

— А повар где? Или боится, что я ему шею наломаю? Надо бы, да что с него взять, когда у человека руки худые... Так не ждали, значит?

— Не ждали, Михаил Карпович, — признался я, — ни тебя, ни шхуны не ждали. Один повар ждал. Всю ночь вахтил и, слышал небось, поднял тревогу. Он тут сам не свой ходил целый день, исстрадался, как бы ты чего не подумал.

— Чудак человек, да кто же подумает? — удивился Карев. — Это подлецом нужно быть, такое подумать.

Когда мы подошли к столовой, Николай Николаич уже разжег плиту, засветил лампу и выставил на стол свои замечательные варенья и печенья. Он как раз шел из кладовой с тяжелой банкой в руках, и, когда Карев появился на по-

роге, Николай Николаич охнул и выпустил банку. Она скользнула у него по животу, шмякнула об пол, разбилась, и во все стороны потекли темные, густые ручейки.

— Будь ты трижды неладный, — заворчал Николай Николаич и, присев на корточки, стал ребром ладони загонять ручьи в щель.

— Полно, Николай Николаич. Брось ты ее, потом подберешь. Давай-ка стряпай чего посущественнее, встречай друга, — сказал я.

Николай Николаич посмотрел на меня снизу вверх.

— Какой он мне, к черту, друг, прости господи. Механик, одним словом, и все тут. Морошку из-за него расколотил, из-за друга...

Николай Николаич встал и обтер руку.

А четверть часа спустя уже весело гудела плита, что-то шипело на сковородках, и Николай Николаич шумно суетился за дверью.

А в столовой Карев рассказывал. Рассказывал, как всегда, спокойно, точно не с ним случилась эта история, а где-то он ее слышал и теперь, чтобы похвалиться, приписывает себе.

Он недаром знал море. Каким-то особым чутьем, без приборов и даже без звезд на небе, он узнал, что его вынесло к Шантарским островам. Когда стало темнеть, он набрал смолы на бортах кунгаса, растрепал кусок каната и сделал факел. На огонь повернула шхуна рыболовного надзора. Но для нашего механика и это будто бы не было неожиданностью. По его словам, он ни минуты не сомневался, что так оно и будет.

И в его рассказе все получалось так просто, что казалось, каждый из нас, попади он в такую переделку, сделал бы так же. И все-таки нам было так интересно, что мы ничего не замечали, кроме этого рассказа. Мы не заметили, что затих Николай Николаич, не учуяли дыма и очнулись только

тогда, когда Карев, неожиданно оборвав рассказ, поднял голову и строго спросил:

— Кок, чего палишь?

Обернувшись, мы заметили, как шмыгнул в дверь Николай Николаич, а секунду спустя оттуда послышалась ругань.

— Тьфу ты, пропасть! Вернулся ты на мое на несчастье со своими рассказами. Кабанчика целое лето на погребе берег, думал для какого для праздника. А теперь с тобой — сжег. Срам-то какой, будь ты трижды неладный.

Но кабанчик и подгоревший оказался очень вкусным. И мы долго еще сидели в столовой, говорили и слушали. Потом разбрелись спать.

Кареву постелили в столовой, и скоро он захрапел на весь Мухтыль. Я опять ушел к котлу и улегся в «гнезде». А утром повар растолкал меня за плечи.

— Восьмой час, на работу пора. Вставай, старшина, буди людей.

— Так чего же? Дай гудок, небось теперь знаешь как, — сказал я, повернувшись на другой бок.

— Зачем гудеть, — заворчал Николай Николаич, — и без гудка хороши. А механик пусть спит, чего зря человека тревожить. Ну, вставай, долго я над тобой стоять буду? Дела-то вон сколько.

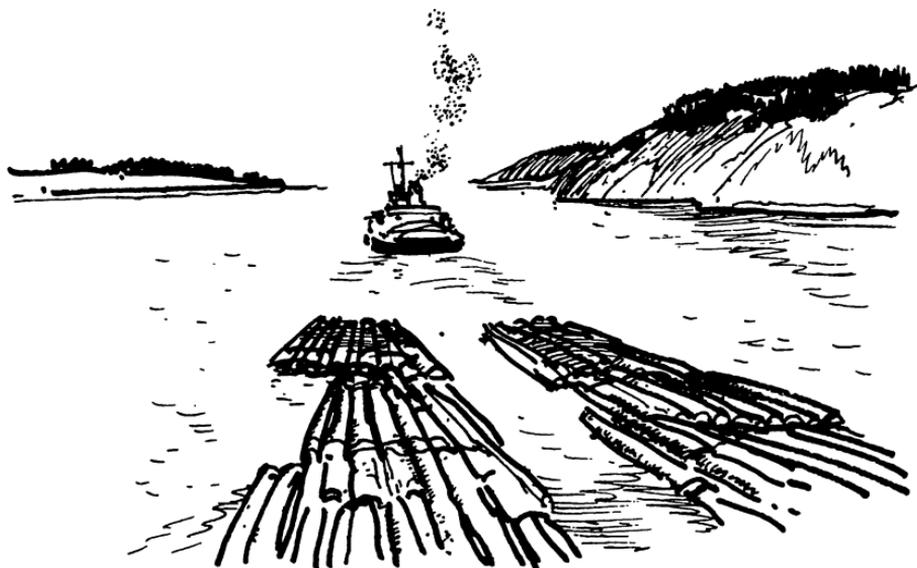

РАССКАЗЫ СТАРОГО БОЦМАНА

В начале шестидесятых годов мне пришлось на большом буксирном теплоходе пройти от Красноярска до Игарки. Мы вели огромный тяжелый плот, шли очень медленно, и свободного времени у меня было столько, что хоть отбавляй. Я было заскучал в этом рейсе, но тут выручил меня Федор Степанович Бочкин.

Федор Степанович — старый речник. Он лет тридцать плавает боцманом по Енисею. Человек он солидный, рассудительный, многое на своем веку повидал, и о чем бы ни зашел разговор, у Федора Степановича всегда в запасе забавная история, которую он не прочь рассказать при случае.

Вечерами, усевшись где потише, я часами слушал эти истории, а потом, когда боцман, пожелав мне спокойной ночи, забирался в свою каюту, я записывал его рассказы, стараясь не пропустить ни слова.

СТРЕЛОК.

Мы курили на корме, лениво оглядывая пустынную ширь Енисея. Вдруг выводок диких гусей со свистом пронесся нам навстречу над самой водой.

— Эх, ружьишко бы сейчас... — сказал я, проводив их глазами.

— А что — ружьишко? — возразил боцман. — Ну пальнул бы, загубил бы птичью душу. А кому это надо? Палка, говорят, и та о двух концах. Старик горбатому палка — помощница, тут она с пользой служит. А другой озорник возьмет палку, бежит, стучит по заборам, добрых людей тревожит, цветам головы палкой сечет... Это палка. А ружье? Ружье — вовсе серьезная вещь.

Дадут тебе ружье — помни: ты смерть в руках держишь. Прежде чем курки-то взвести, подумай сам с собой: достоин ты жизнью чужой распорядиться или недостойн? Дело ясное... Однако и это не каждый понимает. Другой и хороший человек, и неглупый вроде, а попадет ему в руки ружье и... пошел палить. Бутылка лежит — в бутылку, кош-

ка бежит — в кошку, синица на сучке сидит — в синицу. Палит и не думает, что на стекло ногу человек напорет, что кошка та одинокой бабке последним утешением была, что синица песни пела и гусеницу клевала...

Вот был у нас на теплоходе механик, по фамилии Серый. Человек исправный и вроде старательный. Одна беда: не для дела старался, а для награды. Другой раз и не за что вроде бы его награждать. А он к тому забежит, к другому... Глядишь — и выпросил: то грамоту ему поднесут, то благодарность запишут, то значок дадут.

В тот год, как встали мы в затон на зимовку, Серый поразведал, где вернее награду получить, и, смотрим, не промахнулся: к весне вышло решение наградить товарища Серого ценным подарком.

Дело это через баскомвод провели и протоколом закрепили. А когда уже в рейсе были, подчалил к нам агиттеплоход. Лекцию нам прочитали, беседу провели, показали цветную картину, а под конец зачитали грамоту и вручили нашему механику тульское ружье бескуровку двенадцатого калибра. И к ружью, как полагается, полсотни патронов, гильзы, дробь разных номеров, пули жакан на крупного зверя, порох, пистоны и всю принадлежность: шомпол с протирками, патронташ, барклай, машинку для закатки гильз и для снаряжения патронов полный набор. А на ружье, на прикладе, именная дощечка: «Товарищу Серому за отличную работу...»

Механик наш страсти к охоте никогда не питал. И тут сперва вроде бы и ни к чему показалась ему эта награда.

Отдать кому или продать? Неловко: именно то подарок. На охоту пойти... Где же там в рейсе на охоту? Засунул наш Серый припасы в рундук, а ружье над койкой повесил. И грамоту рядом

повесил. Зайдут другой раз ребята к нему в каюту. Иной снимет ружье со стены, глянет через стволы...

— Эх,— скажет,— товарищ Серый, хороша у тебя двустволочка...

— Хороша-то хороша,— соглашается наш механик,— да толку что от нее? Я же не охотник.

— Приохотишься...

И приохотился...

Как-то, по большой еще воде, тянули мы плот в Игарку. Воз тяжелый попался, еле-еле шли. А тут на-ка: у самого плота уток-мартышек целый выводок прямо на воду сел. Лететь не летят и плыть не плывут. Сидят, лапочками в воде перебирают, головки кунают да на нас поглядывают. Будто нас провожать подрядились. Веселые такие уточки...

Тут кто-то и подскажи Серому:

— Эй, мол, ты, стрелок премированный. А ну, дай-ка по ним дуплетом. Может, на жаркое спроворишь?

Серый вышел с ружьем. Зарядил, прицелился. И только прицелился — уточки поднялись и влет. Серый вскинул стволы и двух мартышек насмерть сразил.

Уточек этих мы подобрать не успели. Закрутило их под плоты. А подобрали бы — тоже прибыль не велика. Летом, по жару, у нас эти мартышки тощие, незавиднее воробья.

Да ведь тут не в прибыли дело. Тут беда в том, что человек другой раз как тигр: до первой крови мухи не обидит, а уж как отведал — зверь зверем становится.

Вот так и Серый наш. То в руки не брал свое наградное ружье. А тут точно кто его подменил: как с вахты — патронташ на пояс, ружье на плечо, а сам на корму. Ходит, шагает, смотрит пристально. Все ищет, кому бы смерть послать. Чайка летит — в чайку бьет. Утка — утку в расход. Ку-

личок на бревне присядет отдохнуть — он куличка приговорит.

У меня каюта как раз на корме. И так не сладко: у нас правый вал чуток постукивал. Бывало, вертишься-вертишься с боку на бок. У стариков, известно, сон какой. Только приловчишься, задремлешь, а тут на тебе — Серый на промысел вышел. Бах да бах — только и слышно. Двенадцатый калибр — он, как пушка, бьет.

Другой раз не выдержишь, натянешь сапоги, выйдешь к нему.

— Кончал бы ты, Серый, свою охоту. Дал бы людям поспать, все равно без толку.

— А вы, — говорит, — спите. Я не против. А мне руку набивать нужно. Я, — говорит, — к осени значок за отличную стрельбу желаю получить.

— Значок-то, — говорю я, — ты получишь. Это как пить дать. Только прежде чем значок-то получишь, ты гору живности без пользы переведешь. Одних птенцов желторотых сколько осиротишь. Тебе, — спрашиваю, — по ночам голодные птенцы не снятся?

— Нет, — говорит, — не снятся. Я, Федор Степанович, по ночам крепко сплю. Это вам, — говорит, — не спится, а у меня сон нормальный.

И с этими словами вскидывает ружье и влет поражает речную скопу. И то сказать — метко бить приучился. Без промаха, можно считать.

Упала птица, забила крыльями по воде, распласталась и замерла... Хищница, конечно... Ну —

красавица. Это ж наш орел енисейский. Без нее-то, без скопы, скучно станет на плесах...

Вот так... И сколько бы птичьих душ загубил наш стрелок — этого я вам сказать не сумею. Да вышел тут такой случай, что он совсем от охоты отвалился и с ружьем расстался. А вышло так.

Пришли мы на Нижнюю Тунгуску. Там по плану-приказу значилось, что ждет нас караван сверху: шесть малых баржонок с графитом. По плану-то они нас ждали, а вышло так, что и нам еще ждать пришлось. Воды ли маловато было в верховьях, или с тягой там не заладилось, или просто диспетчер напутал... Ну, да это теперь дело прошлое. Да и речь не о том. Так и так пришлось нам становиться под правый берег на якорь.

А время самое что ни на есть золотое: на берегах трава по пояс, сочная, как огурец, по траве цветы белые, и синие, и желтые, и красные, будто кто ситчик расстелил по берегу. Кедровки стоят как из малахита отлитые. Шишка еще не поспела, но орех уже завязался и налился, и кедровки тут как тут: издали слышно, кричат, суеются — шишку стерегут.

И, конечно, ребята к капитану. Дескать, все равно, как чалиться будем, придется шлюпки спустать. Так пока ждем, сходить бы на берег по-шишковать.

Капитан разрешил, понятно. Почему не разрешить? Спустили шлюпку на воду, вторую стали готовить. Вот бы отваливать. Тут Серый выходит с ружьем и со всей амуницией.

— Пойдите, ребята, я с вами.

— Ну давай, охотник...

Подал он патронташ на шлюпку, ружье подал, сам спустился. Только отвалили, и тут Серый вспомнил: жаканы не взял.

— Да на что тебе жаканы?

— Ну как на что? А вдруг медведя встречу.

— Где там медведь,— говорим.— Медведей такие, как ты, стрелки давно распугали. Обойдешься.

Так и пошли. Подгребли к берегу. Разбрелись. Кто шестом орудует, кто половчее — по сучьям вверх. Кедровки шум подняли — не говори. Дружный народ и красавица птица, что твой фазан.

Серый прицелился было, но тут таежники наши накрепко заказали: кедровку не тронь. Это наш закон таежный. И вообще шел бы ты в сторонку или вглубь, в тайгу,— там и промышляй. А то хоть стрелок ты отменный, а всяко бывает: не ровен час, промахнешься да глаз кому выбьешь. Ступай, ни пера тебе, ни пуху.

Он пошумел было, да против народа-то не пойдешь. Побрел в тайгу.

И началась охота: у нас своя, у него своя.

Шишка веская, красная, как бурак, пушком подернулась, смолой облилась. Ну — прелесть. И орех крупный и вполне уже налитой... Мы мешки набиваем. Ну, однако, и он там в тайге, видать, не зевает. Слышим: бах-бах дуплетом. Кого-то, значит, опять приговорил.

И только он разговелся, слышим, бежит напролом, только кусты трещат. Никак, и вправду на медведя набрел наш Серый?

Ан, глядь, Серый, да не наш. Дикий козел, здоровенный, гладкий, рога серпом. Выдрался из тайги, нас увидел, замер. Бока так и ходят. Глаза — как сливы, озирается... И только он было повернул назад в тайгу, а там наш охотник еще дуплет...

Козел глазищами зыркнул, бьякнул тоненьким голоском да вприпрыжку к реке. Тут яркок невысокий. Он с разбегу в воду — и вплавь на ту сторону.

Ребята шесты побросали, сбились на яру. Козел, бедняга, плывет, спешит, оглядывается. На берегу свистят, гогочут. Куда там — комедия!

Тут и Серый вышел на шум. Увидал козла. Эх, загорелось ему по крупной дичи руку попробовать! Да где там — далеко уплыл козел-то.

Механик наш к шлюпке.

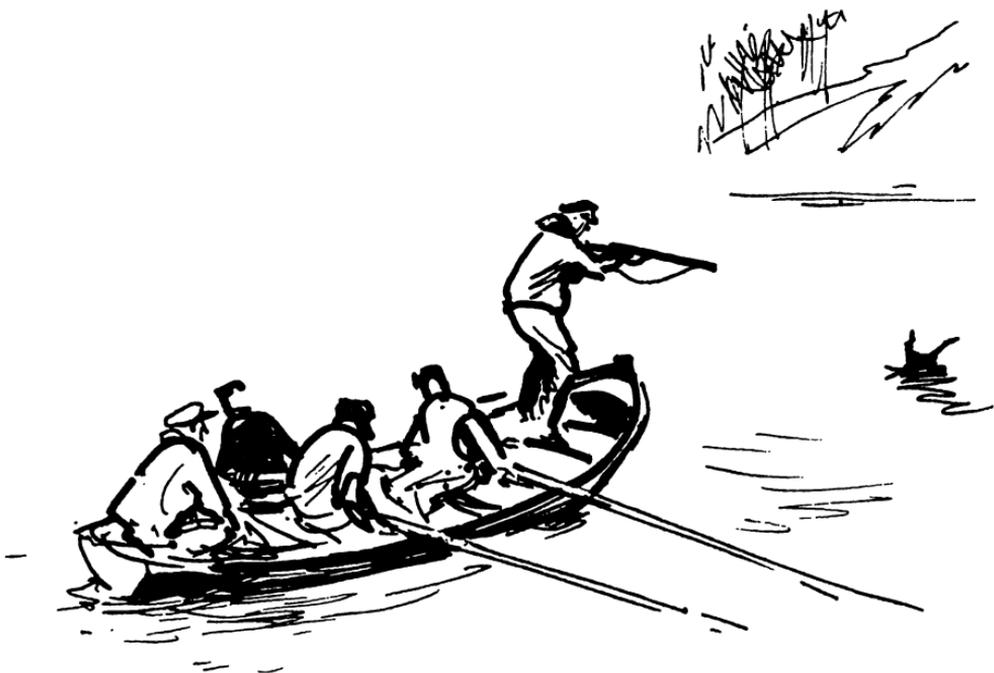
— Айда, ребята, кто со мной?

Ну и нашлись, конечно, добровольцы. На такую забаву всегда недоумки найдутся. По-скорому весла в уключины, отпихнулись, гребут. Шлюпка летит, как ракета. А механик стоит на носу, ружье наизготовку. Вот уже на выстрел подошли. Серый прицелился. Бах!

А козел только рогами тряхнул да ходу прибавил. Серый второй заряд ему — все равно результат один. Где там, с такой дистанции дробью. У козла шерсть, как войлок. Разве пробьешь?

Охотник наш опять заряжает. Вот тут бы ему жаканы в самый раз. Да нет жаканов-то. А козлу и плыть-то всего ничего осталось. Ну, правда, и шлюпка его настигает — вот-вот на таран пойдет. Серый в упор, можно сказать, два заряда ему послал, а тот, нечистая сила, только бякнул в ответ, обернулся да будто язык ему показал. Вот незадача.

А шлюпка совсем уже рядом. Шагов десять осталось. Пять шагов. Три... Серый встал в рост на носу, за стволы свое дареное ружье схватил, замахнулся. Прикладом целит в голову козлу. И надо же такой случай: Вася Грунин, моторист, загляделся, веслом «леща поймал». Шлюпка качнулась чуть-чутко. Серый тоже качнулся и промахнулся мимо головы-то. Прикладом-то промахнулся, а ремнем за рога как раз зацепил. Ну и потерял равновесие, понятно. Сам-то удержался, не смайнался в реку, а ружье свое отпустил. Ребята ему весло подают. Да пока снимали весло, чуть поотстали. Навалились в три весла. Вот-вот догонят, а козел тем временем до отмели доплыл. Вот спина из воды показалась, хвост.

И, глядим, вприпрыжку на бережок. А ружье у него висит на груди, как у автоматчика.

Вышел козел. Оглянулся на охотников, боками тряхнул — аж радуга поднялась — и неторопливо, рысцой, в тайгу направился. И с ружьем, со всем. Так и ушел...

Смеху тут было, куда там. Ребята скулят:

— Вот придет к своей козе, дощечку на прикладе покажет, врать начнет: «Смотри, мол, боевая подруга, меня за отличную работу чем наградили». Там, глядишь, козлятки соберутся, поздравлять станут...

И тут слышим гудок сверху. Идет наш караван. Кончай забаву — чалиться нужно. Собрали мешки, погрузились и к борту.

Серый наш с неделю козлом на людей смотрел. Потом отошел. Хотел было новое ружье покупать,

да раздумал. Как пришли в Туруханск, он охотнику одному весь свой боевой припас продал. Вот тут к месту пришлись и дробь и жаканы...

А Серого в этот год опять наградили: кинокамеру ему поднесли. Вот это дело: и шуму меньше, и занятие человеку, и народу удовольствие. Иной раз такое снимет да покажет — вся команда лежит, за животы держится. А он об одном горюет: «Был бы тогда аппарат — снял бы, как козел с ружьем в тайгу пошел. Вот бы кадр получился! Мне бы, говорит, за него премию дали, не иначе».

ДИВЕРСАНТ

Наш буксир борт о борт подчалил к агиттеплоходу, и, пока начальство обсуждало, какую лекцию прочитать и какую картину показать команде, Федор Степанович повел меня в библиотеку за книжками. Там уже человек пятнадцать набралось, и нам пришлось дожидаться. Мы встали за матросом — практикантом из ремесленного училища.

— Мне бы про диверсантов, — сказал паренек, когда подошла его очередь.

Федор Степанович неодобрительно глянул на него и сказал с укором:

— Взял бы чего поумнее...

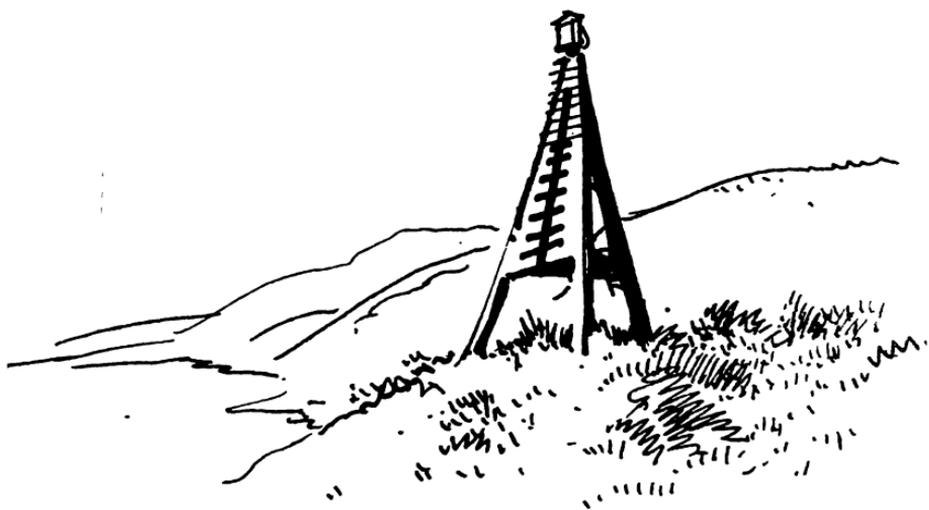
— Да ведь интересно, Федор Степанович, как их ловят-то.

— Это в книжках интересно, — возразил боцман, — а так никакого нет интереса.

— А вы их ловили, что ли?

— Приходилось... — сказал Федор Степанович.

Но тут кто-то позвал его сверху, и он ушел. А вечером я подкараулил боцмана и напомнил об этом разговоре.

— Ну, было такое дело,— сказал он,— только тут ничего занятного нет... В то время новую обстановку ставили на нижнем плесе. Там прежде карбидные бакены стояли на якорях. Тоже неплохое устройство, но ненадежное это дело. Бывает, сносит их, бывает, и погаснет, а главное — свет плохой. В тумане, к примеру, их почти и не видно. А участок, сам понимаешь, там особо важный: морские корабли идут. Ну, летом-то еще ничего. Тут солнце круглые сутки, и опытный лоцман совсем без знаков может корабль провести. А вот как из Игарки пойдут на Север, тут уж ночь настоящая, темнота страшная, а корабли с полным грузом. Осадка у них большая, ход — подходящий. Тут чуть промахнешь — и столько дров можно наломать, что потом и не разберешься. Вот и решили створные и перевальные огни электрические поставить.

Это на треноге ставят такой фонарь-маячок

с направленным светом. Свет очень замечательный — туман пробивает отлично. И тут же, на треноге на этой, стоит аккумуляторная батарея и мигающее устройство: ящичек такой небольшой, вроде как телефон-автомат, и проблеск любой можно установить, и паузу любую. Так что уж не собьется лоцман — по проблескам узнает огни.

Дело это, конечно, очень хорошее, но ставить там эти знаки затруднительно. Где скала, там бурили скважины станком, стальные балки туда загоняли и заливали бетоном. К балкам треногу крепили, и все устройство. А где тундра, там потруднее. Топь... Все плывет, ступить негде... А сваи нужно загнать на двенадцать, на пятнадцать метров, до самой мерзлоты. Для этого тоже станок сделан. Нужно, значит, выгрузку произвести, установить этот станок, а там другой раз и причалить негде... И боцману, конечно, работы хватает, да и не каждый боцман справится. Ну, вот и откомандировали меня на обстановочный катер.

К осени прикончили мы все дела, знаки установили, проверили. Все горят, как и следует быть. Стал я сдавать свое хозяйство и уже расчет собирался получать.

И тут на-ка: сообщают нам на базу, что на самом ответственном перевале погас знак.

Неприятность, конечно, большая. Меня-то лично это, конечно, не касается. Мое дело выгрузить, погрузить. Но все равно виноватым себя чувствуешь.

Вызывает меня командир:

— Так и так, Федор Степанович. Акт не спеша составлять, придется сходить на исправление. Может, там знак будем заново ставить.

— Есть, — говорю, — раз такое дело.

Ну, пошли. Прибыли. Выгрузились. Идем по топи по этой. А тут еще дожди были — так раз-

мыло тундру, что идешь и насилу сапоги выдираешь. Пришли на место и глазам не верим: знак честь честью стоит на своем месте, и фонарь цел, и батарея цела, а мигающее устройство сорвано с корнем, как говорится, измято все и тут же валяется в грязи. И провода на ветру болтаются. И следов нет никаких — засосало все грязью.

Тут ясное дело: злой умысел, диверсия.

Наш командир дает радио куда следует: «На таком-то знаке чрезвычайное происшествие...»

И нам сразу по радио приходит ответ: «К работам не приступать, ожидать спецгруппу...»

Вскоре прибыл катерок пограничный. На нем старший лейтенант с отрядом. Ребята на подбор — молодые, здоровые, с автоматами. Лейтенант этот тоже совсем молодой, но, видать, боевой мужик.

— Работа, — говорит, — грубая, и вредитель этот далеко не уйдет. Накроем.

Потом распорядился: нам, значит, на катер; а сами все там на месте происшествия осмотрели, обмерили, фотографии сделали, все честь по чести. В разведку послал он людей пройти по тундре, поискать, может, где следы какие оставил диверсант... А где там следы — топь же!

Вернулись разведчики. Их не узнать — в грязи все по самые уши. Доложили: «Нет ничего».

Записал он все, как есть, подробно и выносит такое мнение, что диверсант этот рекой сюда прибыл и рекой же обратно ушел. Усилил наблюдение на реке, а мы знак исправили — это минутное дело — и с тем отбыли.

На базе мы в Воронцово стояли. Я, как пришли, посчитал, что израсходовано, что осталось из материала, какие работы выполнены, заново акт переписал. А утром опять меня к командиру.

— Слушай, Степанович, — говорит, — опять ведь нам на тот знак идти.

— Да что так? — говорю. — Или забыли чего?

— Погас вчера к ночи.

— Да неужто опять диверсант? — спрашиваю. — Откуда же он вынырнул. На реке-то вроде никого не обнаружили.

— А уж это, — говорит он, — не нашего ума дело. Наше дело огни зажигать. А кто их гасит, это не нам определять.

Ну конечно, пошли опять туда. Приходим, а там уже спецкатер стоит. Командиром капитан. Суровый такой, молчаливый, уже в годах. Очки носит, взгляд такой пронзительный.

Этот первым делом нас всех допросил поодиночке. К себе в каюту пригласит, посадит, протокол возьмет и по всей форме пишет: «Вопрос», «Ответ», «Вопрос», «Ответ». И меня допросил. Все, как есть: имя, отчество, фамилию. Откуда родом, родственники какие есть, где учился, где работал...

Потом говорит:

— Расскажите, что знаете по данному случаю?

А что я знаю? Тут все, как есть, осталось без изменений. Знак на месте, фонарь цел, батарея цела, а мигающее устройство сорвано и тут же брошено. Все, как в первый раз.

— Да, — говорит, — почерк у преступника характерный.

Потом капитан вертолет вызвал — облетать весь этот участок и реку, снять все и посмотреть: не обнаружится ли где чего подозрительного? Ну, шалаш какой, или костер, или человек, например. Да только где там человеку быть, в этой топи? Весной, правда, приходят туда рыбаки на озера. Ну, да ведь те артелью приходят, открыто, и опять же время не то. А осенью здесь на сто километров живой души не сыщешь.

Вертолет задание выполнил, сообщил по ра-

дио: «Ничего не обнаружено». Стали они собираться.

А мы тем временем знак восстановили: поставили заново мигающее устройство, и опять наш фонарь замигал как положено.

Дело уже к ночи было. И как наладили техники маяк, как отрегулировали, я постоял тут, посмотрел. И так мне это стало почему-то удивительно: тундра голая, не пройдешь, не продерешься, а вот стоит такая тренога, как мертвая, стоит, и кругом тишина, только ветер чуть-чуть посвистывает и вдруг зажужжит там тихонько, как пчелка, и сразу такой огонь загорается над тундрой, как прожектор. Погорит сколько нужно, секунда в секунду, и опять: «ж-ж-ж-ж...» и погас. И то сказать — не хитрое, по теперешним временам, устройство, когда на Луну-то лететь собрались. Ну, а все же если задуматься — так диву даешься: до чего же человек умом дошел!

Как пришли в Воронцово, отмылись, почистились. Я опять за акт взялся. Закончил свою писанину, и расчет мне дали. Стал я свой личный сундучок собирать. И тут в третий раз нам сообщение: «Погас тот же знак».

На этот раз отряд раньше нас прибыл, на двух катерах. И за старшего у них майор. Ростом небольшой, в плечах широкий, лицом полный, румяный, волосы ежиком у него и нос чуть с курносинкой. Веселый такой майор. Все с шуточкой да с улыбочкой.

Пришел он к нам на катер.

— Ну, — говорит, — работяги, задал вам перцу наш диверсант? Но только это уж в последний раз. Больше он вас не потревожит.

— Да ведь это как знать? — отвечает наш командир. — До вас тут двое были, всю тундру вымесили, а не поймали его.

— Где двое были, там третьему не миновать, — смеется майор. — Поймаем, не таких ловили.

Потом к знаку пошли. Картина та же. Майор этот ничего мерить не стал и снимать ничего не стал. Только ящичек этот подобрал, повертел, осмотрел со всех сторон и бросил.

— Долго ли, — спрашивает, — исправлять повреждение?

— На полчаса делов, — отвечают наши.

— Ну давайте орудуйте. А мы пока с папашей (это он про меня) по тундре пройдемся.

Пошли.

— Эх, — говорит он, — до чего же места тут унылые! Это что же, всегда тут так?

— Нет, — говорю, — весной тут очень даже красиво. Цветов много: и незабудки есть, и пушки, и жарки, и саранка...

— И бабочки есть?

— Мотыльки летают.

— И пчелы есть?

— Есть и пчелы.

— Так, так, — говорит. — Ну пойдем посмотрим, может, там уже управились.

А там давно все готово.

— А что же, — говорит майор, — не горит ваш фонарь?

— Светло пока, вот и не горит. А темнеть начнет — загорится.

— А сейчас его засветить невозможно?

— Почему невозможно? Проще простого: вот это окошечко ладонью прикрыть, фотоэлемент сработает, и все.

Постоял он, послушал, как мигалка жужжит, поглядел, как фонарь мигает.

— Ладно, — говорит. — До вечера дела не будет. Диверсанта поймаем ли, нет ли? А рыбки хорошо бы половить. У нас там на катере бредешок есть. Может, закинем?

Закинули. Много-то не поймали, а ведра три взяли.

Ну, пока это возились с ловлей да с ухой, тут и вечер подошел. Он из отряда отобрал двенадцать человек поздоровее, ракетницы приказал взять, остальных на катера, и катерам чтобы отойти с километр вниз. Огней чтобы не зажигать, камбуз не топить и ждать сигнала — две зеленые ракеты. А как сигнал — сразу чтобы сюда.

Мы, конечно, во все глаза глядим, допоздна так глядели, но только ничего не дождались. Уж совсем как стемнело, пришли они, до утра проспали, а с утра опять за бредень.

На другой вечер все, как прежде. Они, двенадцать бойцов с майором, — в засаду, а мы — на катера. Ждем. И вот только-только темнеть стало, глядим: две зеленые ракеты. Сигнал. Мы туда полным ходом, а там такое творится. Ну прямо салют. Ракеты красные и зеленые взлетают то там, то тут, только не кверху, а понизу, в сторону знака.

Подошли мы, на берег вышли и видим такую

картину — медведь. Не так чтобы очень большой, но и не маленький, годов трех. Мечется по тундре по брюхо в грязи и все норовит от берега подалее уйти. А его со всех сторон обступают бойцы, и все уже и уже круг. Вот он туда кинется, сюда, деваться-то некуда, и идет на прорыв. А тут в него прямо ракетой. Он в другую сторону бросается, и там его ракетой встречают. И так, не спеша, прижимают к берегу все ближе и ближе. Мы, конечно, дорогу ему уступили, а те уже совсем плотно сошлись и загнали его прямо в воду — больше-то некуда ему податься. Поплыл он. Одна морда торчит. Тут мы на катер и настигли его. Я петлю соорудил наскоро из пенькового троса, накинули ему, и как раз под мышки пришлось. Потом стрелу грузовую за борт вывели, подтянули его на блоке. Он, конечно, бьется, ревет. Лапищи здоровые у него, когти, как кинжалы. Но мы его скоро обезоружили — на все четыре лапы концы набросили и скрутили беднягу. Лежит он на палубе. Смотрит на нас. Глазки маленькие, сердитые очень. И скалится.

Тут майор приходит на катер, ногой его тихонько пихнул. Мишка рыкнул, глянул на него. А майор смеется.

— Судить, — говорит, — вас, гражданин Топтыгин, будем. Вам, — говорит, — Михаил Иванович, по вашей статье высшая мера наказания полагается, но, принимая во внимание вашу малую сознательность, суд, думаю, найдет возможным заменить вам расстрел пожизненным заключением в зоопарке...

Клетку сбили ему, посадили туда диверсанта. Он сперва бился очень, а как накормили его холодной кашей со сгущенкой, так и успокоился. Совсем ласковый стал. Урчит, облизывается.

Ну конечно, как увидели мы его, так и ясной стала вся картина: осенью в тундре трудно про-

питание находить. Вот они и шатаются, до самых холодов все ищут, что бы на зуб положить. А тут знак этот. Понюхал, наверное, Мишка — ничего интересного, а тут, может, и сработало мигающее устройство: жужжит. Он, видно, за улей принял его да лапой-то и сорвал. Сбросил с места, а оно замолчало. Понюхал да ушел. А в другой раз пришел — опять жужжит. Вот так и вышло.

Неделю он у нас на катере пожил, а потом мы вместе с ним в Красноярск отправились на одном пароходе. Привык я к нему, и он ко мне очень привык. Узнавал меня, как подойду. А уж как в Ленинград его отправляли, я с ним, как с родным, расставался. Он и теперь там, в Ленинграде, в зоопарке. И кличка осталась — Диверсант. А эти мигалки мы повыше поставили, и с тех пор таких происшествий больше не было. Который год горят знаки, и никто их не трогает.

ПЕТУШИНОЕ СЛОВО

Кок поставил на стол миску и стал разливать жирный суп по тарелкам...

— Опять говядина... — сказал моторист Вася Грунин и вздохнул так, словно его кто обидел.

— А ты на «Павлова» переходи, — возразил кок, — там на обед курятину дают, а на завтрак глазуньи...

Все, кто был за столом, дружно расхохотались, но тут же занялись супом и до конца обеда никто больше не вспомнил об этой маленькой стычке.

Один я не понял, о чем был разговор, и, когда мы с боцманом вышли покурить на корму, спросил его об этом.

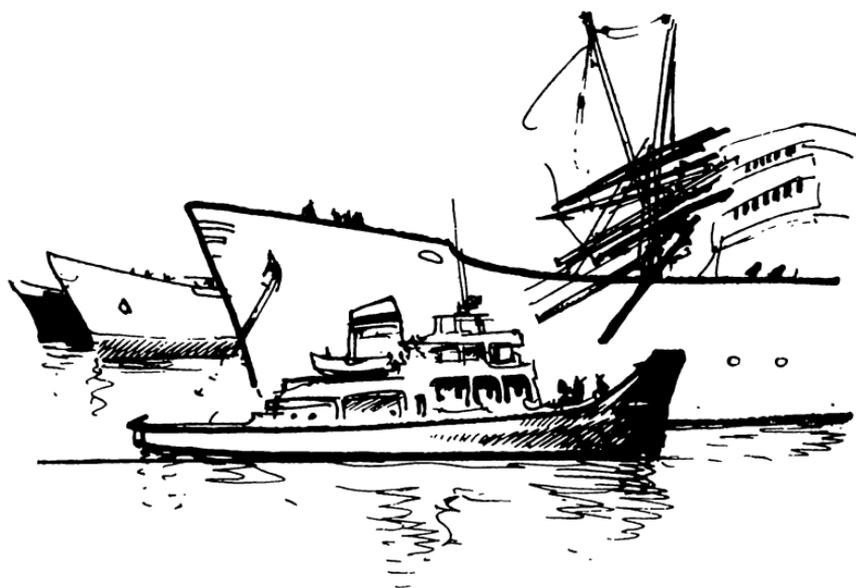
— Ну, посмеялись, — сказал Федор Степано-

вич.— Это ничего. Только смеяться-то мы все мастера, а мозгами пораскинуть — это не каждому дано. Я так думаю, над пароходом тоже смеялись, когда он первый-то раз по реке пошел... А дело тут, если хочешь знать, такое: есть у нас капитан Павлов Илья Парамонович. Человек он затейливый и знания большие имеет. И не так, как иной,— знать-то знает, да при себе держит. Этот что где услышал, что прочитал — сейчас смотрит: к делу как бы применить.

Вот, скажем, баржи. Их сто лет во всем мире за кормой на буксирах водили. А он приспособился носом толкать. Не он первый, конечно, придумал. На других реках тоже пробовали, а у нас тут никто еще такого не применял. Тоже много смеялись тогда. Виданное ли дело: позади воза впрягаться? А дело-то оказалось умное: буксиром ты ее, баржу-то, вперед тянешь, а струей от винта назад отбиваешь. Толкать-то, выходит, выгоднее, экономия большая получается. Теперь все это знают и по всем рекам толкают, а тогда смешно показалось.

Словом, с головой человек. И капитан отличный. Команда души в нем не чаает, а вот поди ж ты, по всей реке, как вспомнят Павлова, так и смех. Вроде как анекдот.

Лет этак пять или шесть тому будет — командовал он большим буксиром, вроде нашего. И я боцманом был при нем. Пришли мы в Игарку, плот привели и встали под борт к англичанину. Он прямо с воды грузился. А Илья Парамонович стоял на мостике и наблюдал за погрузкой. И тут — надо же! — строп на весу рассыпался. Бревна мокрые запрыгали, как лягушки, кто куда. И одно торцом прямо в грудь Илье Парамоновичу и к рубке его придавило. Подбежали мы к нему — поднимать, а он и не дышит. Думали, всё, конец. Но фельдшер послушал, говорит: «Живой». Ну

конечно, на катер его — и в больницу. Там доктора сперва на месте хотели его ремонтировать, а как просветили, видят: на этот случай тут в Игарке и мастеров таких нет. И то сказать — крепко его приложило: ребра все, как есть, переломаны и внутри что-то там оборвалось. В общем, авария полная.

Ну, сделали, что на первый случай положено, и тут же упаковали его на носилки, снарядили самолет и прямым ходом в Красноярск. Я его сам провожал, и доктор с нами летел и всю дорогу уколы ему делал.

А там его уже ждут, в Красноярске. Сразу на машину — и в больницу. Занесли, а тут и профессор выходит. Посмотрел он на нашего капитана, головой покачал...

— Да... — говорит. И больше ничего не сказал. Потом еще посмотрел, пощупал, послушал...

— Ну что же, — говорит, — готовьте больного, будем оперировать.

Я сижу жду. Тут и Ольга Сергеевна — супруга его — прибежала. Сидит ни жива ни мертва. Молчит, платочек к глазам прикладывает.

Часа полтора мы так просидели. Тут выходит профессор. Потный весь, руки дрожат.

— Вы супруга? — спрашивает.— Так вот, повезло вашему мужу. Еще бы час промедлить, остались бы вы вдовой. А теперь будет жить и работать будет ваш муж, но только не сразу. Года два ему лечиться. Ему еще три операции сделать нужно, а сразу нельзя. Хоть он у вас и богатырь, а все равно никакой организм не выдержит. И вы приготовьтесь: вам нелегко достанется. Уход за ним нужен будет, как за маленьким, и усиленное питание — куриные бульоны каждый день, яички всмятку, белое мясо... Вот так...

Жили Павловы не больно богато. Из вещей — только что на себе, и на книжке не ах какие тысячи. Племянница у них — вдова с тремя детьми; они ей помогают. Да и так кто попросит, он всегда без отказа дает... Домик, правда, у них на правом берегу возле затона. При домике садик, и там Ольга Сергеевна цветы разводила. Бывало, как в рейс — такие букеты она ему приносила, что весь флот завидовал. А тут, раз такое дело, прикинула — выходит: не до цветов теперь. Мужа на ноги нужно ставить. На неделю, посчитай-ка, — три курочки да яичек две дюжины... Снабжение у нас тогда неважное было. Значит, с базара все это. Так за два-то года все, что есть в доме, — все на базар и перетаскаешь.

Вот она цветы свои совсем оставила, купила инкубаторных цыплят сорок штук, кормов достала. С курами Ольга Сергеевна никогда не занималась — из городских она. Ну, да ведь, может, и лучше, что не занималась. В наше-то время никакое дело не секрет. Женщина она грамот-

ная — в институте английский язык преподает. Взяла в библиотеке книжек по куриному вопросу, обставила все по-научному, и так-то славно дело у нее пошло.

Когда Илья Парамонович первый раз из больницы домой пришел, у нее уже целая птицеферма на дворе.

Очень он слаб был тогда. И одышка, и боли, и ходить сам не мог. Вот она выведет его, на лавочку посадит, зерна ему даст кулечек и уйдет куда по хозяйству: а ты, мол, Илюша, сиди здесь, с курочками занимайся.

Ну он бросит им зерна горсточку: «Цып-цып-цып». Они, понятно, сбегутся, клюют, петушки молодые дерутся... А ему развлечение. И так-то куры привыкли к нему: бывало, он на порог, а они со всего сада к его скамеечке наперегонки.

После второй операции он уже покрепче стал. И ходил, и руками кое-чего мог работать. Другой раз и курятники почистит, и корму птице задаст. За два-то года так к этому делу приспособился, будто всю жизнь только курами и занимался.

А тут его и с инвалидности сняли. Выходили его врачи. И Ольга Сергеевна, конечно, не последнее слово в этом деле сказала. Опять стал молодец молодцом, еще крепче прежнего.

Пошел он к начальству.

— Как,— спрашивают его,— на берегу тебе работу подыскать или в рейс?

— Мне бы,— говорит,— в рейс. Очень я по реке скучаю.

А дело уже к лету. Флот в плавании. И команды укомплектованы с весны. Ну, посмотрели, поискали и подобрали ему буксирчик «Академик И. П. Павлов». По весне он пробоину получил и тут как раз из ремонта вышел.

— Возьмешь? — спрашивают.

— Возьму,— говорит.— Почему не взять? Пароход «И. П. Павлов». И капитан И. П. Павлов... Чего же лучше-то? Нарочно не придумаешь.

Посмеялись начальники, и он посмеялся. Взял пароход. А пароход, прямо сказать, не завидный. Прежде-то, когда имя ему давали, числился он в первых рядах буксирного флота. И красавцем считался, и силачом... Ну, да ведь это когда было-то? С тех пор столько воды утекло в океан... И флот теперь не тот, и грузы не те... Ну, однако, списывать тоже рано. Прибыль дает и план выполняет. Приспособили его разгонным, на побегушках: там баржонку прихватит, там плотишко отведет, там на палубу возьмет сотню-другую тонн случайного груза. Беспокойное дело, конечно, ну,

зато веселое: нынче здесь, завтра там, как в песне поется... Все время в заботах, все время с народом... Не заскучаешь, одним словом.

Илье Парамоновичу это как раз по душе пришлось. И то сказать — засиделся человек на берегу: два года то в палате, то с курами.

Вот он месяц поплавал и два. Попривык, вошел в колею и тут чувствует: не хватает ему чего-то. Все будто ладно. И команда подобралась хорошая, и с планом порядок полный, а все чего-то недостает.

Как-то раз привели мы баржонку в Атаманово. Дело к ночи было. Встали под кормой у дебаркадера, а на рассвете проснулся Илья Парамонович от петушиного крика. Там у начальника пристани курочек с десятков и петух, такой горластый — беда.

Тут и понял Илья Парамонович, чего ему не хватает — кур!

И с тех пор как на стоянке где курицу увидит, сразу в карманы пшено и на берег — кормить: «Цып, цып, цып...» Так и стоит, пока все пшено им не скормит.

И тут запало ему в голову: у себя на буксире кур завести. Да ведь это сказать легко. А где их там заводить? В клетках куры плохо живут, им разминка нужна, а на палубе не больно разгуляешься. Если на берег выпускать — опять не годится: разбредутся, а потом и не соберешь их.

А нужно сказать — человек он дотошный.

Вот он, когда буксир принял, решил поглубже узнать: кто же такой И. П. Павлов, чье имя пароход носит? Знал он, конечно, что академик, большой ученый, а в чем его наука — одним ухом слышал, а толком, конечно, не знал.

Зашел он в библиотеку.

— Так и так,— говорит,— мне бы труды академика Павлова.

— Что это вы, Илья Парамонович, не по специальности книги берете? — смеется Люся, библиотечка.

— Ну, как же не по специальности? Пароход-то мой «Академик Павлов».

— Ой, верно,— говорит Люся,— а мне и ни к чему. Ну, сейчас подберу.

И подает ему стопку книг. Стал он их читать на досуге. Сперва-то не больно у него пошло, а потом втянулся и вычитал там много полезных вещей. Узнал, между прочим, что академик над собаками опыты делал и над другими животными, и такую штуку заметил: вот если, скажем, собаку кормить по звонку, так она, как привыкнет, на этот звонок за версту будет прибегать. А в другой звонок позвонишь — она и ухом не поведет.

.Иной, может, прочитал бы про такое дело и стороной бы прошел. Мало ли чего там ученые придумают — не нашего ума это дело...

А Илья Парамонович задумался: нельзя ли этот академический опыт к своей затее применить? Прикинул он так и так, обмозговал это дело и решился: построил клетки для кур на корме по всей форме, как полагается, и с кормушками. А как пришли в Красноярск, он к жене:

— Дай, мол, Сергеевна, нам на команду штук двадцать несущек и петушка.

— Возьми хоть всех,— говорит она,— мне не жалко. Да только недолго они пронесутся. Пропадут все без разминки.

— А может, не пропадут,— смеется он.— Я такое петушиное слово придумал, чтобы не пропали.

— Что же за слово?

— Пока,— говорит,— секрет. А ты не скупись, давай.

Ну ладно. Кур мы доставили, поселили на новых квартирах. И тут Илья Парамонович строго-настрого приказал: до второго гудка никакого корма им не давать. Ни корочки чтобы, ни зернышка — ничего. А как второй гудок, тут сразу всем корм засыпать в кормушки, и тут уже вволю. А если ночью случится — все равно: полный свет давать у клеток и при свете кормить.

Вот так поплавали мы с месяц. К режиму куры скоро привыкли. А вот к неволе никак не привыкнут. Хохлиться начали, иные нестись перестали, иные болеют. И тут решился капитан сделать опыт.

В тот раз стояли мы на малой стоянке — грузили гравий в баржонки. Селенья там нет никакого. Один плавучий кран стоит — грузит гравий прямо из-под воды. А на берегу лесок с подлеском.

Илья Парамонович под самую косу притерся, сходню приказал спустить и, как встали, все клетки открыл и кур выгнал на берег, на прогулку.

Тут, конечно, советчики нашлись.

— Как, мол, ты их собирать будешь? Разбредется ваше жаркое по подлеску, так тут до ночи их не загонишь.

— А я и загонять не стану. Я им петушиное слово скажу, они сами домой прибегут.

Куры разбрелись, конечно. Те червяков клюют, те в траве роются, те в пыли купаются. Засиделись в клетках-то, так им в охотку. А Илья Парамонович на мостике распоряжается погрузкой, дает указания. А на кур и не смотрит совсем, будто его это и не касается. Погрузка к концу подходит. Одна баржа готова. На другую пяток ковшей

осталось погрузить. Тут подходит к нему шкипер с баржи.

— Ну что ж, — говорит, — Парамоныч, говори свое петушиное слово. Сейчас отходить.

А тот на часы посмотрел.

— Нет, — говорит, — не сейчас. Пока догрузим да пока подчалим — это минут сорок верных. Придет время — скажу.

И дает первый гудок...

Куры, как услышали гудок, встрепенулись было, головки подняли, дослушали сигнал до конца и опять за свои дела.

Тут кран поднял последний ковш, бросил в трюм и отошел. Я кликнул матросов и пошел со шкипером буксир заводить. А когда мимо мостика шли, шкипер опять:

— Ну, где же твое слово-то петушиное?

— А вот сейчас, — говорит, — скажу. Ты иди, чаль.

И только мы на шлюпку спустились, смотрю, за сигнальную ручку взялся, будто и равнодушно, а сам, вижу, одним глазом на берег глядит. Вот он длинный гудок отсигналил. Вот два коротких.

И тут куры, как одна, подхватились, все свои дела на берегу бросили, бегут, спешат, крыльями машут. Подбежали к сходне и по сходне вверх, только что не летят. И каждая к своей клетке, и сразу носами в кормушки. И уж тут их полный обед ожидает: на этот случай особенно постарались — вареной рыбы им накрошили, зерна напарили, хлеба.

С тех пор так и повелось. Вот уже третий год у Павлова целая птицеферма на корме. И теперь где-нигде, как стоянка, клетки настезь и кур на берег — гулять. А как второй гудок — все по местам.

Ну конечно, смеется народ. Куроводом прозва-

ли Павлова. А на буксире так очень даже довольны: по утрам яичницы жарят, в обед куриную лапшу едят и капитана похваляют. А я так думаю: был бы жив академик Павлов, и он бы однофамильца своего похвалил...

Ну, а так, конечно, смешно, кому доведется увидеть. Уж больно они на судно торопятся. Особенно отстанет которая — точь-в-точь опоздавшая пассажирка... Ну, да ведь смех-то не грех. Вот Павлов-то, академик, пишет, что от смеха тоже польза — и аппетит повышается, и работоспособность, и настроение...

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА ВРУНГЕЛЯ. Повесть. <i>Рисунки К. Рогова</i>	3
МОРСКИЕ САПОГИ. Рассказы. <i>Рисунки Л. Фалина</i>	178
РАССКАЗЫ СТАРОГО БОЦМАНА. <i>Рисунки В. Богаткина</i>	323

Для младшего и среднего школьного возраста

Андрей Сергеевич Некрасов

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА ВРУНГЕЛЯ

Избранные произведения

ИБ № 3529

Ответственный редактор Л. П. Серебрякова. Художественный редактор Т. М. Токарева. Технический редактор Е. В. Пальмова. Корректоры Э. Л. Лофенфельд и М. Ю. Мерперт. Сдано в набор 06.02.80. Подписано к печати 28.11.80. Формат 60×90/16. Бум. офс. № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 15,92. Тираж 100 000 экз. Заказ № 406. Цена 80 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

80 коп.